

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ПО ОБЩЕМУ
И СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

3

МАЙ — ИЮНЬ

«НАУКА»
МОСКВА — 1991

Главный редактор: Т. В. ГАМКРЕЛИДЗЕ

Заместители главного редактора:

Ю С СТЕПАНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АБАЕВ В. И.
БАНЕР В. (ФРГ)
БЕРНШТЕЙН С. Б.
БЕРНБАУМ Х. (США)
БОГОДЮБЕВ М. И.
БУДАГОВ Р. А.
ВАРДУЛЬ И. Ф.
ВАХЕК Я. (ЧССР)
ВИНТЕР В. (ФРГ)
ГРИНБЕРГ ДЖ. (США)
ДЕСНИЦКАЯ А. В.
ДЖАЗКЛИ Г. Б.
ДОМАШНЕВ А. И.
ДРЕССЛЕР В. (Австрия)
ДУРИДАНОВ И. (Болгария)
ЗИНДЕР Л. Р.
ИВИЧ П. (СФРЮ)
КЕРНЕР К. (Канада)
КОМРИ Б. (США)
КОСЕРИУ Э. (ФРГ)
ЛЕМАН Х. (США)
МАЖЮЛИС В. П.

МАЙРХОФЕР М. (Австрия)
МАРТИНЕ А. (Франция)
МЕЛЬНИЧУК А. С.
НЕРОЗНАК В. П.
ПЕЛЬХ Г. (ФРГ)
ПОЛОМЕ Э. (США)
РАСТОРГУЕВА В. С.
РОБИНС Р. (Великобритания)
СЕМЕРЕНЬИ О. (ФРГ)
СЛЮСАРЕВА Н. А.
ТЕНИШЕВ Э. Р.
ТРУБАЧЕВ О. Н.
УОТКИНС К. (США)
ФИШЬЯК Я. (Польша)
ХАТТОРИ СИРО (Япония)
ХЕМП Э. (США)
ШВЕДОВА Н. Ю.
ШМАЛЬСТИГ В. (США)
ШМЕЛЕВ Д. Н.
ШМИДТ К. Х. (ФРГ)
ШМИТТ Р. (ФРГ)
ЯРЦЕВА В. Н.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

АЛПАТОВ В. М.
АПРЕСЯН Ю. Д.
БАСКАКОВ А. Н.
БОНДАРКО А. В.
ВАРБОТ Ж. Ж.
ВИНОГРАДОВА В. А.
ГАДЖНЕВА Н. З.
ГЕРЦЕНБЕРГ Л. Г.
ГЕК В. Г.
ДЫБО В. А.
ЖУРАВЛЕВ В. К.
ЗАЛИЗНЯК А. А.
ЗЕМСКАЯ Е. А.
ИВАНОВ ВЯЧ. ВС.
КАРАУЛОВ Ю. Н.
КНЕРИК А. Е.
КЛИМОВ Г. А. (отв. секретарь)

КОДЗАСОВ С. В.
ЛЕОНТЬЕВ А. А.
МАКОВСКИЙ М. М.
НЕДЯЛКОВ В. П.
НИКОЛАЕВА Т. М.
ОТКУПЩИКОВ Ю. В.
СОБОЛЕВА И. В. (зав. редакцией)
СОЛНЦЕВ В. М.
СТАРОСТИН С. А.
ТОПОРОВ В. Н.
УСПЕНСКИЙ Б. А.
ХЕЛИМСКИЙ Е. А.
ХРАКОВСКИЙ В. С.
ШАРБАТОВ Г. Ш.
ШВЕЙЦЕР А. Д.
ШИРОКОВ О. С.
ЩЕРБАК А. М.

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка.

редакция журнала «Вопросы языкознания». Тел. 203-00-78

СОДЕРЖАНИЕ

Зубкова Л. Г. (Москва). Словесное ударение в характерологическом, конститутивном и парадигматическом аспектах	5
Степанов Ю. С. (Москва). Несколько гипотез об именах букв славянских алфавитов в связи с историей культуры	23
Мельничук А. С. (Львов). О всеобщем родстве языков мира (окончание)	46
Шеворошкин В. В. (Эйн Арбор). Лингвистический анализ новых карийских надписей (Находки 1985 г.)	66
Гринберг Дж. Г. (Стэнфорд). Об утрате гармонии гласных в некоторых чукотско-камчатских языках	76
Пюрбеев Г. Ц. (Москва). К типологии развития словосочетаний в монгольских языках	84
Мароевич Р. (Белград). Лингвистика и поэтика многозначности (Славянские переводы «Двенадцати» А. Блока)	95
Павлович Н. В. (Москва). Парадигмы образов в русском поэтическом языке	104

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

Арнольд И. В. (Ленинград). Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды	118
--	-----

Рецензии

Татарницев Б. Н. (Кызыл). <i>Щербак А. М.</i> Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков	127
Шаховский В. И. (Волгоград). <i>Volek B.</i> Emotive signs in language and semantic functioning of derived nouns in Russian	129
Климов Г. А. (Москва). Сарджвеладзе Э. А. (Тбилиси). <i>Ошанин А. Л.</i> Вопросы сравнительной грамматики картвельских языков (именная морфология)	134
Маковский М. М. (Москва). <i>Etymologisches Wörterbuch des Deutschen</i>	138
Туркин А. И. (Таллин). <i>Wotjakischer Wortschatz</i>	144
Зивдер Л. Р. (Ленинград). <i>Потапова Р. К.</i> Речевое управление роботом	147

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки	150
--------------------------------	-----

CONTENTS

- Zubkova L G (Moscow) Word accent viewed in characterological, constitutive, and paradigmatic aspects
Stepanov Yu S (Moscow) Some hypotheses on the names of letters in Slavonic alphabets in the light of the history of culture
Melnik A S (Kiev) On the universal affinity of languages of the world II
Sevoroškin V V (Ann Arbor) Linguistic analysis of new Carian inscriptions (the findings of 1985)
Greenberg J H (Stanford) On the loss of vowel harmony systems in some Chukotian languages
Pjurbeev G Is (Moscow) Typology of evolution of word combinations in Mongolian languages
Marojević R (Belgrade) Linguistics and poetics of polysemy (Slavonic translations of A Blok's «The twelve»)
Pavlov N V (Moscow) The paradigm of images in Russian poetic language
Surveys
Arnold I V (Leningrad) Contemporary linguistic theories of the interaction of language system and medium
Reviews
Tatarincev B I (Kyzyl) *Scerbak A M* Essays in comparative morphology of the Turkic languages
Saxovskij V I (Volgograd) *Volek B* Emotive signs in language and semantic functioning of derived nouns in Russian
Klimov G A (Moscow) *Sardzveladze Z A* (Tbilisi) *Orta ni A L* Problems of comparative grammar of Kartvelian languages (nominal morphology)
Makovskij M M (Moscow) *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*
Turkin A I (Tallinn) *Wotjakisches Wortschatz*
Zinder L R (Leningrad) *Potapova R K* Speech control of robot operations
Scientific life

© 1991 г

ЗУБКОВА Л. Г.

СЛОВЕСНОЕ УДАРЕНИЕ В ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКОМ,
КОНСТИТУТИВНОМ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ*Светлой памяти Маргариты Ивановны Матусевич*

Звуковая форма слова отражает 1) единство универсальных, групповых (генетических, ареальных, типологических) и индивидуальных свойств языка, 2) иерархический характер его уровневой структуры, 3) иерархическую организацию лексики. Соответственно в звуковой форме слова, в том числе в его акцентной структуре, могут быть выделены характерологический, конститутивный и парадигматический аспекты.

Характерологический аспект. В своем характерологическом аспекте звуковая форма слова представляет собой единство общего, особенного и отдельного. Неповторимое своеобразие звуковой формы слова в каждом языке создается не столько за счет неких уникальных черт, сколько благодаря тому, как преломляются и взаимодействуют в ней универсальные и групповые характеристики.

Свойственное русскому слову разноместное подвижное ударение, не являясь специфической особенностью только русского языка, существенно характеризует его в типологическом отношении — как язык флективных но-фузионного строя.

Известно, что недостаток различительных потенций сегментных средств в составе слова может быть восполнен с помощью различных суперсегментных характеристик — тона, сингармонизма, разноместного и/или полнотонического (полнакцентного) ударения. Чтобы в словоразличительных целях могло использоваться разноместное ударение, слово должно иметь по меньшей мере биомное строение, т. е. представлять собой синтагму (в сосюровском смысле), состоящую как минимум из двух компонентов (морфем, слогов и т. п.). Ясно, что такое ударение не может быть свойственно, например, изолирующим языкам, если для них характерно тождество слога, морфемы, слова. По-видимому, не может быть разноместного словесного ударения и в тех агглютинативных языках, где совпадения произносительно-слухового состава корневых морфем, в большинстве своем односложных, с произносительно-слуховым составом слова также «составляют норму морфологического типа» [1, с. 183], а почти все суффиксы (точнее, «корни в роли суффиксов») существуют самостоятельно и только в ременно сочетаются с главным корнем, сохраняя отчетливость и обособленность [1, с. 115]. Потенциальная самостоятельность морфем, входящих в агглютинативное слово, предохраняет их от редукции, а коллекционный, производимый характер словоформ [2], очевидно, вообще препятствует закреплению ударения за каким-либо элементом, о чем свидетельствуют неоднократно отмечавшиеся колебания в определении места ударения в таких классических агглютинативных языках, как турецкий, монгольский и др

В противоположность этому во флективно-фузионных языках воспроизводимость, селекционность словоформ при обязательном биномном строении благоприятствует закреплённости ударения за одним из компонентов, причем не всегда за тем же самым в разных формах слова. Необходимость в акцентном различении форм одного слова появляется прежде всего тогда, когда возникает опасность омонимии словоформ. Вот почему разноместное (подвижное) ударение в формах одного слова вполне возможно во флективно-фузионных языках, в частности в русском, и не характерно для агглютинативных языков, имеющих аксиальную структуру парадигмы [3].

Конститутивный аспект. При установлении сущности и природы словесного ударения следует исходить из единства содержания и формы, из диалектики звуковой формы слова как единства внутреннего и внешнего.

Единство внутреннего и внешнего в звуковой форме слова, и в том числе в акцентной организации, обусловлено его положением в иерархии языковых единиц. Фонетически слово структурировано как значащая единица, связанная конститутивными (конституентными) отношениями с морфемой и предложением. Внутренняя форма присуща слову как определенному типу связи морфем, внешняя — как синтаксически неделимой части предложения-высказывания.

Такое понимание звуковой формы слова восходит к В. Гумбольдту. Гумбольдт различает два вида звукового единства слова: внешнее, характеризующее слово как целостность, как индивидуальную сущность в его отношении к конструкции предложения, и внутреннее, характеризующее взаимосвязанность значащих элементов в составе слова [4, с. 127—144].

К различению внутреннего и внешнего в фонемной и акцентной организации слова в сущности подошел уже И. А. Бодуэн де Куртэнэ. Развивая учение о последовательной делимости «текущего» произносительно-слухового языка (предопределяющей преимущественно нисходящую направленность речевосприятия, ср. [1, с. 76—78] и [5, с. 122—128]), о двух типах постепенного членения языкового целого — фонетическом и семасиологически-морфологическом и их взаимосвязи, выражающейся, в частности, в морфологизации и семасиологизации фонетических элементов [1, с. 246—293], Бодуэн в принципе показал целостность и иерархический характер языковой структуры, вследствие которого значащие единицы языка «...могут выступать как неделимые единства или как совокупности, составленные из отдельных частей» [1, с. 198]. Соответственно ударение, согласно Бодуэну, может оформлять слово (синтагму) либо как синтаксическую единицу (составную часть предложения), либо как морфологическую единицу (комплекс морфем). Синтаксическое ударение «...свойственно не известным морфемам как частям слов, а только известным слогам отдельных слов как синтаксических единиц или как фонетических частей предложения» [1, с. 143] и «...целиком принадлежит единственно к области фразовой фонетики» [1, с. 335]. Если же ударение морфологически подвижно и «ударением оттеняются известные морфемы в противоположность другим морфемам» [1, с. 34], то «следует говорить не об ударении слогов, а об ударении морфем», [1, с. 142], ибо «дело не в слогах как фонетических частях слов, а в морфемах как морфологически-семасиологических частях слов» [1, с. 142].

Различие между синтаксизованным и морфологизованным ударением Бодуэн (как позднее Р. О. Якобсон [6] и Е. Д. Поливанов [7]) связывал

с р а з н ы м и языками, противопоставляя языки с фиксированным синтактизованным ударением языкам с подвижным морфологизованным ударением. Польский язык, по Бодуэну, принадлежит к языкам с синтактизованным ударением, русский — к языкам с морфологизованным ударением. Однако вряд ли случайно в русской лингвистической традиции сложились разные подходы к описанию словесного ударения, и оно рассматривается то как ударение морфем, то как ударение слогов. В современных морфологически ориентированных описаниях за основу берется акцентная парадигма в ее соотношении со словоизменительной, в фонетически ориентированных описаниях — ритмическая структура фонетического слова (слоговое ударение). Правомерность обоих подходов обусловлена тем, что звуковая форма слова, как и других значащих единиц, будучи единством непрерывности и прерывности, имеет одно временно и внешний, и внутренний аспекты. Внешний характеризует звуковую сторону единиц языка и речи в их непрерывности, целостности, внутренний свойствен им как составным, прерывным единицам. С этой точки зрения и в польском, и в русском языках ударение должно быть как синтактизовано, так и морфологизовано.

Внешняя форма единицы определенного уровня выявляется в ее отношении к другим единицам того же уровня, в частности в составе единиц более высокого ранга. Входя в единицу высшего ранга в качестве составляющих элементов, единицы низшего ранга, взяты в целом, т. е. своей внешней формой, образуют ее внутреннюю форму. Так как иерархические (конститутивные) отношения охватывают весь ряд разноуровневых единиц, то наряду с непосредственными связями возникают также опосредованные и тем самым обеспечивается единство и целостность системы. «Оборачиваемость» формы и содержания, с одной стороны, внутренней и внешней формы — с другой, обуславливают единство языковой системы в целом и плана выражения в частности. Так, в русской речи просодические характеристики словоформ как целостностей, а именно словесные ударения разной степени выделенности, составляют внутреннюю форму синтагм. Интонационно-ритмические контуры синтагм, характеризуя каждую из них как целостность со стороны внешней формы, в свою очередь образуют внутреннюю форму высказывания. Таким образом, оказываются связанными не только словоформа с синтагмой, а синтагма с высказыванием, но опосредованно и словоформа с высказыванием: словесные ударения образуют как бы вторичный пласт внутренней формы высказывания. Выступая в качестве компонента внутренней формы синтагм и высказываний, словесное ударение в русском языке неизбежно получает статус синтактизованного.

Акцентная характеристика русского слова включает четыре функционально значимых момента: ударность/безударность, степень ударности, место ударения, его подвижность/неподвижность. Первые два момента характеризуют слово прежде всего с внешней стороны как значащее целое в отношении к предложению-высказыванию. Они указывают на связь данного слова с другими членами предложения [8, с. 70] и тем самым выполняют классифицирующую функцию, а это означает, что русское ударение еще и лексикализовано. Словесное ударение в русском языке — признак полноточности слова. Семантически и синтаксически самостоятельные полноточные слова являются самостоятельными и в фонетическом отношении. Они противопоставляются служебным словам как обычно ударные и способные принимать на себя фразовое ударение. Служебные слова, прежде всего первообразные, лишены номинативной и сигнификативной

функций, обладающие относительным и в высшей степени обобщенным значением, синтаксически несамостоятельны. Отсюда и их фонетическая не самостоятельность. Разные классы полнозначных слов имеют в тенденции разную степень ударности в соответствии со степенью своей знаменательности и различаются по способности быть носителями фразового ударения [8, с. 81—104]. Степень ударности слова зависит также от синтаксической позиции, положения относительно фразового ударения, наличия отсутствия логического ударения и коммуникативного типа высказывания [9]. Чтобы составить потенциальный минимум предложения и иметь ударение, полнозначное слово должно обладать слоговой структурой (для служебного слова это необязательно). В слове как синтаксической и фонетической целостности ударение выделяет один из слогов, и акцентная организация слова описывается в терминах ритмических структур (РС).

Не являются исключительно морфологизованными и акцентные характеристики, касающиеся локализации ударения в морфологической структуре слова. В языках синтетического типа, использующих для выражения синтаксических отношений специальные реляционные морфемы, морфологически подвижное (морфологизованное, по Бодуэну) ударение неизбежно становится и синтаксизованным, если подвижность касается акцентного соотношения основы и окончания, которое сам Бодуэн называл «синтаксической морфемой» [1, с. 337]. Таким образом, соотношенная со словоизменяющей акцентная парадигма, или иначе акцентный тип (АТ), характеризует слово одновременно и с внутренней стороны (как определенный тип связи морфем), и с внешней стороны (как синтаксическую единицу). Но так как внутренняя организация в данном случае направлена на выражение внешних связей, то акцентная парадигма — это в первую очередь характеристика внешней формы. Акцентная парадигма служит дополнительным средством различения слов путем противопоставления ударения, падающего на основу (АТ А), флексии (АТ В). Если в системе языка имеется также противоположение подвижного (АТ С) и неподвижного (АТ А и В) ударения, то не только подвижность, но и неподвижность оказывается приметой определенных синтаксических связей и функций слов и словоформ. Таковы в русском языке акцентные различия между атрибутивными и предикативными формами имен прилагательных и глаголов. Возможная подвижность ударения в предикативных формах и неподвижность ударения в атрибутивных формах служат приметой координации или согласования.

Поскольку с внутренней стороны слово представляет собой определенный тип связи морфем, выступающих в качестве элементов содержания, то соответственно акцентная структура слова определяется в терминах морфемного ударения. В русском языке оно может падать на корень и суффикс, реже на флексию, еще реже на префикс и постфикс. Будучи характеристикой внутренней формы слова, морфемное ударение, как и акцентная парадигма, соотносено с внешней формой. Не случайно разные классы полнозначных слов, различаясь по типу знаменательности и по степени ударности в предложении-высказывании, различаются и по типу предпочтительно используемого морфемного ударения. Так, преимущественное выделение ударением знаменательной морфемы в именах существительных, которые как основные носители номинативной функции в тенденции имеют максимум знаменательности, связано с синтаксической самостоятельностью субстантивного корня, способного благодаря своему семантическому весу составить потенциальный минимум не только словоформы, но и предложения [10].

Ударение производного слова не выводится непосредственно из морфологического состава — путем разделения морфем на доминантные и недоминантные (релятивные, рецессивные), сообразно их акцентуационной валентности (ср. [11—16]). Ввиду бинарного характера словообразовательной структуры в производном слове ударение выделяет *ц е л ь к о м* либо производящую базу (Пб), либо формантную часть (Ф). Причем и база, и формантная часть могут включать более одной морфемы.

Акцентно активным компонентом словообразовательной структуры выступает главным образом формант, чаще всего суффикс. В отличие от формантной части производящая база гораздо реже бывает акцентно активной. Случаи, когда безударная производящая база исходного слова становится ударной в производном (преимущественно на III ступени словообразования), относительно редки, причем некоторые из них, как показывают, например, образования с суф. *-ива-*, могут быть отнесены за счет акцентных свойств не самой производящей базы, а суффикса, который, оставаясь сам безударным, притягивает ударение к себе, и в результате ударной оказывается производящая база. Ср.: *ви-лѣть* — *вилѣ-нѣ-ть* — *от-вилѣнѣ-ть* — *отвилѣ-ива-ть* — *отвилѣивать-ся*. Обычно же производящая база не проявляет акцентной активности и наследует ударение от мотивирующего слова. Тем самым явственно обнаруживается связь конститутивного аспекта акцентной организации слова с парадигматическим.

На тип акцентной соотносительности производного слова с непосредственно производящим существенно влияет ступенчатый характер словообразования. Сама возможность акцентных сдвигов в производном слове сравнительно с производящим зависит не только от способа, но и от ступени словообразования. В частности, суффиксация (а именно с ней связано подавляющее большинство акцентных расхождений между производящими и производными) сопровождается акцентными сдвигами главным образом на первых двух ступенях словообразования. На более высоких ступенях частота акцентных сдвигов в суффиксальных производных последовательно снижается.

Характер акцентной мотивации может быть различен. Ее типы подобны тем, какие наблюдаются в плане содержания.

В случае *п о л н о й* мотивации производное слово имеет ту же акцентную парадигму и то же морфемное ударение, что и производящее. Совпадение акцентных парадигм может сопровождаться совпадением словозменительных парадигм. Как правило, такое совпадение наблюдается при внутрикатегориальном словообразовании на базе цельнооформленного слова с помощью «агглютинирующих» способов — префиксации, постфиксации, сложения. Ср.: *нос-ѣ-ть* — *из-носить* — *износить-ся*. Однако оно возможно и тогда, когда в качестве производящей базы выступает основа, например: *рыб(а)* — *рыб-ин(а)*, *подава* — *подава-ль-чик*. При межкатегориальном словопроизводстве и во многих случаях внутрикатегориального словопроизводства члены словообразовательной пары, различаясь в большей или меньшей степени по характеру словоизменения, могут иметь одностороннюю акцентную схему и одинаковое морфемное ударение. Например, в парах *думать* — *дум(а)*, *рыб(а)* — *рыб-н(ий)*, *рыб(а)* — *рыб-ник*, *от-чалить* — *от-чал-ива-ть* и производящие, и производные имеют основное корневое ударение. В случае и *п о л н о й* акцентной мотивации производное слово наследует морфемное ударение одной или нескольких словоформ производящего: *рыб-ѣк (-ѣ, -ѣ, -ѣк)* — *рыбѣч-и-ть*; (*ребро, -ѣ*) *ребра, ребер, -ѣк* — *ребер-н(ий)*; *облак(о)*, *-у (облака, -ѣк)* — *облач-н(ий)*.

Вследствие ступенчатого характера русского словообразования акцентная мотивация, подобно семантической связи, может быть не только непосредственной, как в приведенных выше примерах, но (начиная со второй ступени) и опосредованной. Например, в цепях *кидать* — *рас-кидать* — *по-раскидать*, *начкать* — *за-начкать* — *за-начкать-ся*, *брести* — *раз-брести-сь* — *по-разбредиться*, *нести* — *не-сти-сь* — *е-нести-сь* производный глагол II ступени по своим словозаместительным и акцентным характеристикам соотносится не только с производящим глаголом I ступени, но и с исходным.

При опосредованной акцентной мотивации мотивируемое производное может одновременно вступать в отношения непосредственной акцентной мотивации с производящим и тогда, когда компоненты словообразовательной структуры последнего не обладают акцентной активностью. Так обстоит дело в парах ... *прока́т-л* — *прока́т-чик*, ... *не-осла́б-н(ый)* — *неосла́бн-о*, ... *под-равня́ть* — *подравня́ть-ся*. При этом акцентуация производящего может быть мотивирована как опосредованно [*ка́тить*, *ка́тишь* — ... — ... — *прока́т-л*..., *сла́б(ый)* — ... — ... — *не-осла́б-н(ый)*], так и непосредственно (*равн-я-ть* — *под-равня́ть*).

Благодаря наличию наряду с непосредственной акцентной мотивацией опосредованных связей исходного слова, а также производных низких ступеней с производными высоких ступеней словообразовательная цепь оказывается пронизанной разнообразными акцентными связями, и это не только обеспечивает акцентную целостность цепи, но и поддерживает ее формально-семантическое единство. Так, в цепи *сла́б(ый)* — *слабе́ть* — *о-слабе́ть* — *не-осла́б-н(ый)* — *неосла́бн-о* производные I и II, а также III и IV ступеней связаны друг с другом отношениями непосредственной акцентной мотивации, а между исходным словом и производными двух последних ступеней имеется опосредованная акцентная связь.

Как и значение, акцентные характеристики могут передаваться от одной ступени к другой, связывая таким образом все звенья словообразовательной цепи. Так, в цепи *му́сор* — *му́сор-и-ть* «оставлять, разбрасывать мусор» — *за-му́сорить* «загрязнить мусором» — *заму́сорить-ся* «загрязниться мусором» — *заму́сор-и-ва-ться* «загрязняться мусором» все члены цепи имеют ударение на производящей базе, принадлежат к одному акцентному типу с неподвижным ударением на основе, а внутри основы ударение постоянно падает на корень. В таких цепях имеет место как бы «сквозная» акцентная мотивация: производные любой ступени оказываются акцентно мотивированными производными всех предшествующих ступеней и исходным словом. Таким образом, семантические связи подкрепляются акцентными.

Словообразовательные акцентные характеристики существенно влияют на словоизменительные (ср. [16, с. 386]), вновь подтверждая единство внутреннего и внешнего в акцентной организации слова. Падение акцентной активности словообразовательного форманта, снижение частоты не посредственной акцентной мотивации (НАМ) и растущая частота опосредованной (ОАМ) на высоких ступенях словообразования приводят к утверждению здесь неподвижного наосновного ударения при словоизменении [10]. Ср. акцентные характеристики членов словообразовательной цепи: *жи́р* (АТ С) — I *жи́р-я-ть* (Ф, АТ В/А) — II *при-жи́рить* (Пб, НАМ-I, АТ В/А) — III *прижи́ре-ни-е* (Ф, АТ А/А) — IV *прижи́ре-н-е-ц* (Пб, НАМ-III, АТ А/А) — V *прижи́ре-н-е-ск(ий)* (Пб, ОАМ-III, АТ А/А) — VI *прижи́ре-н-е-ск-и* (Пб, ОАМ-III). Снятие акцентного разграничения словоформ может быть объяснено отсутствием необходимости в таком разграничении

ввиду сужения сферы употребления производных слов сравнительно с непроизводными, на что обращал внимание еще Ш. Балли [17]. Высокая активность непроизводной основы-корня исходного слова в качестве акцентно мотивирующей [ср.: *гото́в(ый) — гото́в-и-ть — под-гото́вить — подгото́в-ж(а) — подгото́воч-н(ый)*] способствует выполнению производными словами дейктической, анафорической, препаративной функции в тексте. И то, и другое свидетельствует об определенной синтаксизации словообразовательных акцентных характеристик, а это значит, что и они обращены не к одной лишь внутренней стороне звуковой формы слова, но и к внешней.

В целом соотношение акцентуации слова с его словообразовательной, словоизменительной, морфемной и слоговой структурой может быть представлено в виде четырех последовательных шагов порождения:

Шаг	Слой	Форма	Структура	Выделяемый ударением компонент	Прич.ры
1	глубинный (первичный)	внутренняя	словообразовательная	производящая база или формант	{пр-} (толст ^{ыи}), {толст-} (о ^в атыи), {толщ-} (ина)
2		внешняя	словоизменительная	основа или флексия	{претолст-} (ыи), {толстоват-} (ыи), {толщин-} (а)
3	поверхностный (вторичный)	внутренняя	морфемная	одна из морфем	пре толст-ый, толст- (о-ат)-ый, толщ и н-а
4		внешняя	слоговая	один из слогов	п'и-тбл-стыи, т'бл-ст-ва тыи, т'бл-ш-и-на

Как видно, в зависимости от структурной характеристики слова меняется характер и объем ударного компонента, его соотношение с безударной частью, объем и численный состав входящих в нее элементов. Наглядно выявляя многомерность фонологической репрезентации [18], акцентуация слова коррелирует со способом связи морфем. В словообразовании и словоизменении ударение характеризует слово как бинарную структуру и задается лишь в первом приближении, образуя глубинный, первичный слой словесной просодии. Морфемное ударение и ритмическая структура представляют собой поверхностные, вторичные характеристики. Благодаря единству внутреннего и внешнего они взаимодействуют таким образом, что словоформа предстает как некая морфо-ритмическая целостность [10, с. 30—52].

В единстве внутреннего и внешнего в качестве определяющего выступает внутреннее, в единстве глубинного и поверхностного — глубинное. Словообразовательная структура слова определяет его словоизменительную парадигму и морфемное строение. Длина слова в морфемах задает его длину в слогах, а место словоформы в словоизменительной парадигме —

ритмическую структуру. Соответственно и в акцентуации словообразовательный фактор — непосредственно или опосредованно — оказывается ведущим по отношению к словоизменительным, морфемным и слоговым характеристикам слова. Словообразовательная структура обуславливает акцентный тип и морфемное ударение производного слова. Реализация акцентных противопоставлений в словоизменении производных слов помимо их частеречной принадлежности зависит от характера производящей базы (цельноформенное слово или основа), ее частеречной принадлежности, типа словообразовательного форманта (суффикс или агглютирующий аффикс — префикс, постфикс), способа и ступени словообразования. Ступенчатый характер словообразования и отражается на фонологии слова и в частности на его акцентуации (ср. [19]). С повышением ступени мотивированности и усложнением морфемной структуры может меняться акцентный тип, морфемное ударение, ритмическая структура, а также их соотношение [10, с. 52—81].

Ввиду многосторонности полнозначного слова и его акцентуации акцентная формула русского слова должна содержать указание на выделяемый ударением компонент его словообразовательной, словоизменительной, морфемной и слоговой структур. Слоговая и, следовательно, ритмическая структура обязательна для любого полнозначного слова, указание на акцентную характеристику производящей базы и словообразовательного форманта релевантно только для производных слов, указание на акцентный тип — для изменяемых частей речи, указание на морфемное ударение — для неизменяемых частей речи и изменяемых слов и словоформ с наосновным ударением.

Таким образом, с учетом межуровневых связей слова и совокупности различных отношений, в которых оно участвует, то или иное его свойство, в данном случае акцентуация, оборачивается разными сторонами. Поэтому определение природы словесного ударения не может сводиться лишь к какой-либо одной из разноуровневых акцентных характеристик.

Парадигматический аспект. Каждое слово существует не изолированно, а как элемент лексической системы. Поэтому акцентно структурированные мы являются не только отдельные слова, но и те микро- и макропарадигмы, которые образуются на основе деривационных, лексико-грамматических и лексико-семантических связей между словами.

Анализ таких микропарадигм, как словообразовательная цепь, синонимический ряд, антонимическая пара¹, выявил как сходства, так и различия в принципах их акцентной организации. Сходным является соотношение слова, как бы возглавляющего указанные комплексные единицы, с остальными членами. В сравнении с ними исходное слово словообразовательной цепи, опорное слово синонимического ряда, первый («по ложительный») член антонимической пары характеризуются большим акцентным разнообразием и чаще имеют маркированное ударение. Данная закономерность ярче проявляется в словообразовательной цепи и синонимическом ряду, слабее — в антонимической паре. Это согласуется с тем, как соотносятся друг с другом формальные и содержательные характеристики членов указанных микропарадигм.

Наблюдающаяся взаимозависимость между акцентными и семантиче

¹ Этот анализ впервые осуществлен на кафедре общего и русского языкознания Университета дружбы народов им. П. Лумумбы в диссертациях Т. И. Палевой (Чугуновой) [20], И. А. Федониной [21], А. Пандох [22], С. Шармы [23]. В их основу легло изложенное выше понимание принципов акцентной организации слова [24, 25].

скими характеристиками слова в комплексных словообразовательных единицах и ономаσιологических лексико-семантических группировках реализуется по-разному. В словообразовательных цепях наблюдается прямо пропорциональное соотношение семантических и фонетических характеристик: непронизывные исходные слова обладают обычно более развитой семантической парадигмой [26] и имеют более сложную альтернативную и акцентную парадигму, чем производные, особенно на высоких ступенях словообразования. Это значит, что словоформы полисемичного слова чаще различаются по месту ударения. Корреляция полисемии с «полиакцентностью» проявляется в противопоставлении не только словоформ, но и слов. Полисемичные слова более многообразны по своим акцентным характеристикам и могут принадлежать к самым различным акцентным схемам. В тенденции моносемичные производные высоких ступеней, за редкими исключениями, принадлежат к одной акцентной схеме и во всех своих формах имеют постоянно ударение на основе.

В ономаσιологических лексико-семантических группировках, напротив, степень акцентных различий обратно пропорциональна степени семантических различий. В синонимическом ряду, т. е. в случае семантической близости лексем, их акцентная дифференциация отмечается чаще, чем в антонимических парах, т. е. в случае противоположности лексических значений². Это отличие синонимов от антонимов проявляется тем ярче, чем выше степень семантической близости между синонимами и чем полнее семантическая противоположность между антонимами [21—23].

Сложное взаимодействие семантических и акцентных различий, включая взаимодополнительные отношения между ними, означает, что связь означаемого и означающего не является произвольной и что фоносемантическое единство слова создается при активной системообразующей роли не только значения, но и звучания.

Звуковая форма слова как элемента иерархически организованной системы также имеет иерархический характер [28]. Иерархическая организация и целостность лексической системы, с одной стороны, есть результат ступенчатого характера словообразования, а с другой — является следствием одновременного вхождения отдельных слов и лексико-семантических микропарадигм в разные по степени обобщенности лексико-грамматические и лексико-семантические группировки. Поэтому интенсивно развивающаяся в последнее время лексическая фонология [29—34] не может ограничиваться анализом отдельного слова.

В задачу лексической фонологии вообще и акцентологии в частности должно входить изучение сегментной и акцентной организации указанных парадигматических классов слов. На этой основе может быть раскрыта одна из важнейших парадигматических функций словесного ударения — системоорганизующая, классифицирующая³.

И в образовании слов, и в их группировке в качестве базовых выступают частеречные характеристики. Слово образуется как элемент опре-

² Ср. с аналогичным наблюдением М. М. Маковского: «Нередко близость фонетической стороны языковых единиц сочетается с большей или меньшей отдаленностью их значений друг от друга, а семантическая близость нескольких единиц может сочетаться (в большей или меньшей степени) с несходством их фонетической стороны» [27].

³ Ниже будет показано действие этой функции в макропарадигмах, образующихся на основе деривационных отношений. Последующий анализ лексико-грамматических и лексико-семантических группировок — предмет дальнейшего особого обсуждения.

деленной части речи и в качестве такового вступает в отношения с другими словами.

Вместе с тем исходные слова, взятые в совокупности, равно как и производные одной ступени словообразования, обладают известным формально-семантическим сходством, нивелирующим частеречные различия. Элементы каждой из этих макропарадигм характеризуются некоторой акцентной общностью.

Степень словообразования существенно влияет на акцентные свойства производящей базы и формантной части, основы и флексии, разных типов морфем и слогов (начального, срединных, конечного).

Прежде всего это влияние проявляется в динамике частоты ударяемости компонентов словообразовательной структуры слова. Судя по данным анализа пятичленных словообразовательных цепей [20], представленных в [35], с повышением ступени словообразования частота ударяемости формантной части последовательно снижается (52,4% на I ступени, 17,9% на II, 12,5% на III, 8,6% на IV). Соответственно частота ударяемости производящей базы в том же порядке возрастает (47,6% на I ступени, 82,1% на II, 87,5% на III, 91,4% на IV). Как видно, на I ступени оба компонента выступают на равных и практически одинаково часто выделяются ударением. На остальных ступенях, в особенности на последней, ударение, как правило, падает на производящую базу.

Снижение акцентной активности формантной части по мере повышения ступени мотивированности отчетливо прослеживается в тех типовых акцентных структурах словообразовательных цепей, в которых одно производное слово имеет ударение на формантной части, а остальные — на производящей базе (в целом такие структуры являются наиболее распространенными). Так как в большинстве случаев ударение на формантной части свойственно производному I ступени, то самая частотная типовая акцентная структура имеет вид I Ф — II Пб — III Пб — IV Пб, где Ф — ударная формантная часть, а Пб — ударная производящая база, например: *до-аг — долж-а-ть — за-долж-ать — задолж-ник — задолж-ни-ц-а*. Гораздо реже встречаются цепи с акцентной структурой I Пб — II Ф — III Пб — IV Пб; например: *вест-й — ра-а-вести — разво-д-й-ть — разво-д-й-ть — разво-д-ист(ый)*. Еще более редки цепи I Пб — II Пб — III Ф — IV Пб и особенно I Пб — II Пб — III Пб — IV Ф, например: *э-х-ать — э-д-и-ть — про-э-д-ить — про-езж-а-ть — про-езж-а-ть-ся и ов-и-гать — дв-и-ну-ть — при-д-в-инуть — при-д-в-инуть-ся — при-д-в-и-а-ть-ся*.

Исследование различных типов акцентной мотивации [24, 20] показало, что их распределение, характеризуя словообразовательную цепь как целостность, специфично на каждой данной ступени.

Полная акцентная мотивация на всех ступенях преобладает над частичной. Особенно высока частота полной мотивации на акцентно пассивных II и IV ступенях. Ниже всего она на I ступени, отличающейся наибольшей акцентной активностью. Встречаемость частичной акцентной мотивации возрастает к концу цепи, и на последних двух ступенях она по крайней мере в 2 раза выше, чем на I и II.

Весьма специфично соотношение непосредственной и опосредованной мотивации на тех ступенях, где возможны оба типа. В целом и тот, и другой тип отмечаются почти одинаково часто. Но на II ступени преобладает непосредственная мотивация, а на следующих — опосредованная, что особенно заметно на III ступени, где наблюдается самая низкая частота непосредственной мотивации ввиду акцентной пассивности II ступени.

В качестве акцентно мотивирующего чаще всего выступает исходное

слово, реже всего — производное II ступени. Исходное слово мотивирует акцентуацию производных III и IV ступеней так же часто, как первой. Реже всего оно определяет ударение производного II ступени. Отсюда распространенность словообразовательных цепей «рамочной» структуры: с корневым ударением в исходном слове (хотя бы в одной словоформе) и в производных III и IV ступеней либо только последней при ударном форманте I ступени в остальных членах цепи, например: *кайтть, кá-тишь — кат-á-ть — нрo-кátать — прoкát-ө — прoкát-чим, слáб(ый) — слáб-é-ть — o-слáбéть — нe-ослáб-н(ый) — нeослáбн-o, рáвн(ый) — рáвн-я-ть — под-рáвнять — подрáвн-я-ть-ся — подрáвн-ива-ть-ся*. Производное I ступени определяет ударение каждого второго производного II ступени, но на следующих ступенях, особенно на последней, его мотивирующая сила резко падает и уступает мотивирующей силе исходного слова. Еще ниже она у производного II ступени.

Иерархия акцентных парадигм в словоизменении существенно зависит от ступени словообразования.

Как известно, акцентная система русского словоизменения основывается на противопоставлениях по двум признакам: наосновное (АТ А) — флексивное ударение (АТ В) и неподвижное (АТ А и В) — подвижное ударение (АТ С). Наосновное неподвижное ударение (АТ А) выступает в качестве сильного, немаркированного члена обеих акцентных противопоставлений. Флексивное ударение является маркированным по отношению к акцентному типу А и немаркированным по отношению к акцентному типу С, тогда как последний маркирован по отношению к обоим типам неподвижного ударения [10, с. 55—56].

По данным анализа наиболее частотных типов пятичленных словообразовательных цепей, в исходных (непроизводных) словах эта иерархия акцентных типов в отношении маркированности выражается в последовательном убывании их частоты в порядке А (не-м.) > В (м.-1) > С (м.-2)⁴. Причем по сравнению с «исходной» полупарадигмой (формами ед. числа имен существительных, краткими формами имен прилагательных, формами наст.-буд. времени глаголов) в производной полупарадигме (в формах мн. числа имен существительных, в полных формах имен прилагательных, в формах прош. времени глаголов) разрыв между акцентными типами по частоте встречаемости возрастает. (Ср. отношения частот: в исходной полупарадигме при частоте А = 47,4%, В = 27,0%, С = 18,5% А : В = 1,75 : 1, А : С = 2,5 : 1, В : С = 1,5 : 1; в производной полупарадигме при частоте А = 63,5%, В = 21,5%, С = 7,9% А : В = 3 : 1, А : С = 8 : 1, В : С = 2,7 : 1).

Если рассматривать производные слова безотносительно к ступени словообразования, то в исходной полупарадигме усиливается преобладание немаркированного акцентного типа над маркированными, а соотношение последних близко к тому, какое наблюдается в производной полупарадигме исходных слов (при частоте А = 73,2%, В = 17,25%, С = 7% А : В = 4,3 : 1, А : С = 10,5 : 1, В : С = 2,5 : 1). В производной полупарадигме производных слов поляризация немаркированного и маркированных типов завершается. Акцентные противопоставления практически снымаются, ибо господство наосновного ударения становится почти абсолютным (частота А = 94,9%, В = 1,4%, С = 1,2%).

⁴ Принятые обозначения: не-м. — немаркированное ударение; м.-1 — ударение, маркированное по отношению к одному из акцентных типов; м.-2 — ударение, маркированное по отношению к двум акцентным типам.

Ослабление частотной дифференциации типов В и С в производной полупарадигме производных слов начинается уже на I ступени. По сравнению с исходной полупарадигмой частота типа В падает с 35,5% до 4,4%, а частота типа С — с 13,9% до 4,5%. Частота типа А, напротив, возрастает с 45,7% в исходной полупарадигме до 87,2% в производной. Начиная со II ступени и далее частота обоих немаркированных типов ничтожно мала, причем тип С на III и IV ступенях в производной полупарадигме вообще не зафиксирован.

В исходной полупарадигме противоположение трех акцентных типов сохраняется вплоть до III ступени. При этом частота наосновного ударения последовательно возрастает (I — 45,7%, II — 60,4%, III — 89,4%, IV — 97,5%), а частота флексивного и подвижного ударения убывает (тип В: I — 36,5%, II — 24,5%, III — 7,5%, IV — 0,45%; тип С: I — 13,8%, II — 11,8%, III — 2,1%, IV — 0,17%).

В соответствии с указанными закономерностями в распределении акцентных типов частота и дистрибуция акцентных схем также меняется от одной ступени к другой. В полной парадигме слова комбинация трех акцентных типов — без учета разных видов подвижности внутри полупарадигм — дает 9 теоретически возможных акцентных схем: А/А, А/В, В/А, А/С, С/А, В/В, В/С, С/В, С/С. Все они представлены в исходных словах. Их частота уменьшается в следующем порядке: А/А — 38,6%, С/А — 15,3%, В/В — 12,1%, В/А — 9,5%, А/В — 6,8%, В/С — 5,4%, С/В — 2,6%, А/С — 1,9%, С/С — 0,6%. В производных словах число акцентных схем ограничивается, и степень ограничений зависит от ступени словообразования. Так, на I ступени не была отмечена схема А/В, на II не встретились А/С и С/С, на III и IV отсутствуют А/В, А/С, В/С, С/В и С/С. Из числа представленных на данной ступени схем некоторые употребляются весьма ограниченно. Это С/С, С/В и А/С на I ступени, В/В, В/С, А/В, С/В на II, В/В на III, В/А, В/В и С/А на IV. За вычетом указанных схем, а также слов, имеющих акцентные варианты или неполные парадигмы, на I ступени употребляются схемы А/А (45,4%), В/А (26,7%), С/А (13,1%), В/В (4,0%), В/С (3,8%); на II — А/А (60,3%), В/А (23,8%), С/А (11,8%); на III — А/А (89,4%), В/А (7,1%), С/А (2,1%), на IV — А/А (97,5%). В среднем в производных словах сравнительно с исходными только две схемы — А/А и В/А — имеют более высокую частоту, причем А/А постоянно, а В/А — на первых двух ступенях. Остальные схемы в производных словах представлены реже, нежели в исходных.

В целом в производных словах и в общей совокупности исходных и производных слов частота схем снижается в строгом соответствии с иерархией акцентных типов. К числу употребительных принадлежат схемы с наосновным ударением в производной полупарадигме и схемы с флексивным ударением в исходной полупарадигме. При этом акцентная схема А/А встречается чаще, чем В/А, а В/А — чаще, чем С/А. В свою очередь В/А более употребительна по сравнению с В/В, а В/В превосходит по частоте встречаемости схему В/С. В результате в общей совокупности слов выстраивается такой ряд схем с последовательно убывающей частотой: А/А (не-м./не-м.) — 66,2%, В/А (м.-1/не-м.) — 13,85%, С/А (м.-2/не-м.) — 8,5%, В/В (м.-1/м.-1) — 3,4%, В/С (м.-1/м.-2) — 1,9%. Далее идут остальные схемы с маркированным ударением в производной полупарадигме: А/В (не-м./м.-1) — 1,4%, С/В (м.-2/м.-1) — 0,6%, А/С (не-м./м.-2) — 0,4%, С/С (м.-2/м.-2) — 0,2%.

Дистрибуция и ранги частотных схем на отдельных ступенях соответствуют степени их маркированности. Акцентная схема А/А постоянно

является самой частотной — и в исходных словах и в производных разных ступеней. С повышением ступени по мере нейтрализации акцентных противопоставлений её частота повышается, так что на III и особенно на IV ступени её господство является абсолютным⁵. Схемы В/А и С/А употребительны с нулевой ступени по III, причем в производных словах их частота постепенно снижается, особенно резко на III ступени, где схему С/А лишь условно можно считать употребительной. Надо заметить, что в отличие от исходных слов в производных схема С/А как более маркированная постоянно уступает В/А по частоте встречаемости. Наконец, схемы В/В и В/С помимо исходных слов более или менее употребительны только на I ступени. Остальные 4 схемы — А/В, С/В, А/С и С/С — возможны главным образом на нулевой ступени, из них лишь А/В довольно частотна. В производных словах, даже на I ступени, данные схемы крайне редки.

Если за нижнюю точку отсчета взять частоту В/В и В/С на I ступени ($\approx 4\%$), то число акцентных схем, не уступающих им по частоте, последовательно уменьшается от ступени к ступени: 6 схем на нулевой — А/А (например, *брат, готовый, дергать*), С/А (*чищать, тащить, держать*), В/В (*луч, черта, трясти*), В/А (*пила, сверло, кричать*), А/В (*слой, пар, вес*), В/С (*плыть, сухой, глухой*); 5 схем на I — А/А (*катать, крикнуть, клюнуть*), В/А (*слоить, трянуть*), С/А (*мочить, чертить, наводить*), В/В (*навести, отнести*), В/С (*доплыть, прожить*); 3 схемы на II — А/А (*обувь, запас, сгорать*), В/А (*прослоить, отряхнуть, заглушить*), С/А (*смочить, вывозить*); 2 схемы на III — А/А (*накидка, запасливый, наклеивать*) В/А (*заглушиться, оттесниться*) и 1 схема на IV — А/А (*наклеиваться, запасливость, подвозный*). Так с повышением ступени мотивированности степень акцентных различий между словами становится все слабее.

Акцентная дифференциация исходных слов и производных разных ступеней словообразования осуществляется и за счет различий в дистрибуции морфемного ударения. В пятичленных словообразовательных цепях, по подсчетам Т. И. Чугуновой [37], на нулевой ступени ударными являются корень, флексия, а в глаголах еще и основообразующий суффикс (тема). Преобладает ударение на корне, особенно в именах. На I ступени также представлены три типа ударения — корневое, суффиксальное и флексийное, причем в отыменных производных ударность корня значительно снижается. Наибольшее разнообразие морфемного ударения наблюдается на II ступени, где наряду с указанными типами довольно частотно ударение на префиксе. Характерное для первых двух ступеней ограничение флексийного и подвижного ударения в производной полупарадигме в пользу наосновного происходит за счет увеличения частоты суффиксального ударения. На III ступени при видимом разнообразии типов морфемного ударения ударность префикса и флексии резко ограничивается, доминирующим вновь становится корневое ударение. Наконец, на IV ступени, за редчайшими исключениями, ударными бывают только 2 морфемы — корень и суффикс, из них чаще всего первый.

В дистрибуции морфемного ударения отчетливо прослеживается тесная взаимозависимость между ступенями словообразования. Это можно видеть на примере пятичленных цепей с исходным прилагательным (было проанализировано более 900 цепей). Так, если в исходном слове ударение

⁵ Сходным образом в сегментной структуре корня с повышением ступени словообразования возрастает нагрузка немаркированных и «сильных» фонем [36]

постоянно или в большинстве форм (исключая некоторые краткие формы) падает на корень, то на первых двух ступенях несколько чаще ударен суффикс c_1 ⁶, реже — корень (к). На III ступени в случае ударности корня на предшествующих ступенях он большей частью сохраняет ударность (суффикс c_2 бывает ударным в 3 раза реже). Если же на предшествующих ступенях словопроизводства ударен суффикс c_1 , то на III в качестве ударных чаще оказываются суффиксы c_1 и — чуть реже — c_2 , корень же уступает каждому из них по частоте ударяемости, но в отличие от суффикса c_1 он всегда сохраняет ударность и на IV ступени. То же, как правило, относится и к c_2 . Если в исходном слове ударением постоянно или в большинстве форм выделена флексия, то преобладание суффиксального ударения над корневым на первых двух ступенях проявляется гораздо сильнее. Однако на последующих ступенях доля корневого ударения заметно увеличивается, так что на IV ступени ударность корня в этих цепях наблюдается лишь немногим реже, чем в цепях с корневым ударением в исходном слове. Тем самым облегчается семантическая мотивация производного слова. В этой связи представляется далеко не случайным и то, что в самых частотных цепях все члены имеют корневое ударение: поскольку в иерархии языковых значений на первое место выдвигается лексическое, его значимость подчеркивается посредством акцентного выделения знаменательной морфемы. Соответственно хотя производящая база, а значит, и словоизменительная основа с повышением ступени словообразования постепенно усложняются, они в значительном количестве цепей постоянно являются ударными. В частности, цепи с постоянно ударной производящей базой I Пб — II Пб — III Пб — IV Пб по частоте встречаемости уступают только цепям I Ф — II Пб — III Пб — IV Пб, а цепи с постоянным наосновным ударением 0 А/А — I А/А — II А/А — III А/А — IV А/А занимают если не первый, то один из первых рангов [ср.: *жмүр(ый) — жмүр-и-ть — на-жмүрить — нажмүр-ива-ть — нажмүрива-ть-ся*]. Вслед за цепями с постоянным ударением на корне идут цепи типа 0 к — I c_1 (ф) — II c_1 (ф) — III c_2 — IV c_2 [*нбө(ый) — об-нов-й-ть — обновить-ся — обновл-й-ться — обновл-я-емость*], 0 к — I c_1 (ф) — II c_1 (ф) — III к — IV к [*рбөн(ый) — рбөн-й-ть — за-ровнять — зарбөн-ива-ть — зарбөнива-ни-ж-е*], 0 к — I к — II к — III c_2 — IV c_2 [*жбдленн(ый) — жбдл-и-ть — за-жбдлить — жбдла-й-ть — жбдлать-г-я*]. Среди цепей, возглавляемых исходным словом с преобладающим флексийным ударением, наиболее частотны цепи типа 0 ф — I c_1 (ф) — II c_1 (ф) — III к — IV к [*кос(ой) — кос-й-ить — с-косить — скйш-ива-ть — скйшива-ни-ж-е*] и 0 ф — I c_1 (ф) — II c_1 (ф) — III c_2 — IV c_2 [*густ(ой) — густ-й-ть — с-густить — сгуц-ени(ый) — сгуцен-к(а)*].

Закрепление ударения на высоких ступенях за производящей базой и словоизменительной основой, а внутри основы за корнем или суффиксом в свою очередь приводит к закреплению ударения за средними слогами, что объясняет отмеченную А. И. Моисеевым тенденцию к «центральному» ударению в многосложных словах [38].

С усложнением морфного строения и удлинением словоформ их ритмическое разнообразие все более ограничивается. Например, в цепи *вестй — провестй — проводить — сопроводить — сопроводит*

⁶ В обозначениях ударного суффикса — c_1, c_2, c_3, c_4 — цифра указывает ступень, на которой суффикс (с) выступает в качестве словообразовательного форманта. В отношении суффикса c_1 следует отметить, что он постоянно ударен в производной полуфлексии (ф).

ожда́ться — словоформы включают 1—3 слога на нулевой ступени, 2—4 слога на I, 3—5 слогов на II, 4—6 на III, 4—7 на IV и 5—8 на V. Ударением могут быть выделены 1-й, 2-й и 3-й слоги (от начала словоформы) на нулевой ступени, 2-й, 3-й и 4-й слоги на I ступени, 2-й и 3-й на II, 4-й и 5-й на III, 4-й на IV и V. Число ритмических структур в словоизменительной парадигме сокращается с 6 на нулевой и I ступени до 5 на II и 4 на последующих. Свертывание акцентных противопоставлений от начала цепи к ее концу выражается в ограничении ритмического разнообразия словоформы одной длины. На нулевой ступени в словоформах одной длины ударным может быть любой слог. Ср.: *вед́ший* (2/1) и *веду́* (2/2); *вед́шего* (3.1), *ведете́* (3/2) и *ведена́* (3/3). На II и особенно на III ступени количество возможных ритмических структур в словоформах одной длины уменьшается. На II ступени это структуры 3/2 и 3/3 (*прово́дит* — *прово́дите*), 4/2 и 4/3 (*прово́дит* — *прово́дите*), на III — 5/4 и 5/5 (*сопрово́дила* — *сопрово́ждена*). На последних двух ступенях словоформы одной длины всегда имеют ударение на одном и том же слоге.

Поскольку длина словоформ в слогах увеличивается с усложнением их морфного строения и для разных ступеней словообразования характерны разные ритмические структуры, то, как показал анализ текста, прикрепленность морфемного ударения к той или иной ритмической структуре и частота отдельных ритмических структур с определенным типом морфемного ударения меняются по мере повышения ступени словообразования [39].

Рассмотренные изменения акцентных свойств компонентов словообразовательной, словоизменительной, морфемной и слоговой структур слова в зависимости от непроявленности/проявленности и ступени словообразования осуществляются в тесном взаимодействии всех указанных структур, так что чаще всего акцентный сдвиг в словообразовательной структуре слова влечет за собой одновременное изменение акцентной схемы, морфемного ударения и ритмической структуры. Особенно часто такая взаимосвязь наблюдается на I ступени словообразования как наиболее активной в акцентном отношении [20].

Еще раз о характерологическом аспекте. Анализ русского ударения в фокусе межуровневых и внутриуровневых связей, в разных парадигматических группировках слов позволяет заметить в его функционировании такие особенности, которые сближают его с суперсегментной организацией слова в языках иного строя. Они могут быть обусловлены действием закономерностей общего порядка, задающих степень проявления в языке и в отдельных его подсистемах таких типологических характеристик, как лексичность/грамматичность, аналитичность/синтетичность, агглютинация/фузия.

1. **Лексичность/грамматичность.** Этот признак существенно влияет на суперсегментную, просодическую самостоятельность значащих единиц языка. И в этом отношении флективно-фузионный русский язык мало чем отличается от языков других типов, например, от корненозольнирующего вьетнамского.

Подобно тому, как в русском языке обычно ударные полнозначные слова противопоставляются безударным служебным, а степень ударности полнозначных слов зависит от степени их знаменательности и синтаксической самостоятельности, положения относительно фразового ударения и коммуникативного типа высказывания, сходным образом во вьетнамском языке «наиболее сильная редукция тональных признаков наблюдается у слов,

играющих служебную роль и, следовательно, не отделяемых от знаменательных, которым они сопутствуют... Но аналогичные изменения претерпевают и тоны знаменательных слов, входящих в тесные синтагматические объединения... Естественно, что при ослаблении синтаксических связей внутри предложения и при большей самостоятельности его членов реализация тона оказывается более полной... Мера полноты реализации тона... говорит о степени связей слов в предложении. Иными словами, редукция тона есть признак тесной интонационной, смысловой и синтаксической связи слов» [40, с. 47—48]. Кроме того, на реализацию тона влияет положение слова по отношению к фразовому ударению и коммуникативный тип предложения [40, с. 53—54].

Ярким выражением лексичности изолирующих языков, и в том числе вьетнамского, является просодическая самостоятельность морфем. Однако сходная закономерность действует также в агглютинативных и флективных языках при условии семантико-синтаксической самостоятельности морфем. Чем более лексична знаменательная морфема, тем чаще совпадает она со словом (словоформой), тем больше ее фонетическая самостоятельность, тем устойчивее ее суперсегментная организация как в тональных, так и в сингармонистических и акцентных языках. Во всех этих языках наблюдается изоморфизм между суперсегментной организацией словосложений и их морфологической структурой. Среди акцентных языков такой изоморфизм отмечен, например, в английском и голландском [41, с. 32; 19]. В русском языке он обнаруживается, в частности, в наличии наряду с основным ударением побочного в тех сложных словах, где «в смысловом отношении обе части сложения выделяются достаточно четко. ... В тех же случаях, когда сложение основ в слове вообще слабо выделяется или не выделяется в смысловом отношении одна из основ, побочного ударения обычно не бывает» [42] (ср.: *хлебозавод* и *достопытный*).

По той же причине производящая база, словоизменительная основа, корень выделяются ударением чаще, чем формантная часть, флексия и другие служебные морфемы.

2. Аналитичность — синтетичность. Обратной пропорциональной зависимостью между длиной слова в слогах и морфемах и числом используемых суперсегментных моделей также, по-видимому, является универсальная. Необходимость в привлечении суперсегментных средств тем больше, чем короче слово, т. е. чем меньше возможности создания и различения слов с помощью сегментных средств. Кроме того, следует учесть семантические различия между короткими «аналитическими» и длинными «синтетическими» словами. В тенденции короткие слова многозначны, длинные однозначны [43]. А так как полисемия нуждается для своего разрешения в контексте, возрастает роль суперсегментных различий не только в парадигматике, но и в синтагматике, в том числе и как средства выражения отношений между словами. Отсюда использование интонации в качестве грамматического способа прежде всего в аналитических языках [44]. Отсюда же принципиальное сходение непроемких русских слов с простыми словами классических аналитических языков изолирующего типа: в обоих случаях ограниченность сегментных средств компенсируется за счет суперсегментных различий (ср.: 6 тонов во вьетнамском языке и 9 акцентных схем в русском, реализующиеся главным образом в исходных словах словообразовательных гнезд). Синтетичность и однозначность слова, напротив, снижает значимость суперсегментных средств в парадигматических и синтагматических отношениях. Это приводит

к ослаблению дифференцирующей роли всех акцентных характеристик (словообразовательных, словоизменительных, морфемных, ритмических) в звуковой организации производных слов и их форм, особенно на высоких ступенях словообразования.

3. **Агглютинация — фузия.** Ограничение разноместности ударения и его отсутствие в агглютинативных языках может быть связано с образованием слов на базе цельнооформленного слова. В этом случае и в русском языке производные слова по акцентному типу и морфемному ударению не отличаются от производящих. Соответственно агглютинирующие морфемы (префиксы и постфикс *-ся*) обычно не проявляют акцентной активности. Основные носители ударения — «фузионные» морфемы (корень, суффикс, флексия). Очевидно, если в языке в качестве производящей базы, как правило, выступает не основа (как в русском языке), а цельнооформленное слово и при этом господствует агглютинативная техника соединения морфем, исчезает почва для появления акцентных различий между производными и производящими словами.

*

Итак, рассмотрение звуковой формы слова в единстве характерологического, конститутивного и парадигматического аспектов, с одной стороны, помогает уяснить закономерности звуковой, в данном случае акцентной, организации слова во всей сложности его межуровневых и внутриуровневых связей, а с другой — дает возможность не только высветить типологическое своеобразие языка и отдельных его подсистем, но и обнаружить некоторые универсальные тенденции, проявляющиеся в однотипной градации как межъязыковых, так и внутриязыковых различий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бодуэн де Куртене И. А.* Избр. труды по общему языкознанию. Т. II М., 1963
2. *Мельников Г. П.* Ямковая стратификация и классификация языков // *Единицы разных уровней грамматического строя и их взаимодействия.* М., 1969.
3. *Серебрянников Б. А.* Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка // *Морфологическая типология и проблема классификации языков.* М.; Л., 1965. С. 12.
4. *Гумбольдт В.* Избр. труды по языкознанию. М., 1984.
5. *Касеев В. Б., Шабельникова Е. М., Рыбин В. В.* Ударение и тон в языке и речевой деятельности. Л., 1990.
6. *Jakobson R.* Die Betonung und ihre Rolle in der Wort- und Syntagma-phonologie // *TCLP.* 1931. 4.
7. *Polivanov E.* Zur Frage der Betonungsfunktionen // *TCLP.* 1936. 6.
8. *Черемисина Н. В.* Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. М., 1982
9. *Светозарова Н. Д.* Интонационная система русского языка. Л., 1982. С. 120—140
10. *Зубкова Л. Г.* Части речи в фонетическом и морфонологическом освещении. М., 1984.
11. *Neustupný J. V.* Accent in Japanese and Russian. A typological study // *Archiv orientální* 1959. 27.
12. *Garde P.* Histoire de l'accentuation slave. Т. 1. P., 1976.
13. *Garde P.* Modèle de description de l'accent russe // *BSLP.* 1978. Т. 73.
14. *Русская грамматика.* Т. 1 М., 1980
15. *Дыбо В. А.* Славянская акцентология. Опыт реконструкции акцентных парадигм в праславянском М., 1981
16. *Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
17. *Валли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С. 374
18. *Halle M., Vergnaud J.-R.* On the framework of autosegmental phonology // *The structure of phonological representations Pt 1 Dordrecht; Cinnaminson, 1982 P 65*
19. *Kiparsky P.* From cyclic phonology to lexical phonology // *The structure of phonological representations. Pt 1. Dordrecht; Cinnaminson, 1982*

30. *Палева Т. И.* Акцентная структура словообразовательных цепей: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.
31. *Федюнина И. А.* Акцентуация синонимических рядов имен существительных в русском языке (к проблеме корреляции звучания и значения в слове); Дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.
32. *Пандог А.* Семантика и акцентуация субстантивных антонимов: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
33. *Шаржа С.* Распределение и акцентуация глагольных антонимов в фокусе межуровневых связей: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
34. *Зубкова Л. Г.* Акцентуация производного слова в системе языка // Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд, 1987.
35. *Зубкова Л. Г.* Акцентуация слова как единство внутренней и внешней формы // Межуровневые связи в системе языка. М., 1989.
36. *Ермакова О. П.* Словообразовательная цепь в семантическом аспекте // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1982.
37. *Маковский М. М.* Лингвистическая комбинаторика. Опыт топологической стратификации языковых структур. М., 1987. С. 115.
38. *Зубкова Л. Г.* О соотношении звучания и значения слова в системе языка (К проблеме «произвольности» языкового знака) // ВЯ. 1986. № 5.
39. *Strauss S. L.* Lexicalist phonology of English and German. Dordrecht; Cinnaminson 1982.
40. *Kaisse E. M., Shaw P. A.* Phonology and the lexicon. On the theory of lexical phonology // Phonology yearbook. 2. Cambridge, 1985.
41. *Kiparsky P.* Some consequences of lexical phonology // Phonology yearbook. 2. Cambridge, 1985.
42. *Rubach J.* Lexical phonology: lexical and postlexical derivations // Phonology yearbook. 2. Cambridge, 1985.
43. *Mohanan K. P.* The theory of lexical phonology. Dordrecht; Boston; Lancaster; Tokyo, 1986.
44. *Halle M., Vergnaud J.-R.* An essay on stress. Cambridge (Mass.); London, 1987.
45. *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. М., 1985
46. *Зубкова Л. Г.* Единство внутреннего и внешнего в звуковой форме слова // Филологические науки. 1988. № 5.
47. *Чулунова Т. И.* Акцентная структурированность словообразовательных цепочек // Лингвометодические основы преподавания русского языка как иностранного. М., 1985. С. 116—120.
48. *Моисеев А. И.* Место словесного ударения в современном русском литературном языке // Studia rossica poznaniensia. VII — 1975. Poznań, 1976.
49. *Зубкова Л. Г.* Акцентные характеристики непроизводного и производного слова в русской речи // Элементы языка и их реализация в речи. Владивосток, 1989
50. *Гордина М. В., Быстров Н. С.* Фонетический строй вьетнамского языка. М., 1984.
51. *Hulst H. van der, Smith N.* An overview of autosegmental and metrical phonology // The structure of phonological representations. Pt I. Dordrecht; Cinnaminson, 1982.
52. *Аванесов Р. И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, С. 85.
53. *Поликарпов А. А.* Элементы теоретической социолингвистики. М., 1979. С. 61, 68—106.
54. *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. М., 1967. С. 313—314.

© 1991 г.

СТЕПАНОВ Ю. С.

НЕСКОЛЬКО ГИПОТЕЗ ОБ ИМЕНАХ БУКВ СЛАВЯНСКИХ АЛФАВИТОВ В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ КУЛЬТУРЫ

1

Сначала сделаем несколько предварительных замечаний, относящихся к алфавиту вообще. Алфавит есть одновременно код и текст, издающий этот код. В первом качестве (как код) алфавит принадлежит парадигматике, во втором (как текст) — представляет собой некоторую синтагматику. Суть предлагаемого очерка состоит в том, что имена букв разъясняются вполне, только если их рассматривать одновременно на этих двух осях — парадигматики и синтагматики алфавита.

Каждая отдельная буква представляет собой некоторый пучок признаков (звуковое значение, числовое значение, начертание). Но вместе с тем каждая буква есть и элемент в системе алфавита, т. е. в системе координат парадигматики и синтагматики, — проще говоря, некоторое место в алфавите. Исторически отдельные буквы могут задолго предшествовать появлению данного алфавита, т. е. быть заимствованными в него из других систем письменности или иных знаковых систем. Но попадая в данный алфавит, такие буквы пластично моделируются в нем соответственно своему месту, их признаки по-новому устанавливаются в координатах данного алфавита. Можно сказать, что алфавит — это матрица, «форма для отливки», переливающая собственные признаки букв — в частности, имена букв — в новую систему. Одной из сторон этой системы является то, что она представляет собой текст. Алфавит — мощный и типологически очень древний текстообразующий фактор. В таких рамках мы будем рассматривать поставленный в заголовке вопрос.

2

В европейском культурном ареале издревле существуют три алфавитные традиции. Одна из них, условно обозначим ее *п е р в о й*, — *л а т и н с к а я*. Она восходит к греческой, но столь рано и столь полно эмансипируется, что ее следует считать именно самостоятельной традицией. Согласно латинскому обычаю (как он дошел до нас и сформировал наши собственные, т. е. современные русские, алфавитные представления), буквы, по их именам, делятся на три класса: гласные называются так, как они произносятся, — *А, И, О, У, Э* (я отвлекаюсь сейчас от несущественной в данной связи детали — о произношении и названии русск. *Е*); согласные называются сочетанием собственного звука и прибавления гласного (открытого *Э*, закрытого *Е* или *А*) — *Бэ, Вэ, Гэ* и т. д., и *Ка, Ха, Ша, Ща*; сонанты называются сочетанием гласного *Э* и собственного звука — *ЭТ, ЭМ, ЭН, ЭР*, сюда же *ЭС, ЭФ*¹. Этот современный русский обы-

¹ Не будем сейчас останавливаться и на различии в огласовке на «э» и на «а» (*Гэ, но Ка*), также имеющих глубокую традицию (см. [1, 2])

чай почти полностью соответствует позднему — можно сказать, «окончательному» — этапу латинской алфавитной традиции. Последний отражен у латинских грамматиков после Доната (IV в. н. э.), т. е. с конца IV в., — у Сервия (IV в.), Присциана (VI в.) и др. В латинском обычае: гласные — *A, E, I, O, V*, согласные — *BE, CE, GE, HA, KA, PE, QV, TE*, сонанты — *EL, EM, EN, ER, ES, EX* (или *IX*). Очевидно, что эти обозначения являются не указаниями произношения или чтения знаков букв, а именно именами самих букв. Этому соответствует и грамматический род имени буквы: в императорском Риме, т. е. в поздний период, это женский род, в соответствии с родом слова *littera* «буква», между тем как в более ранний период, у Луцилия, Цицерона, Варрона, это средний род (как и греч. τὸ γράμμα «буква», τὸ ἄλφα «альфа»). Перемена рода — косвенный признак перелома в алфавитной традиции.

Перелом совершается в IV в. н. э. Донат принадлежит еще к старой традиции, а его последователи и комментаторы, даже в том же IV в., уже к новому этапу, который мы только что коротко охарактеризовали. В старой же римской традиции буквы не имели имен в строгом смысле слова «имя». Они осознавались как особые явления, как звуки — части слов. Такому пониманию как раз и отвечало обозначение буквы средним родом, и это понимание отразилось в классификации Доната (*Arts maior 4, 367, 11; 21, 368, 5*): «*Vocales sunt quae per se proferuntur et per se syllabam faciunt. semivocales sunt quae per se quidem proferuntur, sed per se syllabam non faciunt. mutae sunt quae nec per se proferuntur nec per se syllabam faciunt*» («Гласные — это те, что сами по себе выговариваются и сами по себе слог образуют; полугласные — те, что сами по себе выговариваются, но слога сами не образуют; согласные — те, что сами по себе и не выговариваются и слога не образуют»). Очевидно, что здесь термины «гласные», «полугласные» (или сонанты), «согласные» относятся не к именам букв и не к буквам (лат. *littera*), а к звукам — частям слов. Именем же их, точнее их обозначением, служит как бы само их явление, результат выделения из слова. Позднейшие грамматисты, например, Кледоний (*Cledonius 5, 27, 27*), прямо возражали против этого: «само по себе произносится» — ложно, ибо произносится звук от огласовки (*a vocalibus*), а кончается на туральным, т. е. собственным звуком. Очевидно, что Кледоний имеет в виду ряд *EF, EL* и т. д., — т. е. иное явление — букву (*littera*), причем буква и звук как бы соединились воедино. Неразделение буквы и звука присуще также всей последующей школьной и отчасти научной традиции Европы вплоть до Нового времени. (Подробно о латинской традиции см. в работе В. Шульце 1904 г. [1]). В. Шульце также отметил, что осознание перелома традиции (некий «безымянный знак», звук слова, данный в графическом обозначении, получает имя с помощью огласовки) нашло отражение уже довольно рано, у Проба (втор. пол. I в.) [1, с. 447]; о предшествующей греческой традиции см. [2].

В силу того, что в латинской традиции имена букв, как мы видим, довольно нечетко отличались от звуков, обозначаемых этими буквами, смешение буквы и звука стало казаться чем-то естественным. Оно частично сохраняется даже у проницательных авторов грамматики «Пор-Рояля» (1-е изд. 1660, 2-е — 1664 г., ниже цитируем по репродукции 2-го изд. [3]). Авторы «Пор-Рояля» употребляют четыре термина, отношения между которыми у них не всегда четки: 1) *son* «звук»; 2) *lettre* букв. «буква», в соответствии с лат. *littera*, но у них иногда также и «звук»; 1-й гл. 1-й части так и называется: «*Des Lettres comme sons, et premierement des Voyelles*» («О Буквах как звуках и прежде всего о Гласных»); 3) *figure* «фигура, изоб

ражение, рисунок», т. е. графический знак, ср. (I гл. 1-й ч.): «Nous avons déjà dit que les sons on été pris par les hommes, pour être les signes des pensées, et qu'ils ont aussi inventé certaines figures pour être les signes de ces sons. Mais quoique ces figures ou caractères, selon leur première institution, ne signifient immédiatement que les sons, néanmoins les hommes portent souvent leurs pensées des caractères à la chose même signifiée par les sons: ce qui fait que les caractères peuvent être considérés en ces deux manières, ou comme signifiant simplement le son, ou comme nous aidant à concevoir ce que le son signifie» («Мы уже сказали, что звуки были приняты людьми, для того чтобы быть знаками мыслей, и что люди изобрели также не которые фигуры, чтобы последние были знаками этих звуков. Однако хотя эти фигуры, или х а р а к т е р ы (разрядка наша. — С. Ю.), согласно их первому установлению, непосредственно означают только звуки, люди, тем не менее, переносят свои мысли с характеров на самую вещь, означаемую звуками; отсюда происходит, что характеры могут рассматриваться соответственно этому двумя способами: или как означающие просто звук, или как помогающие нам помыслить о том, что означено звуком»), 4) таким образом, четвертый термин, синонимичный термину «фигура», — это caractère «характер, письменный знак». В таком значении термин «характер» занимает умы философов всего XVII в. Лейбниц с молодых лет пытается создать «...язык, или х а р а к т е р и с т и к у (разрядка наша. — С. Ю.), в которой одновременно содержалось бы искусство открытия и искусство суждения, т. е. знаки, или характеры, которой представляли бы собой то же, что арифметические знаки представляют в отношении чисел, а алгебраические — в отношении абстрактно взятых величин» [4].

Термин «буква», *lettre*, остается двусмысленным, и авторы «Пор-Рояля» называют V гл. 2-й части своей «Грамматики» так: «Des Lettres considérées comme Caractères» («О Буквах, рассматриваемых как Характеры»), что очевидно предполагает возможность рассмотрения букв еще и иначе, а именно — как звуков.

В т о р а я (в нашем перечне) т р а д и ц и я — к е л ь т с к а я отличается большим своеобразием, одновременно устойчивостью основной линии и несколькими резкими переломами. Древнеирландский огамический алфавит, истоки которого восходят, как предполагают (К. Марстрандер), к первым векам нашей эры, имеет много общего, если не в деталях, которые невозможно установить, то в типе, с алфавитом друидов Галлии, о котором упоминает Цезарь. Это была, вероятно, какая-то тайная система знаков, возможно, даже не письменных, а тактильных, напоминающая систему, которой пользуются в наши дни глухонемые. Позднее древнеирландский алфавит — уже иная система, огамическое письмо, и, наконец, алфавит латинского типа. Устойчивой сквозной линией проходит при этом семантика имен букв: буква называется *fid* букв. «дерево», а имя каждой отдельной буквы — это имя какого-либо дерева. Так, первые три согласных, *B, L, N*, называются соответственно «береза» — «рябина» — «ясень», *Beith — Luis — Nion*, и это словосочетание используется как название всего ирландского алфавита.

Другая устойчивая семантическая линия, связанная с порядком букв, — их календарное значение: каждая из 13 согласных означает один из 28-дневных месяцев, начиная с 24 декабря, а каждая из 5 гласных представляет квартал года; последний квартал, начинающийся знымим солнцестоянием, символизируется переходом от зоны буквы *A* к зоне буквы *I*, таким образом 5 букв означают 4 квартала: *(A)BLN(O)FSH(U)DTC*.

(E)MGNgR(I). Знаки гласных здесь мы взяли в скобки, чтобы подчеркнуть, что алфавит, в соответствии с древней огамической традицией, распадается на «семьи» согласных, а гласные распределены между началами «семей» в соответствии с календарным порядком. Этот порядок букв возник около 400 г. н. э. в связи с установлением христианства, в соответствии с новой календарной системой; порядок же древнего огамического алфавита следующий: *BLVSN HDTCQMGNgZRAOUEI*. Относительно времени, места и обстоятельств создания ирландского алфавита высказано много гипотез. Их сводку и выводы можно найти в работе А. А. Королева [5].

Для темы нашей статьи важно подчеркнуть следующее обстоятельство. Имя буквы соответствует названию какого-либо дерева, однако большинство таких названий деревьев в качестве обычных лексем не встречается в текстах и известно лишь из глоссариев. Кроме того, даже как названия деревьев эти слова или настолько архаичны, или настолько искажены, что — несмотря на явные ассоциации с деревьями — фактически выступают в качестве о с о б ы х л е к с е м — именно н а з в а н и й б у к в [5, с. 5—6]. С такой же особенностью мы сталкиемся ниже в готском алфавите и, в несколько меньшей степени, в славянских алфавитах. По-видимому, здесь перед нами устойчивая типологическая черта древних еврейских алфавитов.

Ирландская алфавитная традиция вполне могла быть известна создателям славянской азбуки, поскольку в период деятельности Константина и Мефодия на той же территории, т. е. среди паннонских и моравских славян, действовала ирландская миссия, оппозиционная как римскому папе, так и константинопольскому патриарху (см. [6] и [7]).

Третья традиция — древнегреческая, и которой прочно примыкает славянская. К рассмотрению их мы переходим в следующем разделе.

3

Первое место в древних алфавитах нередко отводится символу, представляющему какую-то особую ценность, символу божества вообще или же бога — дарователя языка и/или письма. Если на это место попадает какой-либо знак, имеющий по происхождению иное значение, то он по-новому моделируется, т. е. переосмысливается, соответственно этому месту. Так обстоит дело в древнегреческой традиции.

Первая буква древнесемитского финикийского алфавита, заимствованного греками, по своему имени, *aleph*, ассоциируется со значением «череп быка». И греки осознали эту ассоциацию: *ἀλφα βούς κεφαλή*, Φοίνικες (Hesych. Coll. Bekker, AG, 381, 27); Φοίνικας ὀστέω (ἀλφα) κελεῖν τὸν βόυν (Plutarch. Qu. conv. 9, 2, 3) — «альфа — по-финикийски „голова быка“»; «альфа — по-финикийски „бык“».

Но в греческом алфавите христианской эры имя первой буквы переосмысливается и начинает связываться с евр. *alliph* - *אלפ* «учись». Соответствующие рассуждения мы находим у Евсевия Кесарийского (260—340 гг.) (Preparatio Evangelica, V, 5, 474 b; XI, 6, 519 c) и у Феодосия Александрийского (IV в.) (περὶ ἑρμηνείας, 1) [8]. А Епифаний (ум. 403 г.) на основе так истолкованного имени буквы альфа образует новый глагол *ἀλφίσω* или *ἀλφαίνω* «искать, доискиваться» [9]. Суидас Лексикограф (ок. 1000 г.) под словом *Ἀβραάμ* (по библейской традиции Авраам считался изобретателем букв) дает пространное толкование: «И свидетельство этого является звук альфы, первой буквы и главнейшего имени».

взятого из алефа Евреев для именовании счастливого и первого и бес смертного». Далее там же разъясняется, что это прекрасное имя (т. е. альфа) означает «знание», ибо алеф (Алеф) не всегда толкуется как «обычай череп», но часто как алиф «учись» [8].

Кроме первого места, в парадигматике алфавита могут быть и другие особо значимые точки. Если алфавит делится на «семь» знаков, как огамический кельтский и рунический, то такими являются начальные места «семей». Если алфавит основан на некоторой системе счисления, то особо значимые места совпадают с началом и, по-видимому, чаще, с концом базы счисления. Так, в славянских алфавитах, где, как показал Н. С. Трубецкой (см. ниже), базой является «9», особенные места — это 9-е, 18-е, 27-е, 36-е. С. Г. Проскурин, в связи со своими работами над германскими рунами, обратил наше внимание на то, что алфавит, как это имеет место в руническом, может выступать как модель «макрокосма», как «микросом», и что, в таком случае, сакральными точками алфавита являются начало, середина и конец, а находящиеся в них знаки получают особое сакральное истолкование. Исходя из этого, С. Г. Проскурин по новому объяснил происхождение латинского слова *elementum* «буква как знак», «первоначало, элемент», «первичная материя, стихия» — как не просто сцепление имен трех букв *el + et + en-* (эта идея была известна, и ее принимали, в частности, такие специалисты, как А. Эрну и А. Мейе в своем «Этимологическом словаре латинского языка»), но как сцепление трех букв, занимающих абсолютно среднюю середину латинского алфавита. В самом деле, в латинском алфавите классической поры, состоящем из 25 знаков, *M* занимает абсолютно среднее, 13-е, место, а *L* и *N* располагаются по обе стороны от него. Если учесть к тому же, что алфавит — модель «макрокосма», то указанное обстоятельство объясняет особое значение этого латинского слова как «первичной материи, первоначального элемента мира» на собственном латинском основании, а не только в силу калькирования греческого στοιχεῖον. Этим объясняется, кроме того, и начальное *e-* в этом латинском слове, что представлялось Эрну и Мейе «странным», «не собственно латинским», «возможно, этрусским» — это просто имя буквы — «эль». Здесь перед нами также сакральная синтагма алфавита (см. ниже разделы 4, 5).

Совершенно в том же духе, что и в греческом алфавите, даются толкования первой буквы в русском азбуконике (словаре) старшей поры «Книга, глаголемая алфавить» (XVI в.) (текст приводим по изданию [10], для упрощения типографского набора здесь знаки ударений сняты, титла раскрыты, надстрочные литеры внесены в строку): «2. алеѡъ. тл. [толкуется. — С. Ю.] еврее первое азбучное словце наричют алеѡъ, еже есть азъ. толкует же ся алеѡъ по еврейски учение или наука. 3. аѡа. т. грецы первое азбучное словце наричют. аѡа, еже есть. азъ. толкует же ся по гречески аѡа ищи».

Н. И. Толстой, В. Кипарский и некоторые другие видные слависты разделяют существующую в славянской филологии гипотезу, согласно которой первая буква этой азбуки, имеющая подобие креста, и является прямо и непосредственно знаком креста, символом Бога. Наиболее детально эта гипотеза была выражена молодыми, безвременно скончавшимся финским славистом Ю. Чернохвостовым. По мнению Ю. Чернохвостова, не только первая, но все вообще буквы глаголицы, созданной Кириллом, являются сложениями из трех элементов, трех божественных символов — креста (знака креста), треугольника (символа божественной Троицы), круга (символа всемогущества, бесконечности и совершенства Бога) (см.

[11]). Ассоциации первой глаголической буквы с крестом, конечно, не сомненны. Но против гипотезы Ю. Чернохвостова как целого свидетельствует, по-видимому, то, что, как показал Т. В. Гамкрелидзе, древнегрузинский алфавит создан из комбинации перекрещивающихся прямых линий, элементов круга и треугольника (т. е. тех же самых, что и в реконструкции Ю. Чернохвостова), без всякой связи с религиозной символикой (см. [12, с. 160 и сл.]). К тому же и в полном списке начертаний глаголического «а», приведенной И. Вайсом [13], не обнаруживается таких уж явных сходств с христианским крестом (поперечная черта располагается слишком низко). И, наконец, почти ту же самую форму имеет знак для «а» в младших, скандинавских и англосаксонских, рунах (см. ниже).

В обеих славянских азбуках, кириллице и глаголице, рисунки всех букв, а также числовые значения некоторых букв различны. Между тем имена букв в обеих азбуках одни и те же. Это значит, что имена букв относятся к какому-то иному параметру букв, нежели их рисунок и их числовое значение. К какому же именно? Это и есть главный вопрос при реконструкции алфавита как некоего целого.

Нашим исходным положением является следующее: имена букв относятся к звуковому значению и к месту в алфавите, причем оба эти параметра выступают в тесной связи. (Уточнение этого, пока еще слишком общего, положения будет дано ниже, в пункте 9.)

Если греческий прототип кириллицы не вызывает сомнений, то в поисках прототипов глаголических букв исследователи, как известно, устремляли свое внимание на Восток, к коптскому, хазарскому, армянскому, грузинскому, семитскому алфавитам (П. Шафарик, М. А. Оболенский, М. Груньский, В. Вондрак, Н. С. Трубецкой и др.), причем поиски относились главным образом к звуковому значению и рисунку (см. [14]).

Мы же обратим свои взгляды на Запад, и предметом нашего поиска будет иное — звуковое значение, имя буквы и, самое главное, ее место в алфавите. В центре внимания оказывается готский алфавит.

Т. В. Гамкрелидзе в своей последней работе 1989 г. также выделил этот алфавит по его особой связи с древнегрузинским. Т. В. Гамкрелидзе показал, что оба последних алфавита сближает не только общий принцип сохранения парадигматики системы-прототипа (т. е. древнегреческой), но в одном случае и совпадение значений заменяемого греческого знака: греч. Ξξ (звуковое значение /ks/) заменен и в грузинском для значения /j/ и числового значения «60», и в готском для звукового значения /j/ и числового значения также «60». Весьма важны также совпадения имен букв, их три: 1) груз. *las*, звук. знач. /l/, числ. знач. «30», гот. *laaz*, звук. знач. и числ. знач. такие же; 2) груз. (*v*)*vin* и гот. *uinne*; 3) груз. *tan*, звук. знач. /m/, числ. знач. «40», гот. *tanna*, звук. знач. и числ. знач. такие же [12, с. 299]. (Напомним, что и древнегрузинский, и готский алфавит — последний трудами епископа Ульфилы (Вульфилы) — равно создаются в IV в. и равно связаны с принятием христианства.)

При сравнении славянских алфавитов с готским также обнаруживается примечательный, но до сих пор не замеченный факт: первая буква готского алфавита называется *aza*, в то время как первая буква в обеих славянских азбуках называется *азъ*. Сразу сформулируем и ашупервую гипотезу: указанное совпадение не случайно; имя первой буквы обеих славянских азбук восходит к некоторому имени первой (главной) буквы, которое как особое слово бытовало в центральноевропейском ареале до создания славянских алфавитов и, лишь перейдя в последние, стало ассоциироваться со славянским словом, означающим «я».

Рассмотрим положение первой буквы в готском алфавите. Названия и расположение букв этого алфавита известны из так называемой Зальцбургско-Венской рукописи Алкуина (Salzburg-Wiener Alcuin Handschrift), датируемой IX—X вв. В рукописи приведен готский алфавит в двух на чертаниях — более старом и более новом и отдельным списком в конце даны названия букв. По мнению исследователей, названия эти в рукописи сильно искажены и, кроме того, в своей языковой форме, как и в самом выборе названий, отражают влияние соответствующих англосаксонских и древневерхненемецких названий. Все это сильно затрудняет их истолкование [15, § 13]. Самым же примечательным фактом оказывается здесь то, что эти названия являются именами германских рун, соотносенными по звуковому значению с готскими буквами и тем самым ставшими названиями также и этих последних. В самом готском языке эти названия выступают как особые слова, собственные имена рун и букв. И эти слова лишь более или менее, приблизительно ассоциируются с реальными, полными значимыми словами готского языка (о чем, в частности, свидетельствуют и их искажения в рукописи Алкуина). Таким образом, в готском алфавите имя буквы предшествует каким-либо ассоциациям со словами готского языка, а не является производным от них.

Парадигматические отношения в готском алфавите. Тем не менее в силу того, что готский язык относится к германским языкам и, следовательно, находится в близком родстве с другими германскими языками, и, главным образом, в силу того, что имена рун, до того как они стали названиями готских букв, уже имели семантические коннотации, все имена готских букв создавали в алфавите особый семантический фон. (Мы увидим далее, что сходный семантический фон присущствует и в славянских алфавитах.) Этот семантический фон, предшествующий всякому сцеплению букв в порядке готского алфавита, мы будем называть парадигматикой этого алфавита. (Конечно, термин «парадигматика» употребляется здесь в несколько суженном значении.) Наиболее определенно выявляются следующие семантические сферы (имена готских букв по рукописи Алкуина подчеркнуты; этимологии приводятся главным образом по данным словаря У. Лемана [16], индексы, например, Т. 45 и т. п., отсылают к соответствующим местам этого словаря):

1) названия скота, имущества: /f/ *fe* **faihu* «скот, движимое имущество», др.-англ. *fe*, *fech*, *feoh*; /o/ *otal*, **otal* «наследственное имущество», др.-англ. *ōtal*, *ēfel* «homestead, fatherlands»; др.-исл. *ōdal* «*pratrímony*, family homestead» (У. 63); /u/ *uraz* **ūrus* «бык тур», др.-англ. *ūrr*, *ūr*, др.-исл. *ūr*;

2) имена стихий (по-видимому, особенно стихий, враждебных человеку; ср. «злые» и «добрые» руны): /h/ *haal* **hagl* «град», в рунах означает «разруха»; возможно, что это имя одного из злых природных демонов (Н. 1); /i/ *iiz* **eis* «лед», «холод» (ср. русск. *иней*); это имя одной из «зловещих рун», ср. *isig* в Беовульфе, ассоциирующееся со смертью (I.13), и др.;

3) имена деревьев: особо следует выделить /b/ *berena* **bairkan* «береза»; это слово выступало или как имя женского божества, символ девственности. Или, по нашему мнению, скорее всего как название «дерева с блестящей корою» (ср. также у Лемана: В. 42), дававшего материал для письма (ср. русские берестяные грамоты); /q/ *quertra* **quairtra*

или 1. «яблоня», или 2. «дуб», от и.-е. **k^oerk^o*, ср. лат. *quercus*; это имя, предположительно, рифмуется внутри алфавита, т. е. в его синтагматике, с *pi/ pertra *pairtŕa*, словом неясной этимологии (Р. 9).

Косвенным образом к названиям деревьев относятся также само слово «буква»: гот. *boka*, др.-исл. *bök*, мн. ч. *bökr*, др.-англ. *bōc*, мн. ч. *bēc* и др. «дощечка для письма». Все эти слова восходят к названию дерева *бук*. Весьма примечательным для нашей темы фактом является то, что названные слова употреблялись в значении «буква» применительно к латинскому алфавиту и, по-видимому, к «христианскому», т. е. в вифиловскому готскому, тогда как «языческие» письмена, руны, обозначаются — для контраста — словами другого корня: гот. **stafs*, др.-исл. *stafr* или *rūna-stafr* (В. 88; S. 128). Лишь позднее устанавливается общее слово «буквенный знак, буква», соединенное из обоих наименований: др.-исл. *bök stafr*, совр. нем. *Buchstabe*.

4) Имена богов:

la. aza **ansus, anses* «полубоги асы», др.-исл. *áss*, мн. ч. *æsir*, др.-англ. *bs* (в др. англ. используется как имя о-руны), поскольку в германской мифологии асы подчиняются богу Одину, то ряд исследователей (R. P. Wülcker и др.) связывает эту семью слов с одним из имен Одина — изобретателя языка и рунического письма, бога поэтического вдохновения;

l. tyz **teius, *tius* или «бог», ср. лат. *deus*, греч. *Zeús* (Т. 45) или по мнению К. А. Матрелли [17, с. 65], конкретно «бог Тург»;

ich (встречается только в написании имени Христа, графический знак — как латинский «икс» или греческий «хи») *enguz* **igguz* или, по мнению К. А. Матрелли, «Yngvi — бог Frey» [17, с. 65], или, по мнению В. Краузе, «человек, мужчина» [15, § 46a]; по мнению У. Лемана (Е. 3), это исконно — имя *у*-руны, тождественно др.-англ. имени руны *ing*, отразившемуся также в названии племени *Ingaevones*; последнее возможно, эпоним, имя героя племени ингевонов.

По мнению некоторых исследователей (ср. особенно [18]), имен богов представлено в названиях рун гораздо больше, но в опосредованном виде, так, например:

ʔi ezec **azets* «радостно» (А. 244) или «радость» (?) от имени готского божества **Aiza*. **Aizipa* (наше толкование: возможно, от уже упомянутого выше *aza*);

ʔg reda **raida* «верховая езда; поездка верхом; дорога», «повозка», «повозка богов» (наше толкование: «повозка Одина» [?], ср. одно из имен Одина в поэзии скальдов — *atridr* «Angeiter», «нападающий всадник»).

Синтагматические отношения в готском алфавите. Поскольку алфавит, являясь кодом, вместе с тем выступает как некоторый текст, то имена букв, предшествующие тексту, вступают в нем в новые ассоциации, образуя значимые синтагмы-словосочетания. Сам порядок следования букв оказывается мощным текстообразующим фактором. В готском алфавите примером такой новой синтагмы является последовательность имен 23-й и 24-й букв: *je enguz* или **faihu* **igguz*, что составляет, если принять для слова **igguz* значение, приписываемое ему В. Краузе «человек, мужчина» (см. выше). — «ског — люди».

Вместе с тем это сочетание, возникшее в готском алфавите благодаря указанной последовательности букв в нем, оказывается и весьма древним парным словосочетанием, бинарным обозначением движимого имущества «люди — скот», восстанавливаемым в форме и.-е. **utro-peku-* (авест. *pasu vira*, умбр. *ueiro pequo* и т. д.). По своей структуре (при разном содержании) такие парные сочетания оказываются весьма характерным

явлением древних индоевропейских сакральных текстов: два понятия нижнего яруса (в данном случае «люди» и «скот») в сочетании служат обозначением понятия высшего яруса, не имеющего собственной формы выражения (в данном случае «имущество [движимое]»). К. Уоткинс обнаружил целое оскское заклинание, *talum satmen*, построенное целиком из таких парных сочетаний [19]. В данном конкретном сочетании «люди — скот» за его приведенной нами формой прослеживается еще более отдаленное в глубине предьстории объединение «людей» и «домашних животных», обозначаемых именно названными корнями, в один класс «ведических существ»: **nir-* «люди» и **p^hlek^(A)u-* «домашние животные» [20, с. 469].

Возникает вопрос: какое отношение, не чисто ли случайное, имеет эта устойчивая индоевропейская формула к сочетанию имен букв в готском алфавите? Конечно, последовательность названных готских букв не является прямым воспроизведением древней формулы. Но, по-видимому, не является и простой случайностью. Дело в том, что, как мы отчасти показали выше, обозначения рун и готских букв черпаются из довольно ограниченного и определенного круга семантических представлений, и связь человека со скотом как проявление «блага», «богатства», «благосостояния» проходит повсюду. Она присутствует уже в руническом алфавите, в так называемом, по звуковым значениям первых шести рун, «*futhark*». Так, в англосаксонском варианте: *feoh* «скот, деньги», *ūr* «дикий бык, тур», *ƿorn* «шип, колючка» (темное место для толкования), *ōs* «бог речей» (ср. др.-исл. *áss*, связанное с Одином), *rād* «верховая езда» (?) (ср. толкования выше в связи с гот. *reda*, **raida*), *cēn* «факел».

Для нашей цели особенно интересна синтагма, образуемая в готском алфавите именами трех первых букв:

(1) *Aza berca geiua* «Аза — берзовая ветвь, береза — дар»;

(1a) *Aza *bairkan *giba* «Аза берзовую ветвь (березу) даровал».

Имя первой буквы готского алфавита, *aza*, и соответствующей руны во всех германских рунических алфавитах однозначно связывается со смыслом «бог». Согласно современным исследованиям (ср. [16, под индексом А. 243]), германские слова этой группы родственны др.-инд. *ásuras* «бог», авест. *Ahura Mazda* «великий бог» и т. д. [Родственное понятие, трансформировавшееся в сторону зла, находим в позднем, неортодоксальном зороастризме — в зурванизме (расцветшем в сасанидский период 226—625 гг.), где большую роль стало играть воплощение алчности — женское божество, демон Аз, которое потом было воспринято манихейством.] Но ближайшим образом эти германские слова ассоциируются с обозначениями полубогов-полулюдей асов и старшего над асами — бога Одина. Само слово *aza* — не что иное, как представленное в опосредованном и, возможно, искаженном виде одно из имен самого Одина. Обратимся теперь к образу этого бога.

Вот как характеризует его Ж. Дюмезиль: «В Скандинавии... Один, царь Асов, изобретатель рун, дарователь неожиданных побед, хозяин избранных мертвых, судя по имени, всего лишь „бог, обладающий *ōdr*“ (слово, обозначающее неистовое возбуждение)» [21]. Имя бога выделяет, как и во многих подобных случаях, лишь одну черту, один признак, послуживший основой именованья, тогда как в понятии, сопутствующем этому имени, или в его сигнификате, названный признак — лишь один из целого «пучка». Р. П. Вюлькер в комментарии к своему изданию англосаксонской «*Runenlied*» присоединяется к ранее выдвинутому толкованию: руна *os* (*ōs*) означает «изобретателя всякого письма» [22].

Вторая буква символизирует материал письма, в данном случае березу, ср. береста. кора березы как материал берестяных грамот древнего Новгорода. Третья буква выражает некоторый предикат — передача или дарования людям.

Итак, согласно нашей гипотезе, готское имя первой буквы алфавита означает «изобретателя, или дарователя, письма», и в этом наименовании прослеживается более ранний слой — имя бога Одина. Имена трех первых букв готского алфавита образуют синтагму, означающую: «Изобретатель, или дарователь, письма, Аза, даровал [людям] березу [материал письма]»

5

Имя *Aza* в самом готском языке имело, по-видимому, варианты. В пришедшей форме это — основа на *-a*. Кроме того, ввиду наличия слова *anses*, *ansis* (вин. падеж мн. ч.) должна была существовать также основа на *-i*. Наконец, в некоторых германских диалектах засвидетельствована еще и основа на *-u*: рунит. *a(n)su-gisalas* «божий заложник».

Если, как мы предположили, это имя было заимствовано славянами для обозначения «главной буквы алфавита», то оно должно было иметь в древнеболгарском варианты *Aza* / *Азь*, *Азь*, соответствующие трем указанным готским основам. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в наиболее древних списках «Сказания о письменах» Черноризца Храбра первая буква называется *Азь* (с ерем), а в более поздних — *Азь* (с ером) (хотя этот вариант имеется и в некоторых древних списках, см. в издании К. М. Куева, где приведено 73 списка [23]). (Но, конечно, названные вариации с *-ь*, *-ъ* могут отражать просто соответствующие вариации местоимения 1-го л. «я», с которым предполагаемое имя вступило позднее в фонетические и семантические ассоциации.)

Перейдем теперь к рассмотрению парадигматических и синтагматических связей имен букв в славянских азбуках. Подобно тому, как это имело место в готском алфавите (см. выше), имена букв в славянских алфавитах, если и не предшествовали их звуковому значению, то, во всяком случае, были, довольно независимо от последних, самостоятельными словами. Следует подчеркнуть значение чрезвычайно важного наблюдения Н. С. Трубецкого в его очерке о семантике славянских алфавитов: «Древнецерковнославянские алфавитные стихи представляют собой акростихи не на звуковые значения букв, а на имена букв глаголического алфавита» (разрядка наша. — С. Ю.) [24, с. 19].

То, что имена букв — самостоятельные слова, лишь позднее вступающие в семантические ассоциации со словами живого языка, косвенно подтверждается новой русской азбукой, где название первой буквы, *А*, не имеет никакого отношения к местоимению «я», совпадающему как раз не с первой, а с последней буквой. В новгородских берестяных грамотах находим в качестве местоимения 1-го л. ед. ч. формы *язъ*, *азо*, *асо*, *ас*, *аза*, *азо*, также не связанные с именем буквы *Азь*. Из последних форм новгородских грамот следует обратить внимание на *аза*, очевидно интересную в связи с нашей темой, а также на *асо*, *ас* [25], о которой будет речь ниже.

Синтагматические отношения в славянских алфавитах. Имена трех первых букв образуют, как это давно замечено, синтагму, которая, однако, в соответствии с нашей гипотезой должна толковаться — первоначально — иначе, а именно:

(2) *Азъ* буквы *ѣди*:

(2а) *Азъ* буквы *ѣдѣ* «Некий» *Азъ* буквы *позналъ* — подобно готскому. Форма *ѣдѣ*, предполагаемая нами как более ранняя на месте *ѣди* (об этой замене будет сказано ниже), может быть не только 3-м л. аориста, ср. балт.-слав. **vedē* «он вел», но и 1-м л. ед. ч. наст. времени, вариантом к *ѣмь*. Поэтому синтагма (2а) легко преобразуется в:

(3) *Азъ* буквы *ѣдѣ* «Я буквы *знаю*» (это обычное толкование).

Но вернемся к синтагмам (2) и (2а), по нашему предположению, более древним, и рассмотрим их составляющие в свете парадигматических связей.

Парадигматические отношения в славянских алфавитах. Имя второй буквы, буквы, очевидно, восходит к имени дерева «бук» и является, несомненно, заимствованием из германских языков (см. [26]). Бук издавна служил в Европе материалом для рисования, письма, вообще — всяческих графических изображений. «Древнейшими материалами для рисования (в узком, чисто графическом смысле). — отмечает исследователь этого вопроса Б. Р. Виппер, — начиная с раннего средневековья и вплоть до XV века (в Германии даже до XVI века). были деревянные дощечки... Их первоисточниками являются древнеримские воощеные таблички, которые позднее стали употребляться в монастырях, где на них обучали писать и считать. Обычно их делали из букowego дерева, квадратной формы, величиной с ладонь, грунтовали костяным порошком, иногда обтягивали пергаментом. Рисовали на них металлическим грифелем или штифтом. Часто дощечки соединяли в альбомы, связывая их ремешками или бечевками...» [27]. (Добавим, что грифель или штифт в этой технике письма — это обычно свинцовая палочка, что буквально отражено в нем. *Bleistift* «карандаш».)

Имя третьей буквы также имеет глубокие ассоциативные связи. Согласно современным исследованиям, реконструируется и.-е. слово **uādʰl-*, обозначавшее «состояние возбуждения, экстаза, вдохновения, связанное с процессом поэтического творчества» [20, с. 835—836]. К семье слов, производных от этого корня, относятся: др.-инд. *api-vat-* «вдохновитель», лат. *uātes* «прорицатель, пророк, вдохновенный песнопевец, поэт», гот. *uōds* «одержимый», др.-исл. *odr* «одержимый» и «поэзия», др.-англ. *uōd* «одержимый», др.-в.-нем. *Wuot* (нем. *Wut*) тж., др.-исл. *Odinn* «бог Один», др.-англ. *Wōden*, и др.-в.-нем. *Wuotan* «Вотан» (древнегерманский бог поэтического вдохновения) и др. Сюда же относится ст.-слав. *vēti(ji)*, др.-русск. *ѣтѣи* «вѣтия, оратор», *ѣче*, *ѣтъ* «совет» и глагол *ѣтѣти*, *ѣчу* «знать, узнавать». Глагол *ѣтѣти* по форме и по смыслу близко подходит к *ѣдѣти*. Не могла ли рассматриваемая нами синтагма иметь еще и такой вариант:

(4) *Азъ* буквы *ѣти* «*Азъ* буквы произнес (познал)»?

В таком случае имя третьей славянской буквы, *ѣди*, может быть контаминацией двух слов — двух форм 3-го л. ед. ч. аориста: *ѣти* и *ѣдѣ*, что объясняло бы конечное *-и* в имени буквы *ѣди*.

Что касается имени *Азъ* // *Азь*, то в его еревой форме, с *-ь*, оно, может быть, сохранилось в выражении:

(5) *Ась до Киева доведет*,

по значению тождественному следующему:

(6) *Язык до Киева доведет*, где *Ась* - язык.

Правда, *ась* в составе этой поговорки может восходить и к сочетанию частиц *a* + *сь* «Что, что?» (при переспросе, недослышании). Именно так трактует это В. И. Даль [28]. Но толкование В. И. Даля не кажется

убедительным. потому что странно представлять себе частицу, служащую для переспроса, в составе упомянутой поговорки. Еще определеннее, и вернее, чем у самого Даля, и, следовательно, еще менее подходящим образом для далевского понимания поговорки формулируется значение частицы *ась* в «Словаре Академии Российской» 1806 г. [29]: «*Ась* — нескл. употребляемое в просторечии и значащее отклик того, кого зовут или кого кличут». Кажется более естественным трактовать в составе этой поговорки *ась* как обозначение некоего существа, которое, подобно языку, помогает человеку путем распросов находить дорогу к цели. Такова еще одна, производная гипотеза.

Не указывает ли это совпадение значений *ась* = язык на существование в восточнославянском мире в прошлом некоего малого божества речи, языка? Что такое вообще индоевропейские «малые боги»? По меткому определению А. Мейе, «это природное или социальное явление, которому придают особое значение. Божество — это не лицо, имеющее собственное имя, это само явление (*le fait lui-même*), его сущность, его внутренняя сила» [30]. А. А. Потебня хорошо показал это в деталях в своем этюде «О Доле и сходных с нею существах» [31].

6

Известный параллелизм к положенному представлению о развитии имени первой буквы можно найти в ее графике, а также в графике некоторых других, типологически сходных явлений.

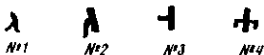

Рис 1

В рукописи Алкуина графический знак, соответствующий имени *aza*, дается в двух формах (первая соответствует более старому начертанию готского алфавита, вторая — более новому; см. рис. 1, (знаки № 1 и № 2). В современных работах о готском языке этот знак обычно считается происходящим от греческого «альфа», что, действительно, кажется очевидным. Однако в одной из первых публикаций, связанных с этой темой, — в работе М. Арнкиля 1691 г. [32] (воспроизведено у И. В. Ягича [33]) находим на этом месте иной знак (рис. 1, знак № 3). Этот знак, с одной стороны, выглядит как очевидный вариант вышеприведенной графемы Алкуина, а с другой, определенно напоминает половину графемы для *азъ* в глаголице (рис. 1, знак № 4). Что касается последнего, то, согласно мнению, распространенному в среде исследователей-славистов, как уже было сказано выше, этот глаголический знак представляет собой символ Бога.

Имеется и более существенная, хотя уже чисто типологическая параллель. Мы имеем в виду обнаруженное в балканском ареале последовательное превращение рунического знака (речь идет о тюркских рунах) — знака бога Тенгри в христианский знак креста. Это явление подробно исследовано М. Московым, на публикацию которого мы далее опираемся [34].

Как показал болгарский исследователь, руническая запись имени Тенгри, состоящая из четырех знаков, полиграмма, постепенно превра

щается путем сокращения в монограмму, которая становится в конечном счете идеограммой. Этот конечный знак имеет следующий вид: {Υ}.

Приведенный знак в контексте древнеболгарской культуры бытует как символ верховного божества, магический знак, талисман. По мере утверждения христианства он превращается в знак креста — этот процесс последовательно восстанавливается по археологическим данным и изображениям на амулетах. Причем конечный знак — крест или двоякий крест может быть по своему сложению истолкован двойко (ср. явление множественности этимологий у словесных знаков, слов) — или как прибавление развилки на каждом из четырех концов креста, или как сложение в центральной точке четырех знаков Тенгри, «четыре игрека» [34, с. 18] (см. рис. 2).

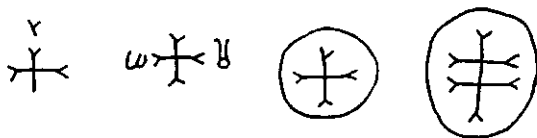

Рис. 2

Какому понятийному процессу соответствует этот графический переход? Тенгри — общетюркский верховный бог, создатель всей вселенной — земли, неба, космоса, всего видимого и невидимого света, повелитель планет, распоряжающийся судьбами человека, народа и государства («Имеется ли связь между двумя религиями (прабоггарской и христианской) при переходе от одной к другой?», — задает вопрос М. Москов [34 с. 18]). И отвечает на него утвердительно.

Продолжим теперь эту параллель, так сказать, в разные стороны. При углублении в предысторию можно констатировать определенное сходство между крестообразным знаком Тенгри (четыре «игрека», соединенные нижними концами в центральной точке) и солнечным знаком солнца Пейве в саянской мифологии (ср. [35]).

При движении в другие европейские ареалы в период двоеверия и перехода от язычества к христианству мы обнаруживаем яркую параллель в контексте мифологии «мирового дерева» в англосаксонской культуре. Исследуя в этом контексте протогерманскую лексему **midja-gardaz* «середина мира» или «средний мир», С. Г. Проскурин приходит к следующему выводу: «Учитывая партитивную природу композита **midja-gardaz*, мы реконструируем его изначально не как „срединное огороженное место“ а как „середина (центр) огороженного пространства“. Обнаруживается, что в основе наименования древнегерманского мира прежде всего лежала идея сакральной значимости центра, обычно получающего символическое воплощение в виде „мирового дерева“, „столпа“, „горы“» [36, с. 16]. Далее С. Г. Проскурин показывает ассоциации языческого «мирового дерева» с христианским крестом и синонимизацию понятий-символов «дерево» и «крест» в англосаксонских текстах (например, в «*Deatn of the Rood*»), а также ассоциации начала мира с ростом дерева и конца мира с крушением дерева [36, с. 17].

Если теперь снова обратиться к образу Тенгри, то можно увидеть определенный параллелизм и по этой, более частной, линии. Знак Тен-

ри, с одной стороны, символизирует центр мира (ср. у М. Москова [34, с. 18]), а с другой, сам Тенгри иногда символизируется деревом (не является ли символом-схемой дерева и его идеограмма в виде «игрека» — палочки с развилкой-разветвлением наверху?). У хазар Тенгри-хан почитался в образе высоких деревьев [37].

Итак, подтвердится или нет наша гипотеза об имени азъ при дальнейших разысканиях, уже сейчас ясно, что имена букв в европейских алфавитах и, хотя и не столь определенно, их образы (знаки) черпаются из довольно ограниченного круга представлений, составляющих традиционные ценности культуры.

7

Со сказанным выше связана наша следующая гипотеза или, лучше сказать, пучок взаимосвязанных гипотез, относящихся к славянским азбукам как некоторым цельным текстам. И здесь также интересно обратить внимание на семантические сферы представлений, из которых берутся имена букв в алфавитах и ассоциирующиеся с ними слова в азбучных стихотворениях. Для этой цели мы используем два произведения (их исследовал также Н. С. Трубецкой, сравнение с выводами которого для нас будет существенно) — Азбучную молитву Константина Пресвитера болгарского, написанную в конце IX в., и Азбучную молитву, или Азбуковник, XII в. Приведем оба текста, первый — в реконструкции К. М. Куева 1974 г. [38] (напомним, что Н. С. Трубецкой пользовался другими изданиями), второй — по изданию А. И. Соболевского 1910 г. [39] (им пользовался и Н. С. Трубецкой).

1. Азбучная молитва Константина ²

- 1 Азъ словомъ симъ // молю са богу:
- 2 Боже, вьсеи твари / и азждителю
- 3 Видимымъ / и невидимымъ,
- 4 Господа доуха / послѣ живѣщаго
- 5 Да въздъхнеть / въ срьдце ми слово,
- 6 Еже бждеть / на оуспѣхъ вьсѣмъ,
- 7 Живѣщимъ / въззповьдѣхъ ти.
- 8 Сѣло бо ксть / свѣтильникъ жизни.
- 9 Законъ твой, / свѣтъ стьзамъ того,
- 10 Иже ищеть / ѿвангельска слова
- 11 И просить са / дары твоѣ прияти.
- 12 И летить ныѣ // словѣньско плема,
- 13 Къ крыению / обратиха са вьси,
- 14 Людѣ твой / нареци са хотаще,
- 15 Милости твоѣ, / боже, просать сѣло,
- 16 Нъ мнѣ ныѣ / пространо слово даждь,
- 17 Отъче, сыноу / и прѣсватыи доуше,
- 18 Проси оуемоу / помощи отъ тебе.
- 19 Радѣ бо свои / выпрь въздѣхъ присно,
- 20 Силѣ прияти / и мждрость оу тебе.
- 21 Ты бо дакши / достоиномъ силѣ,
- 22 Упостась же / вьсѣмъ цѣлини,

² В этом издании К. М. Куева косые черты означают цезуры в стихе: / — цезура после 5-го слога, // — после 7-го, /// — после 6-го

- 23 Фараоша ма / зълобы избави.
 24 Херовьска ми / мысль и оумъ даждь.
 25 Сѣ, чьстнаю, / прѣсватаю троице,
 26 Печаль мож / на радость прѣложи,
 27 Цѣломудрию / да начыишъ псати
 28 Чюдеса твою / прѣдвѣнаю зѣло,
 29 Шестькрылатыхъ /// силъ въспринимъ.
 30 Шьствоужъ нынѣ / по слѣдоу оучителю.
 31 Имени юю / и дѣлоу послѣдоуъ,
 32 Ивѣ сътвори / квангельско слово,
 33 Хвалѣ въздаю / троици въ божьствѣ,
 34 Юже покът / въсѣкми въздрать
 35 Юнъ и старъ / своимъ разоумомъ.
 36 Юзыкъ новъ / хвалѣ въздаю присно
 37 Отыпоу, сыноу / и сватоужмоу доухоу,
 38 Юмоуже чьсть / и дрѣжава и слава
 39 Отъ всьвѣ твари / и дыханию
 40 Въ вса вѣкми / и на вѣкки аминь.

II. Азбучная молитва (Азбучовник) XII в. ³

- 1 Азъ тебе припадаю, милостиве,
 грѣхы многими одержимъ.
 2 Буря мя грѣховныя потопляеть,
 но въ твою тишину настави мя.
 3 Въ нощи и въ дне мя съхрани,
 на всякъ часъ въспѣвати тебѣ.
 4 Грѣховныя ми волны утоли,
 и ниже грузимъ воию ти.
 5 Десницю ми простри, милостиве,
 якоже Петру волнами грузиму.
 6 Югда хощеша явити тайная,
 не обличи мене прѣдъ ангелы.
 7 Житиѣ бо своѣ въ мраце иждихъ,
 но твоими мя ищдротами просвѣти.
 8 Зѣло бо кси, Христе, милостивъ,
 долготерпѣливъ и прѣмилостивъ.
 9 Заблужьшаго прими мя, Христе,
 якоже прятъ бруднаго сына.
 10 Избави мя изъ глубины грѣховныя,
 якоже Иону отъ кита, Христе.
 11 Ижекиныи ми слезы даруй,
 и ниже очищу скверныи ми грѣхы.
 12 Геоны и мя избави вѣчныя
 в грозы и черви неусыпающа.
 13 Ковникъ дьяволъ блазнить мя,
 цѣ въ твоѣ стадо причти мя, Христе.
 14 Ловьца диявола избави мя,
 молитвами, Христе, рождшая тя.
 15 Мытарю уподобяся, воию ти:
 очисти мя, Христе, яко и оного.

³ По списку Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле, изд. А. И. Соболев
 ский. Примечание издателя: титла раскрыты, оу передается через у; д и ю — через
 4 (39, с 3)

- 16 Нощю мя на пѣниѣ укрѣши,
тяготу сонную отгнавъ мя.
- 17 Очи мои просвѣти, милостиве,
сърдце чисто съзижди въ мнѣ.
- 18 Простери мя десницю, милостиве,
уязвену суцю разбойники.
- 19 Руцѣ мои въздѣю к тебе, Христе,
грѣховными стрѣлами уязвенъ.
- 20 Свѣдѣи немощи моя, Христе,
исцѣли мя, Владыко, недостойнаго.
- 21 Трепетомъ объдержимъ вопию ти,
помышляя, Христе, страшнии часъ.
- 22 Упоастась бо си осквернихъ злѣ,
но покаянню слезы ми подаиждь.
- 23 Фарисѣѣ вы мя гордыня избави.
мѣдонмѣче ми дая рыданіи.
- 24 Хѣровимьскую пѣснь възспѣвати
тебе, тресвятыи Боже, съподоби.
- 25 О пресвятая Троице, помилуй
недостойнаго твоего раба.
- 26 Пѣсньми ти пою, припадаю,
просвѣти мя душу и умъ, Спасе.
- 27 Царю небеси и земли, Христе,
отверзи ми двери вѣчныи жизни.
- 28 Чиномъ мя причти, милостиве,
избранныхъ твоихъ овцаю.
- 29 Шествия мя направи на путь твой
отъ устъ золь укланяя мя.
- 30 Иного бо не свѣмъ, развѣ тебе,
милостива суца и прѣмилостива.
- 31 Яко сынъ родомъ милостивъ Богъ,
Отець и Сынъ и Святый Духъ.
- 32 Хвалами тя прославляю, прѣсвятая
живодавице чѣстная Троице,
- 33 Юже поють шестокрилнии,
начальныи власти же и силы.
- 34 Юже коньчевая молебную пѣснь,
въпню к тебѣ, святая Троице;
- 35 Языкомъ и умомъ тя славию.
въ три лица суще божество юдино.
- 36 Тебѣ бо лѣшо юсть чѣсть и поклонании
въ вся вѣкы вѣкомъ. Аминъ.

Напомним еще алфавитный порядок глаголицы в том его виде, как он частично реконструирован Н. С. Трубецким для наиболее древнего периода. (В основной части алфавита его порядок, как известно, однозначно свидетельствуется памятниками и в реконструкции не нуждается, к выводам Н. С. Трубецкого мы вернемся ниже.) (см. таблицу.)

Проведем теперь семантическое сопоставление, сравнивая 1) имена букв глаголицы, — а они, будучи словами, имеют семантику, 2) слова, образующие акrostих в Молитве Константина, 3) такие же слова в Азбуковнике XII в.

Молитва Константина прямо использует имена букв как слова в стихах 1, 7, 8, 14, 22, 24, — и это достаточно большая пропорция. В других

Порядок глаголам (с частичной реконструкцией Н.С.Трубецкого)

1	1	†	a	азь	19	100	b	z	рьш
2	2	Щ	b	буш	20	200	Ж	v	слово
3	3	У	v	вЪди	21	300	Ш	t	тврало
4	4	Ж	e	глаголи	22	400	Б	ü ₂	жкшв
5	5	Ю	d	добро	23	500	Ф	r	фръть
6	6	Э	e	късть	24	600	Ц	z ₂	хЪръ (?)
7	7	Х	i	живѣте	25	700	О	o ₂	отъ
8	8	Ф	s	.сѣло	26	800	У	у	
9	9	А	e	земли	27	900	У	c	ш
10	10	ТЖ	i ₁	иже	28	1000	Ф	z	чръвь
11	20	В	i ₂	ижи	29	2000	Ш	z	ша
12	30	К	h	(г'ервь)	30	3000	Ж	z	крь
13	40	Ъ	k	како	31	4000	Ж	z	крь
14	50	А	l	люди	32	5000	А	z	гъть
15	60	Ж	m	мыслите	33	6000	б	x ₁	хЪръ (?)
16	70	Р	n	нашь	34	7000	Ф	z	
17	80	Ю	o ₁	онъ	35	8000	Р	u ₁	
18	90	Р	p	поком	36	9000	С	z	

стихах автор выбирает как бы в широком смысле синоними к именам букв, — слова, обозначающие ценности той же сферы, что и соответствующее имя буквы: 3 «вѣди» — «видимые», 5 «добро» — «да вдохнет слово», 6 «естъ» — «еже будет», 9 «земля» — «закон», 15 «мыслите» — «мыслы твои (т. е. божьи)», 17 «он» (что в сакральном пространстве молитвы легко ассоциируется с Богом) — «отец» (Бог), 18 «покои» — «помощи просящий», 20 «слово» — «сила» (божья), 21 «твердо» — «ты» (т. е. опять таки Бог, основатель тверди и держатель порядка). Таким образом, здесь действует тот же принцип соотношения имени и смысла, который пронизывает готский алфавит Ульфила (см. выше).

В русских азбуконниках-словарях (древнейший из них, как уже было сказано выше, относится к XVI в.) применяется алфавитный принцип расположения статей, — но лишь по алфавиту первой буквы, изредка также последующей гласной. Между тем в печатных словарях Юго-Западной Руси того же периода учитывалось алфавитное место всех букв слова. Упорное предпочтение старого, рукописного порядка у современных исследователей вызывает недоумение и, в сущности, остается не до конца объясненным. Издатель Азбуконника XVI в. Л. С. Ковтун считает, что соблюдение алфавитного порядка лишь по первой букве позволяло переписчикам свободно вносить новые слова, не меняя всего текста [10, с. 38]. И это, конечно, верно. Однако, на наш взгляд, здесь действовал и какой-то еще иной, а именно семантический, принцип. Текст изданного Л. С. Ковтуна Азбуконника показывает, что — за исключением конечных букв алфавита (Ω, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, Ю, Я, — причем Ъ, Ы, Ь составляют один, весьма краткий раздел) — под всеми буквами на втором месте раздела, т. е. после собственного имени буквы, идет имя Божье, или имя одного из его символов (иногда предмета церковного культа). Так, «А» — «4. аданна. тл. господь»; «В» — «234. благословлю, добро словлю»; «В» — «288. воанерьгест, сонмъ громовъ»; «Г» — «412. господь савао, господь сила»; «Д» — «505. дѣвсѣ. Богъ въ челоуцехъ»; «Е» — «599. елов. Божє» и т. д.

Напротив, рассматриваемый нами Азбуконник XII в. в отступление от этого семантического принципа и уже прямо по контрасту с Молитвой Константина использует антиподные ассоциации — с миром греха и сатаны: 2 — «буря греховная» против «Боже» у Константина, 4 — «греховные волны» против «Господь», 9 — «заблудший» против «закон», 13 — «ковник (т. е. ковы кующий) дьявол» против «крещение», 20 — «знающий немощи мои» против «сила», 21 — «трепетом одержим» против «твердо, ты (бог)». Эта антонимичность и антиподность смыслов так сильна, что моментами у нас, современных читателей, возникает сомнение — уже не пародия ли перед нами? Во всяком случае несомненно, что это текст другой природы: изменилось восприятие алфавита как текста — он перестал быть сакральным. Азбучная молитва — по-прежнему священный текст, но сам алфавит — нет. И, скорее всего, сам алфавит уже вообще не воспринимается как текст.

И Азбучная молитва Константина IX в. и Азбуконник XII в. — равно тексты алфавитные, но отношения между именами букв и семантикой, на которую намекают эти имена, в обоих текстах различны по диапазону. В то время как текст Константина разрешает семантические вариации только в пределах той же узкой семантической сферы, к которой относятся имя буквы, текст азбуконника допускает гораздо более широкие вариации, вплоть до антиподных, хотя и в пределах сакральной сферы. Эти отношения типологически отражены — и закреплены — в азбучных

поговорках русского народа (вспомним в этой связи, что до эпохи церковного раскола XVII в. грамотность среди крестьян была очень высока, а в среде старообрядцев даже самого простого общественного состояния). Крестьян, и в наши дни церковная грамотность — обычное явление). Сравним хотя бы такую поговорку [40]: *Како он — кон, буки ерык — бык, глаголь аз — глаз*. Семантическая и формальная структура ее довольно проста: от имен букв берется значительная часть внешней формы — *к...он, б...ук, гла...аз*, но семантические вариации под этой формой уже далеко отходят от первоначальной сферы, по существу они не ограничены.

Все приведенные «алфавитные тексты» можно рассматривать как типологически один этап. Тогда современный нам этап (ср. раздел 2 выше) будет типологически следующим: именами букв являются лишь некоторые слоги, фонетически ассоциирующиеся по первому элементу с фонетическим «значением» буквы, в то время как семантические ассоциации ничем не ограничены — *а, бэ, вэ, гэ...* и т. д. (названия букв) могут ассоциироваться с чем угодно (и мы в действительности находим азбуки, построенные на совершенно различных семантических ассоциациях, иногда резко идеологически выраженных, — как было, например, в «народных азбуконниках», издававшихся революционерами в конце прошлого века).

Но если намечается некоторая типология, то нельзя ли представить себе ее другой этап, предшествующий этапу Азбучной молитвы? Конечно, это возможно: такой этап должен быть представлен «алфавитным текстом», в котором в качестве слов, по крайней мере начальных слов каждой фразы или стиха, должны фигурировать имена букв в их данной фонетической форме и с их данным, прямым смыслом (например, *глаголи* — «говорю», *добро* — «добро, хорошо» или «имущество, достояние» и т. д.). Как уже было показано выше, именно этот, архаический этап мы находим отраженным в первых строках готского алфавита и в первых трех «тактах» алфавитов славянских («Азь буки вѣди»).

8

Но существуют — в германской традиции — тексты, в которых упомянутый архаический этап «алфавитных текстов» представлен весьма полно. Мы имеем в виду использование рун в англосаксонских поэтических текстах. Прием основан на следующем. Каждый рунический знак имеет имя. Для англосаксонского периода это имя более или менее ясно ассоциируется с каким-либо словом живого языка (как это имеет место для готского, см. выше), и руна может стоять в тексте вместо этого слова. Но, кроме того, подобно тому, как используются знаки в современных радио-алфавитах, знак руны может использоваться как аббревиатура вместо своего имени, т. е. тем самым вместо соответствующего слова живого языка, — это как бы нероглиф. И, наконец, руна может читаться как буква латинского алфавита, — в таком случае от ее имени берется лишь начальная фонема. Используются все три способа в том или ином сочетании (при этом, естественно, различается восприятие поэмы на слух или на глаз). Примером может служить следующий отрывок из поэмы Кюневульфа «Христор» (стихи 797—808), в который с помощью рун вплетено имя автора CYNWULF. При этом руны как слова читаются как компоненты текста, например, руна \ddot{y} читается как англосаксонское слово NYD «нужда, беда», а руны как буквы, по их начальным фонемам, читаются как бы «над текстом» и складываются в имя автора (цитирую

Þonne 'h' cwacæð, gehyred cuning mæðlan,
 roðara ryhtend, sprecan reþe word
 þam þe him ær in worulde wace hyðron,
 þendan 'h' ond þ' yþast meahthan
 frofre findan. Þær sceal forht monig
 on þam wongstede werig bidan
 hwæt him æfter dædum deman wille
 wraþra wita. Biþ se 'þ' sceæcen
 eorþan frætwæ. 'h' wæs longe
 'þ' flodum bilocen, lifwyrna dæl,
 'þ' on foldan. Þonne frætwæ seulon
 byrnan on bæle...

Рис 3

«Тогда (добрый человек) дрожит, слышит, как царь и владыка неба судит и говорит суровые слова тем, кто плохо подчинялся ему в мире, когда (бедность) и (нужда) легче всего могли найти приют. Многие люди будут в страхе, будут уныло ждать на этой равнине, какие муки будут им при-суждены за их дела. (Радость) земных сокровищ исчезла, (наша) надолго была (моря) волнами сокрыта доля житейских радостей, (богатство) мирское».

Поскольку смыслы рун, связанные с языческим миром, а в некоторых случаях и их фонетический облик плохо ассоциировались с англосаксонским христианским миром, поэт устанавливает собственные ассоциации для отдельных рунических знаков. Так, первую в данном отрывке руну, согласно «Рунической поэме» означавшую *seþ* «факел, светоч», он толкует как *seþe* «добрый человек», «a brave man (?)»; пятую руну, означавшую некогда «бизон, бык», он толкует как современное ему слово *þre* «наш» (вместо *þr* «бизон») и т. д. [41, 42].

Интересно, что в славянских алфавитах имя третьей буквы подобным же образом претерпело, возможно, изменение ассоциаций — от древнего *větili* «вещать» к более актуальному *věděti* «знать» (см. выше).

Представим себе теперь, что некоторые руны в англосаксонском ареале, в силу отдаленности по месту и времени их создания от эпохи Кюневульфа, совсем утратили связь с живым языком поэта. (В действительности это произошло, например, с руной \mathfrak{M} , именовавшейся в англосаксонский период как *os*, согласно «Рунической поэме», но не имевшей никаких четких ассоциаций. По происхождению, как мы знаем, она связана с именем бога Одина и, далее, с именем первой буквы готского алфавита.) В таком случае знак руны становится свободным для установления новых ассоциаций, что может широко использоваться в поэзии. Напротив, если произношение утрачено, а смысл закрепился, как это имело место для той же руны у континентальных германцев, то знак руны становится идео-

граммой, вполне подобной идеограммам хеттской письменности, которые допускали прочтение на разных языках этого ареала — хеттском, шумерском и аккадском. Таким образом, хеттская письменность в этом отношении представляет этап, типологически предшествующий «этапу Кюневульфа». В славянских алфавитах, а именно в глаголице, мы находим частичное отражение разных типологически этапов отношения между буквой и текстом.

Вернемся теперь к некоторым соображениям Н. С. Трубецкого. Занимаясь реконструкцией порядка алфавита и его состава, Н. С. Трубецкой пользовался показаниями древних «абецедариев» (особенно так называемого болгарского и мюнхенского, а также парижского) и двух азбучных молитв (которые мы привели выше). Однако основным параметром, по которому он выравнивал алфавит, были числовые значения букв глаголицы. В результате появилась реконструкция, приведенная выше (см. табл.). В ней буквы глаголического алфавита расположены в порядке их числовых значений и разбиты на четыре группы — единицы, десятки, сотни, тысячи, а общее число знаков необходимым образом оказалось равным 36 (9×4).

Поэтому когда речь идет об алфавитных стихотворениях, то, как это ни кажется странным, естественно было бы сказать, что их стихи соответствуют «местам в алфавите» (каждому месту — один стих) и «числам» (на каждое алфавитное число таким же образом — один стих). Что касается имен букв, на которые, казалось бы, и должны писаться акrostихи, то, как мы видели выше, этот принцип действует не жестко, и во многих случаях (для многих букв) стих соответствует звуковому значению первой буквы в имени (например, 18 — *просиящему* у Константина в *простери* в Азбуковнике) и общей семантике имени (опять-таки с широкими вариациями). Между тем Н. С. Трубецкой говорит, что «Древнецерковнославянские алфавитные стихотворения представляют собой акrostихи не на звуковые значения (Lautwerte), а на имена глаголических букв» [24, с. 19]. В сущности в таком виде, без оговорок и уточнений, это утверждение Н. С. Трубецкого кажется непонятным. Более того, оно противоречит некоторым существенным деталям.

Так, два глаголических знака для /x/ (см. № 24 и № 33) соответствуют — в период создания Азбучной молитвы Константина, — возможно, до некоторой степени различным звукам. Знак, занимающий место № 24 с числовым значением 600, соответствует греческому «хи» (χ) и произошло, возможно, как аспирата, встречаясь, естественно, только в заимствованных словах. Напротив, знак, занимающий место № 33, произошло, как чистый спирант, это чисто славянский звук [24, с. 29]. Но какую из них соответствует и м я хърь? Этот вопрос остается открытым.

В дальнейшей традиции оба знака, естественно, начинают обозначать один и тот же звук — славянское спирантное /x/, их распределение в текстах становится случайным, а знак № 24 довольно быстро вообще исчезает.

Возьмем знаки № 12 и № 26. Между ними есть некая внутренняя связь, основанная на их фонетическом значении. Каково было это значение, является, как известно, предметом давней дискуссии, на чем мы здесь останавливаться не будем. Но каково и м я того и другого знака? В строгом смысле, это буквы без имени. И поэтому сказать, что акrostихи основаны на именах букв, в данном случае невозможно. Н. С. Трубецкой, исходя

опять-таки из числовых значений, ищет очень далекие именные ассоциации, предполагая, например, что № 12 «в первоначальной глаголице должен был иметь произвольное (т е, в том смысле, в каком Н С Трубецкой употребляет этот термин, — фонетически немотивированное — С Ю) имя, которое начиналось с /д/ поэтому соответствующий стих в Молитве Константина начинается со слова *летитъ*. При этом молг» сыграть роль и воспоминание о еврейском алфавите, где числовое значение 30 связывалось с буквой, обозначающей звук /д/» [24, с 19] ср еще раз [12, с 299] и здесь раздел 3

В действительности, однако, под № 12 и № 26 в Молитве Константина и под № 26 в Азбуковнике XII в мы находим фонетически незначимые, «пустые» стихи (Стих № 12 в Азбуковнике, начинающийся со слова обозначающего «геенну огненную», требовал бы особого обсуждения в которое углубляться мы сейчас за неимением места не можем) Взглянем еще раз на «алфавитные стихотворения» как на целые тексты все вполне понятно и даже прозрачно — «безымянным буквам» соответствую ют «пустые стихи»!

Но алфавитные стихотворения, в особенности Молитва Константина, это замечательные поэтические произведения И обратим внимание на то, как обыгрывает автор 12-й стих, оказывающийся к тому же центральным, так как по соотношению с числом значимых стихов — 36 — этот стих располагается близко к линии «золотого сечения» (12/36) Он заполняет его выражением центральной мысли, выражением пафоса всего стихотворения «И летит ныне словенское племя к крещению»

К М Куев по справедливости делает этот стих эпиграфом ко всей своей книге [38] И, заметим, в его реконструкции этот стих не начинается больше со слова с буквой «д», которой придавал здесь такое значение Н С Трубецкой⁴

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Schulze W Die lateinischen Buchstabennamen // Schulze W kleine Schriften 2 Aufl / Hrsg von Wissmann W Göttingen 1966*
2. *Schwyzler E Griechische Interjektionen und griechische Buchstabennamen auf — α KZ 1931 Bd 58 Hf 3/4*
3. *Bailly A Grammaire generale et raisonnee de Port Royal Avec une introd hist Slatkine Reprints Geneve 1968*
4. *Левицкий Г В История идеи универсальной характеристики // Пешниц Г В Соч В 4 х томах Т 3 М, 1984 С 412—413*
5. *Королев А А Древнейшие памятники ирландского языка М 1984*
6. *Исаченко А В К вопросу об ирландской миссии у паннонских и моравских славян // Isachenko A Opera selecta Munchen 1976 S 263—292*
7. *Широков О С Введение в балканскую филологию М, 1990 С 100*
8. *Dornseiff F Das Alphabet in Mystik und Magie 2 Aufl Leipzig Berlin 1925 S 27 28*
9. *A patristic Greek lexicon / Ed by Lampe G W H Oxford, 1987*
10. *Костюк Л С Азбуковники XVI—XVII вв Старшая разновидность J, 1989*
11. *Kiparsky V Tschernochvostoffs Theorie über den Ursprung des glagolitischen Alphabets // Cyrillo Methodiana Zur Frühgeschichte des Christentums bei den Slaven 863—1963 (= Slavistische Forschungen, 6) Köln, Graz S 393—400*
12. *Гамкрелидзе Т В Алфавитное письмо и древнегрузинская письменность Типология и происхождение алфавитных систем письма Тбилиси 1989*
13. *Vojs J Rukovet hláholске paleografie (— Rukoveti slovanskeho ustavu v Praze Sv II) Praha 1932*
14. *Толстой Н И Возникновение письма у славян // Энциклопедич словарь юного филолога (языкознание) / Сост Павлов М В М, 1984 С 53—55*
15. *Krause W Handbuch des Gotischen 3, neubearb Aufl Munchen, 1968*

⁴ Благодарю Н И Толстого, Т В Гамкрелидзе в С Г Проскуряна высказавших ценные замечания, учтенные мною в тексте

- 16 *Lehmann W P* A Gothic etymological dictionary Leiden, 1986
- 17 *Mastrelli C A* Grammatica gotica Milano, 1967
- 18 *Marstrand C J S* Om runene og runenavnenes oprindelse // NTS 1928 4
- 19 *Watkins C* Questions linguistiques de poetique, de mythologie et de predroit en indo europeen // *Lalies Actes des sessions de linguistique et de litterature V* (1983) P 1987
- 20 *Гамкрелидзе Т В, Иванов Вяч Вс* Индоевропейский язык и индоевропейцы Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры Ч 1-2 Тбилиси, 1984
- 21 *Дюмезиль Ж* Верховные боги индоевропейцев М, 1968 С 59
- 22 *Bibliothek der angelsachsischen Poesie* Neue bearb und verm Aufl / Hrsg von *Wulcker R P* Bd 1 (2 Hlfte) Goettingen, 1881
- 23 *Кучев К М* Черноризец Храбър София, 1967
- 24 *Trubetzkoy N S* Altkirchenslavische Grammatik Schrift, Laut und Formensystem Hrsg von *Jagoditsch R* 2 Aufl Graz Wien Köln 1968
- 25 *Янин В Л, Зализняк А А* Новгородские грамоты на бересте Из раскопок 1977-1983 годов М, 1986 С 305
- 26 *Этимологический словарь славянских языков / Отв ред Трубачев О Н* Вып 3 М, 1976 С 91-92
- 27 *Виппер Б Р* Введение в историческое изучение искусства М, 1985 С 15
- 28 *Даль Вл* Толковый словарь живого великорусского языка Т I А-З М, 1955 С 27
- 29 *Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный Ч I А-Д* СПб, 1801 Стлб 65
- 30 *Meillet A* La religion indo europeenne // *Meillet A* Linguistique historique et linguistique generale P, 1948 P 334
- 31 *Потебня А А* О Доле и сходных с нею существах // Древности Труды Моск археол об ва Т I Вып 2 М, 1965
- 32 *Arnkjel M T* Symbryske Neuden Religion Bd 1 Hamburg, 1691
- 33 *Ягич И В* Вопрос о рунах у славян // Энциклопедия слав филологии / Под ред акад Ягича И В Вып 3 Графика у славян СПб, 1911
- 34 *Москов М* Прабългарски рунчески знак [Y] за теонима Тангра // *Palaeobulgarica* Старо-българистика XI (1987) 1
- 35 *Петрушкин В Я, Хелимский Е А* Финно угорская мифология // Мифы народов мира Энциклопедия 2 е изд Т 2 К-Я М, 1988 С 565
- 36 *Проскурин С Г* Древнеанглийская пространственная лексика концептуализированных областей Автореф канд филол наук М, 1990
- 37 *Калисторнии С Г* Древних (орхонских) тюрков мифология // Мифы народов мира Энциклопедия 2 е изд Т 2 К-Я М, 1988 С 537
- 38 *Кучев К М* Азбучната молитва в славянските литератури София, 1974
- 39 *Соболевский А И* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии // Сб ОРЯС 1910 Т 88 № 3
- 40 *Пословицы русского народа* Сб В Даль В 2 к т Т I М, 1989 С 365
- 41 *Snyder T A* Old English verse L, 1972 P 156-157
- 42 *Смирницкая О А* Индоевропейское в германской поэзии // Эпос Северной Европы Пути эволюции М, 1989 С 17

© 1991 г.

МЕЛЬНИЧУК А. С.

О ВСЕОБЩЕМ РОДСТВЕ ЯЗЫКОВ МИРА*

В афразийских языках отчетливо сохранились все структурные варианты рассматриваемого корневого комплекса, восходящего к неострацистскому периоду, хотя некоторые из приводимых ниже конкретных примеров могли возникнуть вторично на фоне древнейших образований. Следует, в частности, иметь в виду, что различные варианты корней с огласовкой и без нее в этих языках представляет собой преимущественно лишь сохранение старых фонетических возможностей, использованных в новом функциональном назначении. Примеры приводятся из арабского языка по арабско-русскому и арабско-немецкому словарям и частично из западночадских языков по словарю О. В. Столбовой [20].

Корневые варианты типа *kt-*, *gt-*, *ht-*, *'t-*, *ks-*, *qs-* и т. п. без огласовки (как правило), морфологически соотносящиеся с вариантами, содержащими гласные): араб. *maktab* «школа; письменный стол», *muqtal* «убийство», «сердце; висок», *iqtaṭṭa* «резать, подрезать», *maqī'ūn* «каменоломня», *miqī'ūn* «топор», *miqdabun* «нож; садовые ножницы», *miqdāṣun* «весло», *ihdūdun* «яма, ров, борозда», *mīksarahun* «щипцы для орехов», *maṣyūrun* «сломанный, разбитый», *maṣsumun* «разделенный», *miṣṣaṭun* «нож для соскабливания, скребок», *miṣṣarun* «очищенный, облупленный», *aḡsara* «укорачивать; прекращать», *miṣsalun* «острый»; *miḡḡaṭun* «весло», *maḡziṣun* «скотобойня», *miḡsadahun* «серб, коса», *maḡsiyūn* «кастрат, евнух», *mahdūdun* (*mahdumun*) «разрушенный», *maḡzumun* «разбитый, побежденный».

Корневые варианты типа *kat-*, *kas-* и т. д. с корневыми гласными *a*, *i*, *u*: араб. *kutkut* «льняные очески», *kataba* «писать», *kadaša* «царапать», *kadama* «кусать; ушибать», *kaskas* «толочь, размельчать», *kasara* «разбивать, взламывать», *kašaṭa* «снимать, сдирать, соскабливать», *kašama* «отрезать, ампутировать», *qaṭṭa* «отрезать, высекать», *qaṭara* «рвать, царапать», *qadda* «резать, высекать, разрывать», *qadaha* «выбивать, высекать», *qadda* «прокалывать, ломать, разрушать», *qadama* «откусывать, глотать, грызть», *qadafa* «бросать; рвать; грести», *qasama* «делить», *qassa* «резать; стричь», *qasaba* «резать, разрезать на части», *qasara* «укорачивать», *qasaṭa* «ломать», *qasala* «косить, срезать», *qašaṭa* «снимать, сдирать», *ḡittahun* «труп, туша животного», *ḡaddara* «болеть оспой», *gada'a* «отрезать; калечить, увечить», *ḡadama* «отрезать, обрезать; болеть проказой», *ḡazza* «срезать, отрезать, стричь», *ḡazara* «резать, убивать (скот)», *hatana* «совершать обрезание», *haṭiṭa* «схватывать, вырывать, похищать», *ḡadda* «бороздить, пахать», *hadaša* «царапать», *hušḡun* «копье, дротик», *haḡaḡu* «прокалывать; разрывать», *ḡazala* «отрезать, отделять», *hatta* «сдирать, соскабливать, счищать», *hatḡun* «смерть», *ḡaṭama* «разбивать, ломать», *ḡadāḡun* «кирка», *hasaba* «считать, исчислять», *nasalun* «щипы, колючки», *hasama* «резать, отделять», *ḡaṣaba* «бросать», *hasada* «косить, жать, собирать жатву», *haḡša* «косить; есть траву», *ḡazza* «делать надреп. зарубку, ра

* Окончание Начало см.: ВЯ, 1990, № 2

нить; отрезать», *gazza* «колоть, вонзать, прокалывать», *hadda* (*hadama*) «разрушать, ломать, сносить», *haḏama* «обрезать лишние ветви», *hasa* «бить, разбивать на куски», *hasara* «ломать, отламывать», *haṣama* «ломать, разбивать», *haṣama* «разбивать, побеждать», *'atiba* «погибать, портиться», *aṭṭa* «изъедать» (сухо — о моли), *'uṭṭun* «моль», *'adda* «кусать, хватать зубами», *'aḏbun* «острый», *'iḏahun* «терновник», *as'asa* «бороться», *asā* «ударять палкой», *'azaga* «разрыхлять, вскапывать»; зап.-чад. *kAt-* «(разо)рвать», *k'atA* «охота; горшок», *kis-* «ударять, толкать», *k'asa* «мотыга», *kahé-* «соскребать, удалять», *k'w'a(h)é-* «рвать, разрывать», *ha-ḥasi* «кость», *k'w'as-* «ударить», *k'(w)as-* «ковать», *gitt* (*gitta*) «топор», *g'wada* «шалка», *gad-* (*ga[-]*) «охотиться», *ng'ħaci* «копье», *guc'(w)* «камень», *gaHci* «гора», *q'w'ača* «кожа, кора», *qAc* «разламывать на куски, разрубать», *q'w'ača* (*q'w'asa*) «чесотка», *qas-* «кусать», *h'w'āsa* (*g'w'āsa*) «колючее растение».

ʕaṣ(ʕ) — «есть (твердую пищу), кусать», **As** «молоть», **ḥaṣi** «песок».

ḥasa-(ka) — «кость».

Широко представлены в афризийских языках и корневые варианты типа *kart-*, *kars-* с инфиксами *-r-*, *-l-*, *-m-*, *-n-*, которые чаще приобретают звуковые формы *-ra-*, *-la-*, *-ma-*, *-na-*, иногда *-ru-*, *-ri-* и т. д. Ср.: араб. *qarṭasa* «попадать в цель», *qarṭama* «обрезать кончики, откусывать», *qarada* «кусать, грызть; точить, изъедать; пересекать; резать, кроить», *qarḏahun* «разрез», *qarasa* «щипать, жалить, кусать», *qarsahun* «щипок, укус», *ḡarada* (*ḡardun*) «счищать, снимать кожуру», *ḡaraša* «толочь, дробить, измельчать; грубо размалывать», *ḡarṣun* «дробление, измельчение», *ḡarata* «прокалывать», *ḡurtun* «отверстие, дыра», *ḡaraṭa* «вытачивать»; резать на куски, нарезать», *ḡarṭahun* «ломтик, кусочек», *ḡaraza* (*ḡarzun*) «просверливать, прокалывать, протыкать», *ḡarata* «пахать», *ḡarṭun* «вспахивание», *ḡaraša* «царапать; наускивать», *ḡarṣun* «царапанье», *ḡamaza* «щипать, жечь (язык)», *ḡamzun* «щипанье, жжение», *ḡarata* (*ḡarada*) «рвать, разрывать», *ḡarṭun* (*ḡarḏun*) «разрывать», *ḡarasa* (*ḡarsun*) «дробить, толочь, измельчать», *ḡaraša* «царапать, чесать»; *ḡarṣun* «царапанье; чесотка», *ḡaraṭa* «брить; натирать, сдирать (кожу)»; *ḡarṭun* «сдирание (кожи)»; *ḡalada* «стегать, хлестать», *ḡaldun* «бичевание, избивание», *qamasa* «скакать, галопировать», *qamṣun* «галоп», *qamaza* «прыгать, скакать», *ḡamada* «тушить, гасить», *ḡamaša* (*ḡamṣun*) «кусать», *ḡamaza* «колоть; прищипывать; подстрекать», *ḡamṭahun* «укол; хамза», *qanaša* «ловить на охоте, охотиться», *ḡandaqa* «нопать, ров, окол»; зап.-чад. *ḡarCA* «колючка, острье».

Корневые варианты с обратной последовательностью согласных без огласовки типа *ik-*, *sk-* в афризийских языках встречаются сравнительно редко, и то лишь в качестве морфологических вариантов корней с огласовками типа *tak-*, *sak-*. Ср.: араб. *maṭ'anun* «слабое, уязвимое место», *miṭqabun* «сверло», *maṭqūbun* «дырявый», *maṣqatun* «место падения», *miṣqātun* «болезненный», *miṣḥāḡun* «рубанок», *maṣḥāḡun* «измельченный, толченый; порошок», *miṣḥāḡun* «рубанок; напильник»; *miṣḥanahun* «есть», *miṣḥāḡun* «лопата», *maṣqūḡun* «имеющий трещину», *miṣḥāḡun* «точило»; зап.-чад. *sk-* «пахать», *sāskū* «выскабливать, отрезать, резать по дереву», *sāskū* «выдалбливать, выкапывать», хауса *āskè* «бриться».

Корневые варианты с обратной последовательностью согласных и с огласовкой (типа *tak-*, *sak-*): араб. *takka* «топтать», *ṭaḡga* «лопаться», *ṭaḡaba* «продырявливать, пробивать, протыкать, пронзать», *ṭaḡara* «про-

бить отверстие, дыру», *daqqa* «толочь, намельчать, заколачивать, забивать; бить, стучать», *dakka* «разбивать, дробить; разрушать, ломать», *daḥara* «наносить поражение, разбивать», *da'asa* «топтать; раздавить», *da'aka* «тереть, протирать», *ḍakarun* «острый» (о мече), *sakka* «чеканить», *saḡḡala* «вписывать; отмечать», *sāḡala* «соперничать, спорить», *saḥḥa* «бить, колотить», *saḥaḡa* «ссаживать, царапать», *saḥala* «счищать, срезать; состругать», *saḥā* «удалять, сгребать; сбривать», *sakka* «ударять», *saqsqa* «причесывать», *sāqūr* «кирка», *saqala* «полировать», *ṣaqqa* «раскалывать, рассекать; пробивать, проламывать, разрывать», *ṣaqūṣun* «молоток». *ṣakka* «колоть, прокалывать, пронзать; втыкать», *ṣaḡḡa* «разбивать; рассекать». *zaqqa* «толкать, совать», *zaḡḡa* «бросать, кидать», *zaḥama* «отталкивать, отбрасывать»; зап.-чад. *lak-* «топтать, толкать, толочь; обижать, вредить». *lak-* «касаться, трогать, брать», *lak-* «бить», *lukad-* (*luqad-*) «толкать», *tuḥun* «яма, дыра», *ṣaha* «стрела», *ṣahan* «зуб», *dak-* «толочь», *duk^w-* «убивать», *dAg^wa* «горшок», *daḡ-* (*daḡ-*) «кастрировать», *ḡik^w-* «копать», *sak^w* «мотыжить», *saḡ-* «резать по дереву», *saḡ^w-* «брить», *sab-* «копать», *caḥḥ-ḡk-*, *ciḡ-* «резать», *ṣaḡ-* «разламывать на куски», *ṣaḥa* «палка», *ḡiḡ-* (*ḡik-*) «толкать», *zaḥA* «война; убивать», *ḡAk-* «нож; резать», *ḡAk-* «копать», *ḡak^wA* «горшок», *ḡiḡ^wa* «холм, скала», *ḡak-* «царапать, скрести», *ḡak^wa-mA* «колющее оружие», *ḡakt-* «рвать», *ḡaḡA* «война», *ḡaḥad-* «пахать, обрабатывать землю».

Корневые варианты с обратной последовательностью согласных, осложненные инфиксами *-r-*, *-l-*, *-m-*, *-n-*, встречаются сравнительно редко: араб. *laraka* «бросить, забрасывать», *larkun* «оставление, бросание», *ṣaraqa* «стучать; бить; ковать», *ṣarqun* «стучание; ковка», *ṣaraḥa* «бросать, швырять», *ṣarḥun* «бросание; выкидыш», *ṣaraḥa* «резать на кусочки», *ṣarḥatun* «ломтик, кусочек», *zarkaṣa* «вышивать», *ṣalaḡun* «выстрел», *salaha* «снимать, сдирать кожу», *salāḥun* «оружие», *ṣamḡatun* «клеймо, знак», *ṣinkatun* (*ṣinḡatun*) «штык», *ṣankala* «зацепить»; зап.-чад. *clink-* «сломать» *ḡungA* «копы; мотыга», варджи *zinki* «горшок», *ṣaḡ* «шить».

Из многочисленных собственно африканских языков ² здесь обследован в соответствующем плане язык суахили, принадлежащий к группе банту. В нем древние варианты двусогласных корней без огласовки подверглись упрощению или видоизменению, остальные четыре типа корневых вариантов представлены в значительном количестве.

Остатками упрощенных корневых вариантов двусогласных корней без огласовки типа *ki-*, *ks-* в языке суахили могут являться такие слова, как *-la* «бить, ударять», *ṣauni* «чума, эпидемия», *ṣawa* «глубокая скоророда, котелок», *ṣulu* «нарост, опухоль, бородавка, мозоль», *-toja* «надсекать, надрезать», *ṣowashi* «внук, скопец», *-tua* (*-chua*) «тереть; шлифовать», *ṣhoa* «стригуший лишай; нарост, опухоль», *-checha* «резать на куски; вскапывать землю», *-chocha* «колоть; раздражать; погонять», *-chochea* «тыкать, пихать; сбивать плоды; подстрекать».

Корневые варианты с огласовкой типа *ket-*, *kes-*: *-kata* «резать, отрезать; рубить, отсекаать», *kata* «ковш, черпак», *kato* «отрезок, обрывок, обломок», *-keta* «сбивать с ног, валить на землю», *-kwatua* (*katua*) «чищать; полировать, нагирать», *-kuda* «задирать подол платья», *-kecheka* «ломаться, разбиваться», *u-kucha* «ноготь, коготь», *kasama* «часть, доля, деление», *kasia* «весло», *-kasimu* «делить, разделять», *-kasiri* «уменьшать, сокращать», *kasoro* «изъян, дефект, недостаток», *u-kasi* «черпак».

² О так называемых палеоафриканских (койсанских) языках речь идет в конце главы.

ковш», *u-kwasu* «сыпь, зуд», *kizi* «глиняный кушину», *-gota* «стучать, ударять, бить», *-guta* «бодать(ся)», *gutu* «обрубок, обломок», *-gwata* «толкать, шпнать», *gwato* «костыль», *-gesa* «точить, обтачивать», *-gusa* «трогать, прикасаться; щупать», *ghazi* «война; битва, сражение; воин», *-gwaza* «взрыхлять; цапать, скрести»; *hasi* «кастрировать, оскоплять», *-hasiri* «вредить, портить», *-aiua* «сколоть, раскалывать, расщеплять», *athari* «знак, след, метка; шрам, рубец», *-athiri* «повреждать, портить, разрушать», *uta* «лук (оружие)», *edaha* «жертвоприношение», *adhabu* «кара, наказание, мучение», *птыка*, *uchachu* «небольшое количество», *uchale* «татуировка: надрез (на коже)».

Корневые варианты с инфиксами *-r-*, *-l-*, *-n-*: *kereza-* (*keleza*) «пилить, обтачивать», *korocha* «ковырять, тыкать», *kando* «край, сторона, грань, берег», *konde* «обработанный участок земли», *-kundaa* «быть коротким», *ganda* «кора, корка, скорлупа, шелуха», *-andika* «писать, записывать», *unda* «вынимать мед из улья; сбивать (например, человека машиной)».

Остатки упрощенных корневых вариантов с обратной последовательностью согласных без огласовки (типа *ik-*, *sk-*) сохраняются, по-видимому, в таких словах языка суахили, как *-kena* «обтесывать доску», *kifaa* «жернов», *kina* «орудие убийства», *kiuta* «то, что кусается», *kwilio* «ло скот, тряпка», *kiwilio* «разламывание, перелом», *kiwano* «жатва, урожай», *kiwe* «прыщ, сыпь», *kiwete* «хромота, увечье, калека», *-koa* «быть острым», *kovi* «шрам, рубец», *kuo* «борозда, ров, яма, ямка», *-kiwaa* «ударяться, задевать; спотыкаться; заикаться», *-kwakura* «разрывать, раздирать; скрести, цапать».

Корневые варианты с обратной последовательностью согласных в с огласовкой (типа *tek-*, *sek-*): *takataka* «мелочь», *teke* «удар ногой, ляганье, пинок», *-tekenya* «щекотать; зудеть, чесаться», *-tekuu* «пробивать, разбивать, ломать, вышибать; разрушать; подкапывать, подрывать», *-tikiti* «молот, мелко толочь; жевать; жадно есть, пожирать», *tokeo* «отверстие, скважина», *tuka* «столб», *-toga* «прокалывать или надрезать ухо, рот или нос», *-tuhiri* «резать, отрезать; совершать обрезание», *-tehemu* «быть разбитым недугом», *daka* «углубление, ниша», *-dekuu* «сбивать, отрезать, отрубать», *-dika* «стучать, ударять», *-doko* «брать щепотку; отламывать; откусывать», *-dukuu* «пихать, толкать», *-dogo* «маленький», *-chikicha* «резать чем-либо тупым», *-choko(r)* «ковырять, скрести, выскабливать; копать, рыть», *-chega* «брить, стричь; срезать (колосья), жать», *chogoe* «багор (для сбивания фруктов)», *-saka* «преследовать, гнаться, охотиться», *-sakimu* «быть больным, болеть», *-sakiti* «уменьшать, убавлять», *-sekuu* (*-sikuu*, *sikuu*) «удалять, вырывать», *siki* «колода, чурбан, обрубок», *-soko* (*-suku*) «отделять, отковыривать», *-saga* «молот, толочь, тереть», *-sega* «засучивать (подбирать) края одежды», *-segua* «толкать, пихать», *-sugua* «тереть, натирать, чистить; точить (нож)», *sehemu* «часть, доля, порция; район части тела, орган, член; раздел; деталь», *shiku* «пень, обрубок», *shoka* «топор», *-zika* «погребать, хоронить», *zoga* «падаль, разлагающийся труп».

Корневые варианты с обратной последовательностью согласных и с инфиксом *n-*: *-tenga* «отделять, разделять (на части)», *tenga* «ловушка, западня», *-linga* «побеждать, рушить, разрушать», *-changa* «разрезать, рубить; испытывать боль», *chango* «крюк, крючок; вешалка», *-chenga* «отрезать, отрубать, разрезать, рассекать, расщеплять», *chenga* «щепка, лучина; мелкие кусочки», *-chonga* «строгать, обтесывать, обрезать; вырезать, срезать; пилить, шлифовать», *chonge* «клык, зуб; острая скала», *senga* «резать, разрезать», *singe* «штык».

Из кавказской семьи в данном случае учтены факты грузинского, че

ченского, лезгинского и кабардинского языков. т. е. представлены все четыре обычно выделяемые группы этих языков. Материалы приводятся по четырем соответствующим кратким национально-русским словарям, а также по этимологическим словарям Г. А. Климова [21] и А. К. Шагирова [22]. В целом обследованные кавказские языки обнаруживают все шесть выделенных выше типов корневых вариантов рассматриваемого этимологического комплекса.

Корневые варианты типа *kt-, ks-* отмечаются в грузинском, лезгинском и кабардинском языках: груз. *ksakswa* «распылить, раздробить», *ksowa* «ткать», *gdewa* «валиться»; лезг. *хцн* «острый, отточенный», *хцлу* «ломкий, крупный»; каб. *кьутэн* «разбивать, ломать», *гьудэ* «оса». В современном состоянии чеченского языка подобные сочетания согласных не встречаются.

Корневые варианты типа *ket-, kes* с различными корневыми гласными: груз. *ketri* «проказа», *kodali* «дятел», *kaswa* «царапать», *kaži* «кремь», *kato* «отруби», *keđi* «горный хребет», *keci* «чесотка», *kwiša* «крупный песок», *gazi* «клещи», *zašwa* «рисовать», *zazwa* «чертить», *hazı* «линия, черта», *xišti* «штык», *xicwi* «заноза», *isari* «стрела; жало», *ešwi* «клык»; лезг. *кьут* «квашня», *кьунун* «крошить, кромса́ть, рубить, резать», *кьутуьк* «колода, чурбан», *каца* «кирка, кайла», *кучукун* «зарывать, закапывать; хоронить», *кьад-гьунун* «скрести, скоблить», *кьачагь* (*кьуши*) «разбойник, бандит, грабитель», *кьаза* «беда, несчастье», *кьазунун* «рвать, рваться», *кьамл* «отрезок, отрывок, часть; половинка», *кьацл* «нарез, зарубка; рубец, шрам», *кьецл* «хромой», *кьуцл* «ступка», *кьусу* «деревянная лопата; ведро», *кьута* «молоток», *кьасун* «кусать», *кьус* «кусочек, обрывок, обломок», *кьаш* «молот, кувалда», *гачал* «парша», *гьатун* «расколоться, треснуть», *хьитрес* (*хьитрес*) «ножницы (для овец)», *хеси* «кастрированный», *хашав* «скребица», *хуз* «оса, шмель, шершень», *хьатун* «кроить», *хьадарун* «прыгать; тушить, гасить», *хьитжьер* «щель, трещина», *хьутур* «чесотка, шелудивость», *атун* «резать, рвать, копать; заламывать»; чеч. *kes* «скошенная полоса», *каш* «могила», *кхосса* «кинуть, бросить, выстрелить», *кьаждан* «расчесать», *кьа́жсар* «коса (волосы)», *гота* «плуг с упряжью; вспаханный участок», *глаж* «палка», *хьдб* «нарезать, порезать; пересечь; прекратить», *хьдба* «рваться», *хьдб* «резать, срезать», *хьатт* «ток, гумно; липай. экзема», *хьостам* «гвоздь», *хьост* «метка, тавро (надрез)», *а́та* «крошить, дробить», *атла* «рваться, треснуть», *этла* «расколовшийся, разорванный», *а́ста* «мотыга», *а́шкал* «совок»; каб. *кьэцц* «мелкий, некрупный», *кьэцл* «короткий», *кьуэцл* «внутренности, нутро», *кьадэьгьуз* «оса», *гуаш* «делен», *гьасэ* «жата; покосы», *гьуьд* «овод, слепень», *гьэдэ* «покойник, мертвец, труп», *хьэджэс* «ратный нож», *хьэжэн* (*хьэжын*) «молот», *хьэсун* «кирка», *хьэс* «грядка, участок», *гьэццлэ* «кость; игла; шип. колючка», *удын* «удар», *уз* «боль, болезнь», *лус* «корм».

Корневые варианты с инфиксами *-r-, -l-, -m-, -n-*: груз. *korina* «клевать, рубить», *kerili* «перхоть», *kereli* «чешуя», *gorci* «мясо», *kide* «скала», *kepcero* (-i) «верхушка, гребень»; лезг. *кач* «рот», *харт* «точило, брусок», *кьантла* «куцый, короткохвостый», *кьунцл* «ниша (в старых домах)», *кьанчл* «пень, чурбан», *и́лжи* «беспокоить; замучить»; чеч. *кьарта* «сыпь», *гер* «оружие», *гирз* «чесотка», *гьирт* «шелуха», *гьордас* «рашпиль», *хари* «морщина, борозда; русло», *ирдан* «заострить», *арс* «царапина», *урс* «нож», *галц* «рытвина, ухаб», *кьомсар* «клык; зубец»; каб. *кьури* «скала» (ср. **кьуришьгьэ* «гора»), *хунтгу* «шелуха от проса», *гьэццэ* «деревянная лопата», *хьэцц* «совок», *ентлур* «бревно», *енцл* «вага (длинный шест)».

Корневые варианты с обратной последовательностью согласных без огласовки типа *tk-, -sk-*: груз. *txemi* «верхушка, вершина», *txra* «рыть»,

копать». *izipeli* «крот», *ikac-* (*ikec-*) «ударять, бить», *ikena* «чужбать, причинить боль», *ikerpa* «топтать, попирать», *iqari* «шкура, кожа», *iqero* «колотить», *iqorepa* «метать, швырять, бросать», *dyleg-* «драть, рвать», *slage* «острый, жгучий, горький», *skerpa* «прут, розга», *serpa* «вредить», *squli* «рана, язва», *szubi* «драться; драка», *skdoma* «лопаться, трескаться», *szweg-* «срывать», *szola* «обрезать, подрезать»; лезг. *chala* «кора, кожура», *cha* «расколотое полено», *zhga* «гребень, гребешок (у птиц)»; чеч. *chajza* «штык, копье», *cho* «русло; котлован»; каб. *txan* (*txyn*) «писать», *txyn* «резьба», *txyn* «обдирать», *txyuz* «нож (для изготовления ложек)», *ixan* (*ixyn*) «есть; еда; пища: зудеть, чесаться», *chzbel* «мельница» *жъгъей* «мелкий; мелочь».

Корневые варианты с обратной последовательностью согласных и с корневыми гласными (типа *tek-, sek-*): груз. *tolí* «мотыга, тяпка», *itza* «ломать», *ikip-* «скакать», *sexwa* «обмолачивать», *solza* «жевать», *hez* «рубить», *žokí* «шест, шток», лезг. *тик* «отвесный, крутой, высокий», *тик* «кусок, ломоть», *туклун* «резать, колоть», *туькíвен* «дыра, щель», *туьхун* «тухнуть, затухать», *тлеке* «дыра, пробоина, нора», *дакí* «ниша», *деьре* «секач, топорик», *чугун* «чесать, царапать», *чикъ* «лучина», *чуж* «кусок, ломоть, доскут», *чíахар* «крупа», *чужíул* «нож», *сугун* «тыкать, совать, всаживать», *жакуун* «жевать», *жикли* «шиповник»; чеч. *текх* «корыто», *тужар* «ножницы», *тёга* «шить», *тёха* «ударить, стукнуть», *дэхъа* «часть, ломоть, кусок», *дакъа* «труп, покойник», *даккха* «вырыть; пробить», *дага* «топориче», *диг* «топор», *дйаьха* «пахать», *дйаьха* «копать», *двйаьх* «кость», *ддэб* «разбить, взломать», *идга* «шероховатый шершавый», *злж* «клюв, куро»; каб. *бакъэ* (*такъэ*) «пень, чурбан; ниша в стене», *дагъу* «дефект, изъян», *сэжн* «кастрировать, оскоплять», *такъ* (*lур* «ком, кусок», *тлэжлу* «небольшое количество, немного», *цлжклу* «малый, маленький», *шакълур* «ком, комок».

Корневые варианты с обратной последовательностью согласных и с инфиксами *-r-, -l-, -m-, -n-*: груз. *sankeli* «жатва», *sankercalo* «швейный», *sanzedro* «военный»; лезг. *таржа* «пест, валек; засов», *дергес* (*диргес*) «коса», *цларх* «царапина», *цлурх* «лоскут», *чарк* «скала, утес»; чеч. *тарх* «скала; льдина», *сирхат* «заноза; стружка», *шолх* «стружка дерева, щепка». В кабардинском этот тип не отмечен.

В качестве представителя дравидийских языков в данном случае обследован главным образом тамильский (по этимологическому словарю Т. Барроу и М. Б. Эмено [12]).

В дравидийских языках сочетания согласных типа *kt, ks* подверглись упрощению, поэтому остатки соответствующих двусогласных корней без огласовки можно лишь предположительно усматривать в таких словах, как там. *tai* «шить; прибывать гвоздями», *lu* «есть, пища», *tí* (*tívu*) «мясо», *savañtu* (*c = s*) «разрушать; убивать, бить», *civai* «пробовать, есть, жевать; целовать», *cá* «умирать; быть испорченным», *cávu* «смерть; привидение», *ciyuu* «мясо; мыщца», *ci* «вытирать, скрести, царапать».

Соответствующие варианты корней с огласовкой представлены в широком объеме: там. *katu* «шрам, рубец», *katuvi* «хватать, захватывать», *срезать, отрезать; строгать, сдирать», kallí* «нож, меч, серп», *kittu* «прыгать на одной ноге», *kuřar* (*kuřal*) «кишки, внутренности», *kuttí* «колоть, пронзать, сверлить, продырявливать», *вонзать; шить; бодать; копать; болеть; ударять кулаком; толочь (в ступке); клевать», cettu* (*c < k*) «резать теслом, вырезать, высекать; урезать», *citar* (*c < k*) «разделять, раскалывать, рубить», *koři* «знамя, флаг, вымпел», *kořiru* «шпицы», *kořtu* «жаль; мотыга с короткой ручкой; лопата», *kottu* «выкапывать, мотыжить».

клевать; кусать (о змее); рубить, крошить; вырезать (по дереву, кости), *kōji* «рог; клык; суя», *kaccu* (*c = s*) «кусать, грызть», *kissu* «осколок; кусок палки», *atu* (<**atu*) «толочь; убивать; разрушать; побеждать», *iŋa* «быть расколотым, содранным; копать, выдалбливать; бодать», *oŋi* «ломать, отламывать; разрушать», *osi* «бить сломанным (о камне); ломать»; канн. *kusuku* (*kusaku*, *kusiku*, *kusuŋku*) «ударять, бить; мыть с легкими ударами», *kajji* (*gajji*) «чесотка, зуд».

Из первоначальных инфиксов в дравидийских языках непосредственно обнаруживается только *-n-*; ср. там. *kenti* (*kentu*) «прыгать, скакать», *kiŋi* «тыкать; разгребать (о журице); вскапывать», *kuŋi* «сердце, почка; рыба кира», *kuntāli* «киркомотыга», *kontu* «клевать, крошить, грызть»; бодать; пронзать», *koŋcam* «немного, малое количество», *unŋu* «выталькивать, швырять, бросать, метать, стрелять»; тел. *gaŋdi* «отверстие, брешь, пролом», канн. *koŋŋi* «жало скорпиона».

Остатки первоначальных корневых вариантов с обратной последовательностью согласных без огласовки (типа *tk-*, *sk-*), ввиду их упрощения, можно предположительно усматривать в таких словах, как там. *kavar* «хватать; воровать», *kevi* «глубокая долина; впадина», *kāu* «покрываться мозолями, бородавками; шрам, рубец», *ciy* «тесать теслом; рубить», *kuyil* «пробуравливать, просверливать, пробивать; дыра, отверстие», *kūval* «сколодец; пустота, дыра», *kou* «срывать, срезать, стричь, отрезать», *kō* «гора».

Корневые варианты с обратной последовательностью согласных и с огласовкой (типа *tek-*, *sek-*): там. *ŋakkiyam* (*ŋakkayam*) «флаг, знамя» *takar* «разбивать на куски, ударять, бить рукой, толочь, разрушать; бить разбитым на куски и т. д.», *takkiŋi* «немного», *tukai* «топтать, толочь в ступке», *cukir* (*c = s*) «чесать (хлопок); разделять; вытирать», *caŋkai* «щепки; деревянный колышек»; канн. *sugi* «отрывать, сдирать, снимать корку; грабить»; мал. *sika* «скрести, полировать; разрывать землю (о свиньях)».

Корневые варианты с обратной последовательностью согласных и с инфиксом *-n-*: там. *ŋaŋkan* «грабитель, вор», *ŋaŋku* «отверстие, полость», *ciŋku* (*c = s*) «уменьшаться, убывать, ослабевать, понижать, разлагаться, погибать»; канн. *saŋgu* (*ceŋgu*) «прыгать, скакать».

Аустроазнатские языки представлены в данном случае кхмерским языком. Он четко обнаруживает все шесть типов корневых вариантов рассматриваемого этимологического комплекса.

Корневые варианты типа *kt-*, *ks-* без огласовки: *kda*: «буравить, просверливать отверстие», *kdec* «щипать, отщипывать», *kduəl-* *kdaw* «мучиться, терзаться», *kāpəu* «рисорушка», *kdiəp* «маленький», *khtəvəh* «застегивать на крючки; прищипывать, прикалывать», *khtuəy* «скорпион», *khtəc* «разбитый, раздробленный», *khtəvət* «разбитый вдребезги, на мелкие куски», *khsək* «хромой», *khsac* «песок», *khsaoy* «слабый, немощный», *khsiak* «острый».

Корневые варианты типа *ket-*, *kes-* с огласовкой: *kat* «резать, рассекать, кроить», *kv:t* «сжимать; гасить», *ko:t* «вершина», *kas* «ломать», *kaec* «торчащий, выступающий», *kət* «подтирать, вытирать», *ku:t* «казнить», *kst* «считать, подсчитывать», *khat* «вытирать, протирать, шлифовать», *kha:t* «ущерб, убыток, потеря; уменьшаться, сокращаться», *khət* «чиркать (спичкой); проводить линию», *khaec* «укороченный», *at* «маленький», *ot* «оспа», *ut* «гладить, утюжить», *u:c* «маленький».

Корневые варианты типа *kert-*, *kers-* с инфиксами *-r-*, *-n-*: *krat* «засе-

кать, делать зарубку», *kɔntɔ:ŋ* «щербатый», *kɔntouk* «точило», *kɔntɔ:m*

«очень худой», *kantɔk* «рисовые отруби», *kɔntop* «короткий», *kɔntrak* «дергать, вырывать», *kɔntray* «ножницы». *kondɔ:* «сосуд», *ɔndaot* «остроконечный», *ɔnda:ɔ* «колодезь; шахта».

Корневые варианты с обратной последовательностью согласных без огласовки (типа *ik-*, *sk-*): *thkɔ* «акула», *thkɔp* «брать, сжимать щипцами», *thkiɔp* «зажимать в тиски; брать щипцами», *thkɔm* «коренные зубы», *chka:* «поднимать целину, распахивать вновь; распахивать», *chka:ŋ* «прыгать, насаживать (на палку)», *chkɔl* «очень мало», *chʔn* «кость, скелет», *skat* «преграждать; пресекать, прекращать», *skɔn* «пресекать; неприятство вать», *skɔp* «зудеть, чесаться», *skɔ:m* «худой, тощий».

Корневые варианты с обратной последовательностью согласных и с корневыми гласными (типа *tek-*, *sek-*) *teɔh* «ударять ладонью», *tuk* «лодка, судно», *tɔ:h* «задевать, касаться», *thesk* «пина́ть, бить ногой», *sak* «вонзаться; резать; втыкать, всовывать», *sakɔk* «сталкиваться, наталкиваться», *sak* «умирать, покидать мир», *sɔk* «жалить (о змее); клевать», *sik* «копать, рыть; сверлить, буровать, протыкать», *sɔ:h* «колоть, протыкать», *sok* «испытывать острую боль; затыкать, закупоривать», *so:k* «сре-зать, вырезать заступом», *soh* «стучать, разбивать; выковыривать. вытаскивать; вскрывать», *chaek* «разрезать, рассекать; зазубренный», *chui:h* «строгать, обстругивать», *sak* «татуировать», *sɔ:k* «труп; снимать, сдирать (кору, кожу)».

Корневые варианты с обратной последовательностью согласных и с инфиксами *-i-*, *-n-*: *thluk* «продырявливаться; дырявый», *ɔluk* «сталкиваться, наталкиваться, ударяться», *ɔluk* «толкать, бодать», *ɔluk:* «шпиль», *sɔŋho:m* «клык», *sɔŋkiɔu* «выступающий сгиб», *sɔŋkɔh* «палочка для еды», *sɔŋkiɔl* «палочка для выковыривания», *sɔŋho:* «канавка, желобок, сток», *sɔŋuɔ* «борозда (на пашне)».

Из австронезийских языков был обследован индонезийский. Дву-согласные корни без огласовки здесь, как и в части других языковых семей, подверглись упрощению, превратившись в односложные корни с распространителями, содержащиеся в словах типа индонез. *taiko* «протыкать; прокалывать», *tauliang* «коса» (волос); *lawan* «захватывать; арестовывать; завоевывать», *lawon* «пчела, оса», *tewas* «погибнуть, быть убитым. быть побежденным», *tjawak* «вадина», *tjowan* «чашка, пиала», *tjak* «есть, кушать», *tjuai* «незначительный, плохой», *toja* «палка (для фехтования)»; *tojor* «бить, ударять», *lowil* «осколок, обломок», *dajung* «весло; плавник», *djaja* «победа», *djawil* «прикасаться, трогать», *saing* (*siung*) «клык, бивень», *sajat* «врезать тонкими ломтиками», *sauh* «якорь», *sauk* «ведерко, ковш, черпак», *saung* «пещера, грот», *sojak* «рванный, разорванный».

Корневые варианты с огласовкой типа *ket-*, *kes-* представлены в индонезийском весьма широко; ниже приводится лишь незначительная часть примеров: *katak* (*kolok*) «короткий», *ketam* «рубанок, струг», *ketuk* «стук, удар», *kada* (*kadal*, *kedal*) «чесотка, парша, короста», *keduk* «черпак; копать, ковырять; скрести; загребать», *kudi* «меч; большой нож», *katiɔp* «ножницы, щипцы», *ketja* «распасться, разрываться в клочья; разбиваться вдребезги», *kitjik* «маленький», *kedjɔn* «лемех плуга», *kodjur* (*kudjur*) «острога, гарпун», *kasi* «мастрировать», *kosa* (*kusa*) «стрекало (для словов)», *kosék* «мыть, промывать (рис); точить (на точиле)», *kusal* «стереть. вытереть», *kusta* «проказа», *getap* «грызть, ломать, раскалывать», *godam* (*gudam*) «молот, дубина, палка», *gudig* «чесотка, парша», *gotjah* «рваться».

gasak (*gés'k*, *gesel*) «тереть, скрести, чистить» *gosok* «чистить, полировать: точить, править (нож)», *gusti* «бороться, драться», *hasut* (*asut*) «подстрекать, натравливать», *utik* «прикасаться», *adu* «состязание, бой; жалоба», *edar* (*dap*) «бубен», *udi* «несчастье», *udu* «враг, противник», *atjum* «подстрекать», *atjung* «ударять ногой», *odja* (*odjok*) «натравливать, наускивать, подстрекать», *asah* «шлифовать, полировать, чистить», *asakan* «точило, шлифовальный круг».

Довольно многочисленны и образования с инфигированными корнями (яффиксы *-g-* и особенно *-n-*): *kertap* «хлопать, стучать, греметь», *kersik* (*gersik*) «крупный песок, гравий», *gertak* «угроза, запугивание», *gurdi* «сверло, бур», *ardi* «гора; земля», *kunta* «копье», *kendang* «барабан», *kondor* «грыжа», *kantjah* «котел, бак, чан; большая сковорода; пропасть, бездна, кратер», *kéntjéng* «сверло, дрель, бур; котелок, кастрюля», *kintjah* «стирать, полоскать; потрошить», *kuntji* «засов, запор; крючок», *kuntjit* (*kuntung*) «коса, косичка (волос)», *gantur* «шест, жердь, нашест», *gunting* «ножницы», *guntung* «тупой, обрезанный, обрубанный, укороченный», *ganda* «раз», *gandin* «деревянный молот», *gundar* «щетка», *gantu* «крючок; палка с крючком», *gontjang* «толчок, встряска», *gandjur* «копье», *gondjong* «острый» (край, угол), *hantam* «сталкиваться, драться», *hantjur* «раздробленный; уничтоженный, разбитый», *antah* «шелуха», *antak* (*entak*) «наступать, надавливать; бить, колотить; колоть; рубить (саблей)», *antan* «пест (для риса)», *antup* «жало», *endasan* «колода, чурбан».

Корневые варианты с обратной последовательностью согласных, как и с прямой, в индонезийском также подверглись упрощению; ср. вероятные их остатки: индонез. *kais* «рыться, копаться; царапать, скрести, разгребать», *kait* (*gait*) «крюк, крючок, застежка, багор; ловушка, западня», *kajan* «отрезать (отрубать) голову», *kajuh* (*gajuh*) «весло», *kaus* «лук (оружие)», *kawah* «чан, котел, бак; большая сковорода», *kawas(an)* «край, область, округ», *kawin* «желез», *kuali* «горшок (из глины); котелок; сковорода», *kuar* «ковырять палкой; рыться, шарять», *kuas* «рыться, копать», *ku* «небольшой тигель», *kuir* «мотыга, тяпка», *kuis* «отпихивать, отталкивать; рыться, копаться», *kuit* «трогать; раскачивать», *gajuk* «хватать, схватывать», *gajung* «черпак, ковш; замах, удар, выпад», *gaung* «яма», *gua* «пещера, грот», *guit* «толкать; прикасаться», *hiu* «вакула».

Варианты с обратной последовательностью согласных и огласковкой (типа *tek-*, *sek-*) почти столь же многочисленны, как и варианты с прямой последовательностью; ниже приводятся лишь единичные примеры): *takak* «шов», *takang* «делать зарубку, насекать, проводить борозду», *takar(an)* «ковш, черпак», *tikat(an)* «удар, укол», *tok'ik* «рана, ссадина, болячка; насечка, зазубрина», *tokok* «молоток; кувалда», *tokong* «скальный обрыв; нарост; шишка (на лбу); бесхвостый (о курице); остриженный», *tukik* «вырез; надрез, зарубка, насечка», *tagal* «галька», *teguk* «сдатель», *togan* «бросать в цель», *tugal* (*tugar*) «сажальный кол», *tohok* «гарпун», *d'kar* «фехтовать, сражаться», *dok* (*didok*) «убитый, застреленный», *daging* «мясо», *dogel* «бесхвостый; лишенный перьев», *dahar* «есть, кушать», *tjakak* «драться», *tjakar* «коготь; лапа с ногтями; царапина, ссадина», *tjakil* «шпилька, штифт», *tjekah* «лопаться, трескаться» (о плодах), *tiekal* «драться, бороться; короткий, краткий»; *tjékél* «дротик; маленький», *tjik* «маленький; грязь; отбросы; кал, помет», *tjikrat* «прыгать, плясать» *tjokét* (*tjukit*) «вляка», *tjukur* «брить; стричь (животных)», *tjagak* «сук, палка; столб, подпорка», *tjegar* «стремнина», *diagal* «мясник», *djahit* «шитье», *saka* «столб; наносить удар; удариться», *seka* «вытираться», *sekal* «блюдо».

тарелка», *sekédend* «прическа», *sekor* «лопата», *sikat* «щетка; борова», *sigi* «ковырять».

В большом количестве представлены также инфигированные варианты корней с обратной последовательностью согласных (инфиксы *-r-* и особенно *-n-*): *derhaka* (*durhaka*) «восстание, мятеж», *tjerkan* «скрести, царапать, разгребать; чесать, ковырять», *serkah* «разорванный, сломанный. обломок», *sirkam* «гребень (как украшение)», *sargul* «рвать зубами; вонзать зубы», *sarhad* «граница; рубеж», *tangkuk* «ловить, хватать», *tengkar* «ссора, спор, пререкание», *téngkés* «маленький; тонкий; тощий», *tengkarak* «череп, скелет», *tongkong* «полено, чурбан; щепка», *tanggam* «шип. лапа; скоба, скрепа, щипцы; капкан», *tenggala* «плуг», *tenggan* «метка. зарубка», *tonggak* «столб, шест, кол», *tunggul* «пень, обломанный ствол; столб; кол, свая; жнивье. стерня», *dangkung* «проказа», *tjangkat* «откос, скат; холм; возвышенность; наковальня», *tjangkik* (*tjonggah*) «торчать, выступать, возвышаться», *tjangkir* «чашка, кружка; задний коготь (у птиц)», *tjangkuk* «стрекало (для слонов)», *tjangkul* «мотыга, кетмень, кирка, кайло», *tjengkok* «изогнутый, кривой, хромой; хромота, уродство», *tjongkong* «щепка», *tjungkil* «ковырялка», *tjungkup* «склеп», *tjanggah* «вилы, рогатина; двузубец; большой сук», *djéngkik* (*djengkik*) «прыгать, подпрыгивать», *djengkol* «хромать; хромой», *djongkong* «лодка, пирога (из ствола дерева)», *djénggér* «гребень (петуха)», *sangkal* «попадать в цель», *singkat* «короткий, краткий», *sungkah* «поедать, пожирать», *sunghur* «лопата», *senggol* «дотрагиваться, прикасаться», *singgit* «тереть, натирать», *sunnga* «западня, ловушка; шпора».

Ввиду того, что тайские языки, условно причислявшиеся раньше к тибето-китайской семье, в настоящее время выделяются в самостоятельную семью, здесь рассматриваются факты одного из представителей этих языков — тайского (тайского). В этом языке, претерпевшем значительные упрощения звуковой структуры корней, не обнаруживаются с непосредственной очевидностью инфиксы и отсутствуют сочетания двух согласных, которые могли бы являться рефлексамми прежних корневых вариантов без огласовки.

Остатки упрощенных корневых вариантов без огласовки типа *kt-* *ks-* в тайском языке можно усматривать в таких словах, как *mōi* «ломать, разбивать, ударять, бить; жаль (о пчеле)», *mōi* «маленький, мелкий, низкий», *m^hai* «толкать, пихать; пахать, проводить борозду», *m^hoi* «бросать, кидать, метать», *doi* «гора, вершина», *doi* «полоть; косить, расчищать землю», *chai* «буравить, сверлить, делать углубление», *suī* «силадной нож; хрущкий, ломкий», *sai* «ковыряться, копать (клювом, рылом)».

Корневые варианты с огласовкой типа *ket-*, *kes-*: *kat* «кусать(ся), раздеть (кислотой)», *kut* «отрезать, ампутировать», *k^hat* «скоблить, скрести; чистить (рыбу)», *k^hat* «значить, натирать, полировать, испытывать нехватку, нужду», *k^hat* «рваться, лопаться; испытывать нехватку, нужду», *k^hat* «оставлять царапину, царапать; чиркать; рисовать, чертить, писать; черта; вырезка; предел, граница», *k^hut* «копать, рыть; долбить, выдалбливать», *k^hut* «скрести, скоблить», *k^hut* «холм, бугор», *k^hat* «субийство; разрушение; бить, ударять», *kat* «корь», *lit* «щетка», *xūt* «бородавка».

Остатками упрощенных корневых вариантов с обратной последовательностью согласных без огласовки (типа *tk-*, *sk-*) могут быть такие слова тайского языка, как *ki* «чайник», *ki* «ткацкий станок», *ke* «короткий» *kau* «чесать, скрести», *ko* «хватать, цепляться», *ku* «хрусталь; драго

ценный камень», *тэ* «вырезать по дереву; гравировать», *к^хб* «крюк, крючок», *к^хай* «конец, граница, предел», *к^хуй* «мелкие отбросы, труха», *к^хау* «гора, холм; рог(а)», *к^хуй* «копаться, ковыряться, рыться» и др.

Корневые варианты с обратной последовательностью согласных и с огласовкой (типа *tek-*, *sek-*): *тбк* «вбивать, забивать, вгонять; трескаться, лопаться», *тбк* «вбивать, вгонять», *тж* «отделяться, откалываться; раскалываться, разламываться; трескаться, лопаться; раскалывать; размельчать», *тбок* «хватать, извлекать; выкапывать; рубить, крошить», *тбк* «чаша, кубок», *тбк* «стерпеть поражение», *тбак* «расщеплять, раскалывать; делать зазубрины», *тмк* «клевать, долбить клювом; отщипывать (зубами)», *т^хак* «расчищать (землю мотыгой)»; затесывать, заострять; срезать (траву мотыгой), стесывать, *т^хок* «сдирать, обдирать; закатывать, засучивать (рукава)», *т^хук* «налетать, наталкиваться, наткаться; притрагиваться, прикасаться», *дак* «ставить ловушку, капкан; лонить ловушкой, капканом», *дбк* «схватывать, резать, давить (в животе); обедаться», *дык* «тянуть, волочить; вынимать, дергать», *чок* «хватать, выхватывать, вырывать; слегка ударять», *чбк* «рвать, разрывать, срывать», *чок* «бить, ударять кулаком; драться на кулаках; давать взбучку», *чбк* «быть ушибленным, контуженным», *чак* «тащить, волочить; вытаскивать; дергать, выдергивать», *сак* «чистить; стирать (белье)», *сбк* «скелет, каркас; останки, труп, прах», *сбк* «сектор, сегмент; часть, порция; половина», *сбк* «война», *сак* «втыкать, воззвать; татуировать, накалывать; пест; шершавый, грубый». В словах типа *т^ханз* «наковальня», *т^хэнз* «протыкать, ранить, воззвать», возможно, сохраняются следы нификса -л-.

Тибето-китайские языки по сравнению с остальными языковыми семьями представляют звуковую структуру унаследованных ими древнейших корневых вариантов рассматриваемого этимологического комплекса (как и всего корневого состава в целом) в наиболее упрощенном и разрушенном виде. В современном китайском литературном языке от древних двусогласных корневых вариантов типа *ket-*, *tek-*, а также *krt-*, *klt-*, *trk-*, *tlk-* могли сохраниться только начальные согласные, а от вариантов типа *kt-*, *tk-* (без огласовки), — как и в ряде других языков мира, только конечные согласные. Из вариантов с нификсами -л-, -т-, по-видимому, сохранились варианты типа *tnk-*(*tnng-*) в виде корней с финалями *ан* (*ang*), *ин* (*ing*) и т. д., а варианты типа *knt-*(*knd-*) — в виде корней с финалями *ань* (*an*), *инь* (*in*) и т. д. Так, древние корневые варианты рассматриваемого этимологического комплекса типов *ket-* (*ked-*, *kes-*, *get-*, *ged-*, *ges-*, *zet-*, *zed-*, *zes-*, 'et-, 'es-), *krt-* (*keri-*, *kerd-*, *kers-* и т. д.), *klt-* (*kelt-*, *keld-* и т. д.), *tk-* (*sk-* и т. д.) могут содержаться в кит. *кү* «пещера, яма, отверстие, логово, нора (1031)³; сухие кости, останки (1296); мертвый; тощий, худой (1297); вскрывать, вспарывать, потрошить, разрезать, долбить, выдолбленный (2932)», *кэ* «ударяться (о камнях); ушибаться, зашибить; стучать, бить (в барабан); бить челом (738); ударить(ся), разбиться(ся) (741); вырезать, гравировать (2966); топорище; ветка (3954); нора, яма, углубление, логово, берлога (5510)», *гуя* «строгать, скоблить; брить, стирать, счищать; сдирать кожу (2876); сегмент, сектор; делиться на части (4982)», *зэ* «отрезать, отделить; прирезать (землю), урезать, уменьшить; косить, жать; погубить (репутацию) (2877); боевой топор, копьё; война (6895); чирей, болячка, нарыв, прыщ (7971)», *хуя* «сошник, кирка, заступ (2605); изрезать, разрезать, оцарапать; те-

³ Цифры в скобках означают номера соответствующих иероглифов в [23].

реть, чиркнуть (2861); грести, толкать лодку шестом; лодочка (2960)», чй «участок поля, полоса (165); бить каблуком (1453); бить (палками), пороть (плетью); палка, батог (1465); большой глиняный сосуд для вина глиняный боченок, глиняная бутылка (7935); есть, пить, курить, кормить ся; взять, убить (шашку) (7962)», цй «участок поля, полоса (65); граница, рубеж, пределы (2009); котел на ножках; резец, зубило (3065); неровный, зубчатый; обрывистый, крутой (3067); флаг, знамя (8055); гравий, мелкие камни на отмелях (8113)», чжй «влагалище (280); бешеная собака; дикий зверь (2914); геморрой (3239); хищные птицы (4691); письмо (5898); бросать; чесать(ся) (6696); точильный камень; гладкий, ровный (6850); записать, списать (6906, 6907); знамя, стяг, флаг (6909); плаха, топор (8177); споткнуться и упасть (8178); записывать, отмечать, запечатлевать, увековечивать; запись, надпись, помета; отличительный знак, родимое пятно (8537)», цзй «мелко крошить (505); шпилька (2393); нарезать, на крошить; кромса; нарезанная приправа (2767); биться о преграду, прорываться (6376); мельчайший, тончайший (7038); закусывать, пере жусить (7040); утес; подводный камень (7041); неурожай, голодный год, голод; голодать (7043, 7855); мясо, мускулы, кожа (7856); след ноги (8512)», шй «камень, скала (1101, 8255); подстрелять, добыть (3215); время, промежуток времени, час (3229); поесть, объесть, пожирать (8900)», сй «большой таз (3898); костяное шило (3960); нанести внезапный удар; нападение, падез (5829); погасить; потухнуть; уничтожить дочиста (8576); поднятая дельна, новь (8814)», й «рукомойник; винная сулея (820); скулы, челюсти (848); сласти, лакомство; ормить (1452); кубок, чаша, ритуальная ут варь (2811); истреблять, опустошать; убивать, казнить; ранишь; лопата, мотыга (5235); покинуть, бросить, оставить; потерять (6776)», юй «чаша, миска, таз (693); мотыга (1227); обработанное поле (1819); шило (3903), район, округ (4086); каньон, горные извилины (4087); походное знамя (8063); выдалбливать челнок (8963); пробивать (стену), долбить (дерево) (8980)» и мн. др. Принципиальная обоснованность сближения этих и по добных им слов современного китайского языка с рассматриваемыми эти мологиическим комплексом подтверждается полученными Б. Карлгреном реконструкциями произношения многих относящихся сюда слов в древне-китайском языке VI—VII вв. до н. э. [24]. Так, для современного кит. *ko* (зэ 2877) «отрезать, разрезать, разрушить; разрушения» Карлгрэн реконструирует др.-кит. *kāt* (с. 207), для кит. *ku* (*gū, gū, gū* 3625) «кость» — др.-кит. *kuət* (249), для кит. *k'u* (*kū* 1031) «пещера, яма, отверстие, пора» — др.-кит. *k'uat* (252), для кит. *kua* (*gūā* 2876) «строгать, скоблить, скрести» — др.-кит. *kwat* (203), для кит. *hu* (*xū* 3626) «откапывать, отрывать» — др.-кит. *yuət* (249), для кит. *hie* (*xè* 7960) «кусать» — др.-кит. *yuət* (258), для кит. *k'üe* (*цюэ* 5206) «ломать, колоть; дефектный; неполный» — др.-кит. *k'iwāi* (206), для кит. *kie* (*цэ* 2747, 2748) «межа» и «чесотка; чесаться, зудеть» — др.-кит. **kād* > *kāi* (210), для кит. *kūe* (*цюэ* 1030) «рыть, копать; яма» — др.-кит. *g'iwət* (252), для кит. *hūe* (*сюэ* 6513) «пещера, грот, пора» — др.-кит. *yuwet* (229), для кит. *yūe* (*цюэ* 5211) «выкапывать, вырывать, извлекать» — др.-кит. *'iwet* (с начальным ларингальным, 206) и т. д.

Остатки древних корневых вариантов с носовыми инфиксами типа *kn-* (*knd-, kns-, gnt-, gnd-, gns-* и т. д., в том числе с вторичными огласовками) можно усматривать в кит. *kūn* «глиняная посуда, чайник (1035); гравировать, резать; подчищать, стирать, соскребать; рубить (дерева) (2918); прозягать, заколоть, убить, победить (6902); ниша (для статуи Будды) (7333)», *kūn* «брить голову (преступнику); подстригать деревья (7459)»,

цань «кружка, кувшин, горшок, банка, лестянка (233), нанизать, про
низать, попасть (стрелой), просверлить, проткнуть (8165), бросать на
землю сваливать (8167)», *хуань* «евнух (847), паралич (5035), разорвать
колесницами (казнь) (5872), страдать, болеть, несчастье, бедствие (8611)»,
цзинь «топор, сечка, рубить, врубать(ся) (2008)», *синь* «дрова, хворост,
топливо (2038), сердце, душа, центр, середина, сердцевина (8526)», *инь*
«быть раненным, выбить из строя (8652), погребать, хоронить (8865)» и др.

Древние корневые варианты с обратной последовательностью соглас
ных типа *tek-* (*teg*, *tex*, *dek*, *deg*, *sek*, *seg*- и т п), а также варианты
с инфиксами *-r* *-l-* (*trk-* *tlk-* и т п) и частично варианты с другой
последовательностью согласных без огласовки (*kt*, *ks*-, *gd-* и т п) в раз
личной степени отражены в таких словах современного китайского лите
ратурного языка, как кит *ти* «скоблить, чистить ковырять, отбрасывать
(негодное) (2931), лягать, брыкаться (4508), прыгать (5945)», *дао* «нож,
меч, бритва, ре�ец для письма (4274), каюк, лодка с поднятыми концами
(4278)», *ди* «хотм сопка (6849) точильный камень (6850), бодаться, на
падать, сопротивляться, отражать нападение (6854, 6856)», *сэ* «расколоть
расщепить (2039), разорвать, распороть, расколоть (2041), кончиться,
погаснуть (2043), порок, мочиться, мелочь, бездетца (8820)», *сы* «сошник,
лемех (1478), евнух, жрец (3226), кормить, выращивать (животных (3381
5927), кончиться, конец (4513), берег реки (5181, 7255), приносить жертву,
жертвоприношение (7254)», *сэо* «срезать (мясо), остругать, соскоблить,
уничтожить, кривой нож (2906), стереть, уничтожить, ликвидировать
(3673), маленький (3675), дулло, душлистое дерево, пустой (4539), отру
бить голову (5368), стукнуть, ударить (7691)» *шао* «косить срезать,
убивать (3666), верхушка дерева, макушка, кончик (3669), немного,
слегка (3670) кадушка, ведро (3678), сжигать палить, гореть, жарить
(7498)» *шэ* «проткнуть шестом (колом), сажать на кол, ударять (3576),
длинная боевая секира (5360)», *шу* «шкворень, стержень (800), книга,
письмо, писать, бумага (1502), гребень, расчесывать (волосы), приче
сываться (7785)», *цай* «гроб (3304), кроить, выкраивать, покрой, отрезать,
ампутировать, сокращать, уменьшать (6984)», *цы* «колоть, пронаать, по
разить, воткнуть, укол, колючка, шиш, игла, рыба кость, покушаться
на убийство, убивать (из мести) (2940), раз (4899), хвоя (5515)», *чэ* «ко
лоть пронзать, накалывать, поранить, сломать (4469), колоть пикой,
выколоть, выбить (например глаз), ткнуть (пальцем), печатать, штемпель
(6903), спивать, сметывать, короткий (6078)», *чу* «уменьшенный, малень
кий (892), оспа, солома, фураж, косить траву, кормить скот (4451), мо
тыга, вскапывать землю, полоть, искоренять, уничтожать (4791)», *цзы*
«вытывать (нож), вонзать (меч), колоть (2897), письменный знак, перограф,
буква, слово, письмо, записка, удостоверение, документ (3127), тушное
мясо (4063), куски мяса, резать мясо (6981)», *чжо* «вытаскивать, выдер
гивать (950), мыть, полоскать, чистить (956), обрубить, обтесывать, вы
далбливать, вырезать (орнамент) (2011), рубить, разрубать, разрезать,
высекать (на камне) (2017), стоять отвесно (2300), грабить, полировать
(5749), клюв, клевать (5750), стрелять привязаной стрелой (6375), посох
(7571)», *жуй* «скипетр (3755), острый, отточенный, острое, храбрый, сме
лый, мелкий, ничтожный (7566)» и мн др. Возможность происхождения
приведенных и подобных им слов китайского языка от древних корневых
вариантов типа *tek-* (*sek-* и т д) подтверждается данными Б Карлгрена,
который для современного кит. *ts'o* (чэ, 1507) «точильный камень, напиль
ник, рашпиль» реконструирует др.-кит *ts'ák* (333), для кит. *ts'è* (чэ, 2052)
«трескаться, быть разорванным» — др.-кит *t'ák* (332), для кит *cho* (чжо,

2017) «резать, рубить» — др кит *tsiak* (332), для кит *cho* (чжо, 2020) «отрубить» — др-кит *tsiak* (333), для кит *shu* (шу, 8944) «ужалить» — др-кит *siak* (332), для кит *shu* (шу, 1101) «камень, скала» — др-кит *ziak* (332), для кит *si* (си, 1513) «сушеное мясо» — др-кит *siak* (333), для кит *si* (сй, 2033) «раскалывать, расщеплять» — др-кит *stek* (352) и т д

Древние корневые варианты с носовыми инфиксами типа *tnk-* (*tng-*, *dnk*, *dnq-*, *snk-*, *sng-* и др) могут содержаться в таких словах современного китайского языка с финалью *n* (*ng*), как кит *tūn* «межа (2988), кусок туши, веретено (6017), горопиться, бежать (6790), грудника, ломт мяса (6792), лодка ялик (6793), палка, трость, дубина (6795)», *tūn* «ударить, проколоть, проткнуть (3719), ведро, бочка, бадья, бак (3720)», *дин* «гвоздь, макушка (2981), гвоздь, костыль, болт, кусочки мяса (2983), прыщ, бубон шанкр (2936)», *шан* «ранить, рана, травма, вредить, губить, скорбеть (4501), умереть несовершеннолетним (4504)», *цян* «оружье, пика, копье, дреколье (1134, 1138), клевать, долбить клювом (1133), ушко топора (2022), *чуан* «нарывы, язвы, болячка, фурункул, чирей, колотая (резаная) рана, ссадина порез (1143), рана, ранить (2872)», *чжэн* «скала (2280), счет, опись, счетный, счетное дело, занести в книгу, подводит баланс счетные книги (5797, 5801), оружие, сражаться, схватить, держать (6567), палка, трость, посох, бить палками, траурный посох (6568)», *чжун* «колокол, часы (башенные), час (449), чаша, кубок (463), середина, центр, внутренний, средний, внутри, среди (2669, 5895), кончиться, конец, окончание, кончина, смерть, умереть (9073)» и др

Соответствующие материалы родственного китайскому бирманского языка практически ничем не отличаются от материалов современного китайского языка

Существенные результаты, касающиеся отражения древних корневых вариантов рассматриваемого этимологического комплекса в тибето-китайской семье языков, могут быть получены путем анализа архаической орфографии тибетского языка, оставшейся в настоящей статье не учтенной.

Как известно, под названием палеоазиатских объединяются языки, не образующие единой языковой семьи. Как самостоятельные генетические общности здесь выделяются чукотско-камчатские, эскимосско-алеутские, юкагирский, кетский и нивхский языки. В данном случае были рассмотрены материалы нивхского, чукотского и эскимосского языков. Обнаруживаемые в них факты, при всех различиях между этими языками, обусловленных отсутствием близких генетических связей, в целом не отличаются от соответствующих фактов других языковых семей.

Палеоазиатские языки отражают почти полный набор древних корневых вариантов рассматриваемого этимологического комплекса. С некоторой оговоркой здесь следует выделять только тип *kt-* без огласовки. К нему можно, по-видимому, отнести варианты типа чук *кит-* (*кэт-*) с редуцированным *ы* (э), который в определенных условиях заменяется нулем звука. Ср чук *китгынтатик* «бежать», *киттэл* «коса (волос)», *китъатикэ* «очень плохой», *китъыматик* «сопротивляться (в борьбе)», *китэкэй* «игновение, мяг», *к'итрыкыр* («к'итрын») «мыс, коса», *к'иск'ичевык* «остаться, завязнуть, застрять», *гытган* «осеня», *гытэык* «вытратить», *гытэтык* «голодать, быть голодным», *гычурмын* «берег, кромка, край», *ы'твэт* «байдара, лодка», *ы'ттым* «кость», *ы'ск'агтык* «перескочить». К этому же типу может быть отнесено эск *хтáра* «выбрасывать».

Корневые варианты типа *ket-*: нивх. *кет* «посох (особого характера)», *китт* «убегать, удирать», *кутт* «падать, валиться, опадать, осыпаться»,

кутыг «скат, спуск», кис «грязь, тина», к'уты (хуты) «пролив; отверстие».
пробовина, щель, дыра», к'ыф (хыф) «канавка», қес «подпорки, столбы».
қос «тонкий прут для наизывания корюшки», қосқоздь «теревить, трепать».
қадрқ адрдь «скрестить, царапаться», қ'адрудь «царапать», қ'оти (хоти)
«нора». хатидь «проказа», хедрс (хедриш) «терка», хуски «скелет рыбы».

гыздь «копать, рыть», хаза (хасан) «ножницы», **хуудь** (хуудь, гуудь) «до
ставать вытаскивать, навлекать; удалять; потрошить», хутть «провода
ливаться, оступаться», хуты (хыта) «середина, центр», хутиф «большая
прорубь», хыскуоть «уменьшить, убавить», ут «туловище, тело», зть
«алюговое деревянное блюдо», искрьдь «отколоться, отскокить», оскыр
«железный стержень (охотничье орудие)», осмур «железный гарпун», ус
«тело умершего, подлежащее сожжению», издь «бросать острием вперед»
«вешевать». уз «посох шамана», **узуку** «ельник; нарубленные еловые

ветки»; чук. катчк (кэтча-) «якорь», кэчк «шаркать, тереть», к'ачыл(ын)
«полость, пустота, душло», к'этык «закалывать, убивать», гаттэ «тесло».
эмегыркын «бор растений, урожай», атын «рана», ачыкылгын «кре
мень: пестрый камень», а тхэма «плохо, неправильно», иткэк (иткэккук)
«отбярать, отнимать; вырвать (с силой)», иттилык «ткнуться, стукнуться».
удариться; расшибиться», ит'эрун «отвесная скала», ичгитыкын «склоу
горы». откын «угол (внешний), конец», отык «кроить», оттылыгын «брев
но, полено», уткук «ударить», уткучыын «канкан», уттуул «долото»,
уттуут «дерево», ут'эмыг «бочка», этгапал «пальма (нож)», зтык
«скрести, скоблить», эгэтаткык «отскокить; падаля, отлететь в сторону»
(согласные з, г, ж, з чукотскому языку не свойственны); аск. кит'йк'а «ра
нить», кас'иваг'ақ'а «сталкиваться», қас'югутақ'а «ударить», кыстақ'а «счи
тать», қатм'й'к' [г-ыт] «длинная палка», қысымына «точило», қ'ус'а'к'
[г'ыт] «маленькая трещина, щель», қысыбақа «рвать, выдергивать», г'утақ'а
(г'утақ'уқ) «стрелять», х'ута «зуб», х'итагақ'а «ощипывать (птицу)», х'ита
г'ақ'уқ «рвать траву, щипать траву», ат'дй «крутой склон, спуск», ат'д'х
ту'ақ'а «читать», ас'б'к' «кремень», ас'ялюга'к' [г-ыт] «наковальня», ит'б'г'
ми'ақ'а «пнуть носком ноги», усныг'у'а'к' [г'ыт] «холомик, бугорок, при
горок», ус'п'утақ' «мерка, выкройка», истыг'мик «большой охотничий нож»

Корневые варианты с ификсами -г-, -л-, -т-, -п- (krt-, kll-, kml-, knt-
и т. д.): нивх. керш «грязь, тина», корш «деревянная тарелка», к'ерс
(к'ерш) «кол для закрепления невода», к'рыздь «насытиться, наестся»,
қарш (қарш, харш) «лопата», қорш «стрела от ловушки-самострела»,
орс «дровя», орик «лодка», ырс «клин», хыздь «зарывать, закапывать»
«хоронить». к'унс (к'унтри, хунс) «желудок птицы; потроха», к'ын'дь
«палка, костыль, посох»; чук. гын'эвык «убегать, скрываться от пресле
дования», гыган'ыт'ыр «охотничье ружье (дробовое)», аск. қал'т'а «че
шуй; короста», қал'г'т'ак «ведро», қам'тақ'а «гасить, тушить», ам'сяк'ыл
«маленький, низкорослый».

Корневые варианты с обратной последовательностью согласных без
отгласов: нивх. т'таркс «клин», ч гас «кол, деревянная стойка», ч'г'уф
«кулак». ч'гарш «дерево, др. а», ч'хойдь «стирать, заниматься стиркой»;
чук. тыганрын «строганина из рыбы», тыгырык «выдергивать (застряв
шее)», чыгагын'ым «палька», бесок, чыгычак «саднить».

Корневые варианты с обратной последовательностью согласных, вклю
чающие различные гласные: нивх. тикнь (рыкнь, дыкнь, такнь) «ноготь».

коготь», *тлж* «горный хребет», *тяжа* (*заяжа, дяжа*) «нож», *пал* «эпидемия», *тапей* «сучковатый шест (для подвешивания предметов)», *тух* (*рух, дух*)

«колун», *тых* (*тлх*) «верхушка дерева», *тлх* «стружки», *тахюдь* «умирать от эпидемического заболевания», *техюдь* «прыгать, скакать на одной ноге», *техраф* «скала», *тихр* «дерево, дрова, поленья», ч'ак «острога трузубец», ч'азты «обух», ч'их «сыпь», ч'ихы (*сихы*) «мачта», ч'ох (*сох*)

«клык», *рокладь* (*токладь, докладь*) «ковырять», *рохть* (*тохть, дохть*) «пороть, распарывать, отрывать», *рыхть* (*тыхть, дыхть*) «делать надрезы на рыбе;

делать зарубку», *ршак* «раз», *хытты* (*ршухард*) «наточить, отточить».

чук. *так'ок* «есть в дороге», *так'ы* «запас в дорогу», *тухкэн* «наконечник гарпуна», *тэжичын* «мясо», *тэжимин'ык* «трогать, щупать», *тэжин'этык* «убить (человека)», *тэзрык* «бросать гарпун, копьё», *чеко(че)* «наконечник стрелы», *чыкыл* (*чиглэн*) «палка для дрессировки оленей»; эск. *такыл'ыкыа* «укоротить, сократить, укоротиться», *тухак* «пляска тавец», *тукжакыа* «толкать, пинать ногой», *тухаккук* «умирать,дохнуть, околевать», *туку* «смерть», *тукукыа* «гвоздь», *тукутака* «убивать, умерщвлять», *тугуйица* «обивалка» (*палка*)), *тугуйа* «долбить, прорубить», *туган* «кол», *тугэсиц* «лом», *тугун* «клык моржа», *тугуйжэяка* «валить (при борьбе)», *тугыл'ык* «трещина во льду; пробойна в судне», *тыгыл'эякыа* «похищать, воровать», *тыгук* «конец стрелы в виде развилки», *сыл'эякыа* «кирка, кайла», *сыл'эяк* «мотыжка; куронок», *сыл'у* «сигла», *сюкытака* «эваноза», *сюкитун* «эваноза», *сюкак* «китовый ус», *сыл'кака* «разбивать (стекло, посуду)», *сыл'унык* «рог», *сыл'ык*, «плохой, дурной, вредный; вред», *сюг ругык* «клюв; морда», *сюгэяка* «нападатель», *сыл'ка* «разрезать вдоль», *сыл'ука* «клин (из ткани)».

Корневые варианты с обратной последовательностью согласных,

осложненные ификсами -г-, -л-, -т-, -п-: нивх. *тархы* «заразный», *таркс* «засов», *тыркы* «морская высокобортная лодка», *тырхть* «прыгать», *ршаркс* «дверной засов, задвижка», *талк* (*ралк, далк*) «строганна из рыбы», *тулкс* «яма», *тумкс* (*румкс, думкс*) «железный крюк с деревянной рукояткой», *тинхы* «мачта», *тухк* «лом (орудие)»; чук. *т'эркин* «мало.

немного; недостаточно», *тыргытыр* «мягкое мясо», *тылгытыл* «рыбья чешуя», *челлат* «корь», *тыггытыг* «кусочек, кость, застрявшая в горле», *чыж'ык* «часть; взятый частично», *тингыркинэн* «орудие для колки льда, лом»; эск. *танкык* «месяц, луна».

Из языков Американских индейцев в данном случае были обследованы 8 языков Северной Америки, в том числе микмак, навахо (группа на-дене), четыре вакашских языка (группа чымакуа-вакаш, фрагментарно, по сравнительному словарю корней этих языков [25]), оджибве (группа алгонкин-ритва), виуту (группа пенути), и один язык Южной Америки — кечуа. Рассмотренные индейские языки обнаруживают принадлежачие к соответствующему этимологическому комплексу корневые

варианты типа *ket-/kt-* (*ked-, kes-, ged-* и т. д.), *krt-, kmt-, knt-* (*kent-, kant* и др.) и *tek-* (*teg-, dek-, sek-* и др.).

Слова с корневыми вариантами типа *ket-* (*kt-*): микм. (здесь согласный *k* отсутствует) *getanteget* «охотиться, делать наало, бороться», *getmeiég* «вытирать», *gilagan* «точильный камень», *gasàlég*. (*gasàtu*) «вытирать. счищать», *gesàlég* «причинять боль», *gesinuguig* «причинять боль; болеть», *gesipriag* «зудящий, чесоточный», *gesipàlég* «царапать», *gesiteg* «поранить», *gesmàlég* «толкать», *ettalalég* «есть, поедать», *ettlapensit* «поцарапаться», *ettlipulg* (*ettliputu*) «тереть, гладить, ласкать», *esipulg* (*esiputu*) «острить, точить», *esing* «штание, корм»; нав. *-kàt* (*-kàd, kààd*) «шить», *-k'éés* (*-kiz, k'is*) «расщеплять, раскалывать», *-k'ààs* (*-k'ààž, -k'àš, -k'àž*) «точить, оттачивать, тереть», *-k'èès* (*-k'èéž, -k'is*) «бежать», *-g'ééd* (*-g'èèd, -g'òd*) «копать», *g'ééd* (*-g'èèd*) «толкать, тыкать», *-g'éés* (*-g'iz, -g'iz*) «резать», *-gis* (*-g'iz*) «мыть», *-giz* «развилстый», *-yáás* «царапать», *-yáás* (*-yáz, -yás*) «кусать», *-y'èès* «зудящий», *-yis* (*-y'iz*) «растирать, крошить», *-y'is* (*-yiz, -yis*) «обрывать; очищать от шелухи»; вак. *kl* «косить траву; ткать, используя полоски ч.-л.» *ke-* «толкать, отодвигать (рукой)», *kys* «дотрагиваться, едва касаться; ударять», *k^was-* «топтать, топать, толкать ногами», *k^wys* «раскалывать», *g^ws-* «тереть, скрести; отжимать (белье)»; одж. *ka:to* : *n* «прятать», *ka:so* тж., *ka:ssihw* «вытирать насухо», *ka* : *ška* : *tahw* «скрести, скоблить», *ka* : *škipa* : *n* «чистить скребком, счищать, соскабливать», *ka* : *škipa* : *n* «брить», *ka* : *škipin* «скрести, царапать к.-л.», *ki:škaha:n* (*ki:škahw*) «рубить (дерево)», *срезать, обрезать*, *ki:škiša:n* «резать», *kicikkon* «вырезать; удалять», *kišikkaw* (*kišikko:n*) «ранить», *koškwe:pin* «трясти, будить», *atle* : «быть погашенным, потухшим», *atle:ha:n* «гасить», *at:lisn* «быть отрезанным», *assiy* «камень», *assipoteaw* «острить, точить», *ašawe:škw* «меч», *aškon* «покидать, оставлять», *eškan* «стамеска, зубило, долото», *винту kita* «спотыкаться», *kesa* «сбить с ног», *k'oduma* «охотиться», *k'otca* «ковыряться в земле (о птицах)», *k'úta* «копать», *gotuma* (*q'ola*) «ударять», *q'ida* «отламывать», *ze'ta* «снимать корку, чистить фрукты, овощи, обработать, резать лоптями; вырезать», *zila* «мелко нарезать», *zila* «резать», *'od* «царапать; щекотать; корь», *'uda* «царапать к.-л.»; кеч. *kúta* «помол (действие и результат)», *kúti* «тра; очередь; случай; момент», *k'ill* «угол», *k'utu* «едкий, разбедающий», *k'útu* (*k'útukk*) «кусающий, хватающий зубами», *k'útmu* «пень, обрубок», *k'uchu* «разрезание, разрез», *k'uchu* «угол, оконечность, конец, острие, край», *kháchu* «протертый, продырявленный», *kháchuy* «покусывание», откусывание», *kkhachuy* «рвать, вырывать с силой», *kiska* «колючка, шип», *kissa* (*khisa*) «крапива», *kúski* «пар (вспаханное поле)», *k'issu* «соскробание, соскабливание», *k'assa* «пролом, брешь, трещина», *'kassu* «удар лопатой, палкой», *'kessa* «гнездо, нора», *kháska* «обгрызание; обгрызенная вещь», *khúslu* «обритый, обскобленный, коротко остриженный», *khúslay* «скоблить, скрести; стричь овец; сгибание, стрижка овец», *kkhassu* «разорванный», *itho* «крапива», *as* «малый», *ússu* «отбросы».

Корневые варианты с инфиксами *-r-*, *-m-*, *-n-*: *винту k'arca* «царапать; делать знак; чиркнуть спичкой»; кеч. *kkaracha* «чесотка»; вак. *k'ml* «делать зарубки», *gmt* «грызть; срывать ягоды»; кеч. *kkhámsa* (*kkhánsa*) «покусывание; укус»; микм. *gun-tew* (*gun-lal*) «скала, камень», *gun'tey* «камень»; вак. *qnt* «стрелять из ружья»; одж. *ka:nlin* (*ka:nicipin*) «толкать к.-л.», *ontakana:m* «ударить к.-л.», *oncih* «сражаться, драться с к.-л.»; кеч. *kuntur* «коандор (хищная птица)».

Корневые варианты с обратной последовательностью согласных типа *tek-* (*teg-, tex-, dek-, deg-, sek-, seg-* и т. д.): одж. *takko:n* (*takkwa* : *h*) «укорачивать», *takko* : *kkon* «обрезать короче», *takkwa* : «быть коротким», *takkom*

«кусать», *sakahikan* «гвоздь», *sakkwa* : *n* «насаживать на вертел», *sikime* : «москит», *ša* : *ko* : *cih* «побить, побороть», *ši* : *kwan* «точильный камень»; винту *taka* «рубить», *takca* «резать, хлестать, шлепать; резкий удар», *tag* «скорпион»; глубокий порез», *t'ehi* «высокая трава, скошенная трава», *dihe* «тереть, массировать», *sike* «вытирать», *sikcuna's* «гребень», *soh* «скала»; микм. *saḡati* «иглока», *siglèg* «убить», *sigtelag* «застрелить»; нв. *-žéh* (*-žá*?, *-žah*) «крюк, крючок», *-žéh* (*-žéé*?, *-žih*) «резать, косить, жать; ножницы; большой нож», *-žéh* (*-žéé*?, *-žah*) «охотиться; вертел»; *-žóh* (*-žóó*?, *-žòh*) «чистить щеткой; вытирать; причесывать»; кеч. *sákktaí* «толчение, размол», *se'ko* «изрытый оспой», *sékkse* «зуд, ощущение жжения; щекотка», *sihwa* «бичевание, порка, побой», *sikiyu* «извлекать, вырывать», *so'ka* «кнут, бич, плеть», *so'ka* «злой, вредный».

Лексические материалы австралийских языков в данном случае могли быть использованы лишь в ограниченном объеме — по небольшим публикациям (главным образом спискам слов) Ж. Кенйон, А. У. Рида, Х. М. Купера, Б. Уотерса (1975—1983). При этом зафиксировано достаточное количество фактов, свидетельствующих об исконном наличии в австралийских языках корней рассматриваемого этимологического комплекса. Как и в ряде других семей, здесь отсутствуют корневые варианты без огласовки.

Ср. корневые варианты типа *ket-* (*ked-*, *gat-*, *gid-*, *et-*, *ad-* и др.): *katan* «резать (из англ.?)», *katoa* «скороткий», *katiri* «холм», *katta* «холм; голова», *kitara* «тростник, камыш», *kutha* «дубинка», *kuti* «челнок»; *kutyó* «малый», *keda* «бумеранг», *cadgee* «копье», *kadramooki* «много камней и скал», *koḏala*, «тростник», *koḏaro* «холм», *kudla* (*kurla*) «огонь», *gatjigi* «держат, хватать», *git* «пронзенный копьем», *gootagoodo* «сердце *gidgill* (*gidji*) «копье», *gida-gida* «быстрый», *gidya* (*gidju*) «малый», *gidgee(na)* «щекотать; чесаться», *gudiy'djigi* «пронзает копьем; есть», *guditiynyirdjigi* «резать, рубить; есть», *etera* «берег, побережье», *atnaterta* «скорпион», *atnitta* «живот», *attakulla* «они дали мне еду», *attunga* «возвышенное место», *aturinga* «песок, песчаный», *iteranga* «хищная птица», *olorkweta* «сердце», *ulam* «групп», *edidana* «убежище в скале, пещера», *adah* «пещера», *adyeri* «малый».

Варианты с инфиксацией (*kert-*, *kalt-*, *kant-*, *gind-* и т. д.): *kertum* «бу меранг», *cartela* «зубы», *cardeenie* «сосуд для воды», *kurla* «экскременты», *curta* «голова», *kalti* «копье», *kaltin* «копать», *kuntum* «метить зарубками», *coontannie* (*coondanie*) «резать», *cundoonie* «ударить ногой, лягать», *kandara* (*kandora*) «кровь», *kondu* «дубинка», *kandramooka* «много камней или скал», *coondoo* «глубокий», *gardak* «низкий», *holtar* «палка», *aldura* «пещера или убежище в скале», *illdo-malla* «резать», *antyan* «копье с четырьмя зубцами», *innloo* «мех, шкура», *indemina* «осколок, щепка», *indora* «огонь», *undema* «палка», *undie* «зубы».

Варианты с обратной последовательностью согласных (*tek-*, *dak-*, *djak-* и т. д.): *tekara* «метатель копья», *takkau* «поломка, разрыв», *takkin* «есть, поедать», *tokara* «след», *tokkun* «набивать, сдавливать», *toogadya* «малый» *čak* «хватать, кусать, ломать», *daku* «песок», *dikiri* «трава», *djaka* «высота», *čhookola* «дыра».

Варианты с обратной последовательностью согласных и с инфиксами (*ting-*, *dark-*, *djark-* и др.): *tunkeri* «вошь», *tinga* (*dinga*) «камень», *đarrk* «кусать, есть», *dirkala* «берега залива», *dirkanala* «яма или впадина», *durkdurk* «сердце», *dilkera* «берег, побережье; край», *dingai* «палка», *dungel* «глубокое место в воде», *djarrk* «пронзает (копьем)», *djarrku* «острый, едкий; сосать, есть», *djargi* «резать, рубить», *djanggu* «мясо, тело; приманка, наживка; мышечная ткань»; *djunggi* «дерево, дрова; огонь».

Здесь вкратце перечислены объединенные семантической и фонетической связью параллельные факты всех основных семей, макросемей и ареальных общностей языков мира, за исключением особо рассматриваемой далее койсанской семьи языков. Во всех обследованных языках обнаруживается один и тот же этимологический комплекс, который состоит из ряда двусогласных корневых вариантов, содержащих задние язычный или ларингальный и переднеязычный согласный в двойкой по следовательности (*kt, gt, xt. Ht, kd, kc, kē, ks, kš...tk, dk, ěk, sk, šk, tg, tx* и т. д.), чаще с огласовкой (с корневыми гласными *a, e, i, o, u*), нередко с инфиксами *-r-, -l-, -m-, -n-*, и в различных случаях выражает отдельные, неразрывно связанные между собой, образующие единый семантический круг перечисленные в начале обзора значения. Имеются данные о наличии в тех же языках других подобных этимологических комплексов. Частично они (не все) отражены с первым приближением на материале индоевропейских языков в статье [17]; подробно они освещаются в готовящейся к печати монографии. Эти факты являются прямым свидетельством искомого родства всех рассмотренных языков мира: их происхождения от единого общего для них праязыка. Поскольку между языками, объединяемыми до сих пор под названием ностратических, и остальными рассматриваемыми здесь языками мира в отношении общих для них этимологических комплексов не обнаруживается никаких существенных различий, представляется целесообразным распространить удачное название *ностратический* на все эти языки мира и на лежащий в их основе общий праязык. Этим названием все соответствующие языки мира будут отличаться пока что только от одной семьи языков — койсанских, объединяющей бушменские и готтентотские языки, которые при их противопоставлении ностратическим лучше было бы называть палеоафриканскими, как это иногда и делается.

Проводимое здесь размежевание палеоафриканских (койсанских или бушменско-готтентотских) и ностратических языков не означает отрицания каких бы то ни было генетических связей между этими двумя языковыми группировками. Хотя мнение К. Мейнгофа о принадлежности готтентотского языка к хамитским было явно несостоятельным, представляется обоснованным положение об отдаленном родстве койсанских языков с другими африканскими и даже с индоевропейскими языками, последовательно проводимое известным польским африканистом Р. Стопой (ср. [25, 26]). Невозможность рассмотрения палеоафриканских языков в генетическом отношении на одном уровне с ностратическими обусловлена существенными различиями в их корневой структуре, которая хотя и обнаруживает исходное единство фонетической субстанции семантически соотносительных корней обеих языковых группировок, в палеоафриканских языках оказывается значительно более архаичной. В них (особенно в их северном регионе) до сих пор сохранялось преобладание односложных корневых слов с одним согласным (предшествующий здесь почти каждому корню один из пяти щелкающих звуков — кликов — обычным согласным не является), что не позволяет искать в таких корнях прямого соответствия этимологических комплексов ностратических языков с двусогласной структурой их корневых вариантов. Примитивное состояние бушменских языков проявляется и в сохраняющемся до сих пор у некоторых из них отсутствии фонологически дифференцированной системы вокализма. Обнаруживающиеся в бушменском многочисленные варианты гласного элемента корня употребляются без какой-либо фонологической нагрузки и своим качественным разнообразием обязаны, по-видимому, влиянию дру-

гих языков, в которых качественные различия гласных сформировались как фонологические противопоставления в процессе их исторического развития. Р. Стопа пишет о бушменских гласных, что «они произносятся нечетко и сильно варьируют, так что одно и то же слово может быть представлено с разными гласными без заметных причин» [26, с. 83]. Тем не менее в бушменском языке четко прослеживаются фонетические и семантические соответствия одногласных корней (без учета кликсов) компонентам соотносительных ностратических двусогласных корневых вариантов с аналогичными значениями. В частности, рассматриваемому здесь этимологическому комплексу ностратических языков со структурами типа *ki-* и *tk-* в бушменском соответствуют такие слова, как *!ku* (*!tu*, *!kba*, *!kwa*) «кость»: *!ko* «камень», *kaa* «грызть», «глодать», *!koa* «горшок», *!kwa* «ломать», *!ko* (*!qu*) «желудок», *!ku-!ku* «копье»: *!kélkau*, *[ko, |ga]* «резать», *!khu* «колючее дерево, колючка», *!khú* (*zú*) «убивать»; умирать», *!kha* «змея», *!koa* «ломать; убивать», *!kã* «рог», *!ke* «время», *≠xai* (*≠xi*) «скорпион», *xa* «стрелять», *!ã* «кусать», *ã* «есть», *taa* «острый», *!ha* «резать», *tãtã* «трясти» и др. (перед начальными буквами корней даны обозначения соответствующих разновидностей кликсов). Слова бушменского языка представляют генетически тождественными тем значениям силлабофонемам ностратического праязыка, из которых формировались двусогласные корни ностратических языков. Если кликсы, как полагает Р. Стопа, были свойственны и начальным состояниям других языков, то вносимые ими различия в значения предваряемых ими силлабофонемам в остальных языках стали уточняться путем присоединения к данной силлабофонемам другой, дополнительной, с близким или более отдаленным значением, а сами кликсы либо отпадали бесследно, либо отражались в видоизмененном качестве согласного в соответствующем корне. Таким образом, есть основания считать палеоафриканские языки изначально родственными ностратическим, а палеоафриканский праязык возводить вместе с ностратическим праязыком к единому начальному праязыку человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

20. Стопова О. В. Сравнительно-историческая фонетика и словарь западноафриканских языков // Африканское историческое языкознание. М., 1987.
21. Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
22. Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. А—Н. М., 1977. П—I. М., 1977.
23. Китайско-русский словарь. 2-е изд. / Под ред. Ошанина И. М. М., 1955.
24. Karlgren B. Grammata serica. Stockholm, 1940.
25. Lincoln N. J., Rath J. C. North Wakashan comparative root list. Ottawa, 1980.
26. Stoppa R. The genetic unity of African languages // FO. 1965. T. 7. P. 227—273.
27. Stoppa R. Structure of Bushman and its traces in Indo-European. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1972.

© 1991 г.

ШЕВОРОШКИН В. В.

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НОВЫХ КАРИЙСКИХ НАДПИСЕЙ
(НАХОДКИ 1985 г.)**

Во время нашей второй экспедиции в Египет (первая, состоявшаяся в декабре 1983 г., была посвящена сверке копий с оригиналами) в декабре 1985 — январе 1986 г. на стенах и колоннах недавно раскопанных частей гробницы Мотуэмхата было найдено примерно 50 ранее не известных карийских надписей. Все надписи были обнаружены, зарисованы и (в большинстве случаев) сфотографированы в разном освещении Г. А. Барниной. Я сделал независимую зарисовку, а также протранскрибировал все надписи. Таким образом, на сегодня известно примерно 300 карийских надписей (напомню, что в моей книге 1965 г. [1] использовалось лишь 108 карийских надписей).

Эти недавние находки и сверки, как и публикации новых надписей в конце 70-х — середине 80-х гг., в целом подтвердили мою дешифровку и интерпретацию карийских надписей и карийского языка (включая данные греческих передач карийских имен и глосс), а также незначительные позднейшие уточнения, сделанные в конце 60-х — начале 70-х гг.¹

Я хотел бы прежде всего внести коррективы в указанные выше таблицы (обозначим сокращением МА = Малоазиатские алфавиты (таблица) в кн. [4] и сокращением АМА = Алфавиты Малой Азии (таблица) в кн. [5]). Эти незначительные коррективы диктуются прежде всего новейшими находками.

Новые надписи из гробницы Мотуэмхата с несомненностью подтвердили верность интерпретации «прокинутой дельты» (№ 4 в МА) как *b*: ср. нар. ЛИ (личное имя) *gsanduber* или *gsand,uber*, полностью идентичное греческой передаче этого имени *Σανδ-υβερ(ις)* (см. [7], § 1061): лигийское ЛИ).

¹ К сожалению, на русском языке никаких работ по карийской письменности и языку в последние годы не появилось (если не считать недавней «дешифровки» Ю. В. Откупщикова [2], решительно ничего общего с задачей не имеющей). Карийские материалы с комментариями не вошли в сборник [3], который я замыслил и начал составлять в первой половине 70-х гг. (работа по составлению и изданию сборника была завершена моими учителями И. М. Дьяконовым и Вяч. Вс. Ивановым). Популярная книга «Загадки великой семьи», написанная А. М. Кондратовым и мной, содержала много новых материалов о карийском, но в свет она так и не вышла (хотя была полностью готова к печати и даже набрана в типографии). Можно, впрочем, пользоваться моей таблицей «Малоазиатские алфавиты» (с. 310—311 в книге [4], подготовленной мной, но выпущенной в свет, по моей просьбе, И. М. Дьяконовым; моего имени в книге нет, но есть ряд вступительных статей и комментариев, подписанных А. Ф. Деляновым — читай: В. В. Шеворошкиным). См. также материалы в переводе книги И. Фридриха [5] (издание задумано мной, но завершено И. М. Дьяконовым, который, кстати, дает там интересный комментарий к теоретическому аспекту исследования «А Ф. Делянов»). См. также мой раздел «Хетто-лувийские языки позднего времени (буквописные)» и особенно таблицу алфавитов на с. 52—54 в главе «Хетто-лувийские языки» книги [6] (указанная глава написана моим учеником и коллегой А. А. Королевым и мной, но мое имя было снято редакторами серии).

структурно тождественного карийскому ЛИ *Arð-uβer(oc)* [7, § 86-6], лик. ЛИ *Epxλyδ-uβer(oc)* [7, § 355-17a] и т. д. Не исключено, что имя *gsand-uber* восходит к анат. **Hassanta-uppara* «лучший из сыновей» (при хет. *hassant-* «рожденный, сын», лик. Б *zzat-*) и второй основе из в.-е. **up-e/or*, очень часто используемой в позднеанатолийских ЛИ как с сохранением *-p-*, так и со сдвигом его в *-b-*.

Еще до обнаружения кар. ЛИ, о котором только что шла речь, я отказался от моей же транскрипции *p* «прокинутой дельты» и стал писать *b*: это подтверждалось целым рядом хороших идентификаций, в том числе кар. *ebad* «здесь» = лид. *ebad* «здесь» (открытие А. А. Королева), кар. ЛИ *mes-narb* < *mes* [< **masa* «бог», как в лик. *masa iwe* «Бог Бык» (недавняя находка Х. Айхнера)] и основы, идентичной кар. ЛИ *Narβ(αc)* в греческой передаче.

Соответственно редкое карийское пи (№ 29) в МА должно транскрибироваться *p*, что подтверждается идентификациями вроде ЛИ *epuk* (Сильсисис) = *Απουκ(oc)* (греческая передача): в карийских по происхождению словах широкое *e* восходит к безударному *a*, как в ЛИ *mesnarb*, *mznarb* из **mas-narb-* (см. выше). Что касается происхождения карийских букв, то в обеих таблицах данный вопрос был решен совершенно правильно: карийское *b* восходит к семитскому бету, а *p* — к *p*. При этом верно указано и то, что карийская буква Π должна быть идентифицирована с бетом (ср. «открытые» формы бета в семитских надписях), а не с пи; в подтверждение можно привести посевия *boru-λ* имени *boru* (Π-*b-*) в гробнице из Кавна и патроним *boru-λ* (по происхождению — тот же посевия) в одной из новых надписей гробницы Монтузэхата²; что касается альтернатив гласных и носовых согласных, то это объясняется отсутствием букв для назализованных гласных в карийском письме (см. ниже); впрочем, ср. лик. *u* : *ñ* : *ā*.

Буква № 22 из таблицы МА была, как мне теперь кажется, неверно идентифицирована как вариант буквы *ñ*. Буква № 22 хотя и передает носовой звук, но это звук типа *m* (а не типа *n*). Поэтому его следует транскрибировать как *m̃*. Действительно, основа имени *mum-èveq* из новых надписей (где *èveq* является второй основой ЛИ, судя по ряду других надписей) соотносится с основой *mavm̃(a)*, с ЛИ *mavm-ùen*, а также *mava-ùen* (второй компонент *-ùen* встречается, например, в ЛИ *lùl-ùen* в надписях из гробницы Монтузэхата). Отметим здесь же альтерирование *-m-* : *-m̃-* : *-a-* вместо ожидаемого *-m-* : *-m̃-* : *-ā-* именно потому, что назализованных *ā*, *ē*, *ī* нет в карийском письме. Теперь понятно, почему ликийское ЛИ *m̃zseve* передается в карийском как *teveve* (буквы *ē* в карийском нет). Интересно в этой связи и варьирование *bñon* : *bleon* в основе карийского ЛИ; этот и другие случаи «чередования» *ñ* : *e*, например, в ЛИ *u,dñai* : *u,deai*, убедил, наконец, западных исследователей в правоте моей идентификации карийской буквы № 21 (в табл. МА; О. Мудрак указал мне в недавней беседе на сходный знак семитского происхождения *ñ* в тюркских рунах;

² Все еще неясен статус редкой буквы типа И; ее можно транскрибировать как *β*, если она варьируется с *b* и если в консонантной записи *kmvdzβū* (где карийский «ва» *ā* = [w]) она соответствует бете в греческой передаче *Καββαχαζβου* (название поселения недалеко от Милассы). В моих архивах, утраченных в 1974 г., были точные ссылки на источник указанного названия, но с тех пор ни Массон, ни Робер, ни я не имели возможности идентифицировать этот источник. Новые надписи из гробницы Монтузэхата как будто подтверждают наличие данной буквы: она отличается от *N* (обычного *n*): обе буквы, *И* (*β*) и *N* (*n*), могут стоять рядом в одном и том же четко написанном слове. С другой стороны, Массон показал в 1978 г. [8], что *n* может иметь как форму *N*, так и форму *И*, в зависимости от направления надписи.

там же встречается *m*, сходное с кар. *m̄*. Кар. *m̄*, кстати, восходит к **m̄i*, а кар. *λ* — к **li*)³. И, наконец, отметим еще один случай графического «неносового гласного», где мы ожидали бы носовой, — а именно в варианте *ий* слова *im̄i* «эпитафия» или «могила» (если это слово используется, то ЛИ усопшего стоит в форме possessiva на *-λ*); имеются также варианты *u, ū*, *u, m̄i*. Видимо, в слове *ий* возникла палатализация после утраты *-m-*. Судя по варианту *uma*, данное слово ранее произносилось **umwa*; это подтверждает мысль об архаичном использовании *ŷ*: знак этот мог передавать как [w], так и [ʍ], а также, наверно, [i(ʍ)w]. Кстати, в надписях на гробнице Монтуэмхата есть несколько случаев варьирования *u₁*: *ŷ* (в частности, в ЛИ *tu, ŷtū* < **Tuwa*). И последнее замечание в связи с дублетом *im̄i/ii*: может быть, наличие этого дублета (как и некоторых других дублетных написаний) отражает некоторое специфическое произнесение (вроде [iʍa]), для которого отсутствует адекватное написание (нет соответствующих букв).

В связи с ЛИ *gsanduber* или *gsand,uber* (см. выше): в надписях гробницы Монтуэмхата встречаются две очень сходные буквы — дельта (*d*) и похожая на нее буква «незамкнутая дельта»; различить их трудно. Достаточно четкий пример использования второй буквы находим в ЛИ *id, qaiw*, представленном патронимом *id, qaiwλ* (до смерти 1983 г. этот патроним транскрибировался мною как *idraipλ*, т. е. *idraibλ*, граффито № 51; копии Леклана оказались очень плохими). Рассматриваемая буква, в несколько иной форме («спираль»), встречается в эпитафиях дель Саккери⁴ и в Бухенских надписях, где она варьируется с обычной дельтой (например, в ЛИ *awder: awd,er*). В статьях, опубликованных недавно в Западной Европе (см. [9, 10]), я транскрибировал эту букву как *δ*; предпочтительнее, однако, транскрибировать ее как *d₂*: в таком случае «двойную ламбду» (регулярно варьирующуюся с *d*) можно транскрибировать как *d₂* (а не *D* или *L*), ср. «стандартное» *nd₂akū*: «южное» *ndakū* в Египте (гробница Монтуэмхата; возможно, встречалось слово *ndakū* и в Бухене, где отсутствует *d₂*).

Отмечу, что ничем не оправданную транскрипцию кар. *·, X · h* (хотя и принятую Массоном и другими) я давно уже заменил в своих западных работах на *q* (в настоящее время это словосоединительной энклитикой: кар. *-qe* < анат. **kuwa* [kwa]; мой друг и коллега Х. Айхнер пытается выяснить оттенки значения этого *-qe* во фразах, где оно используется). О происхождении кар. *·, X q*, (фонетически возможно [x^h], ср. лид. *+ = q* < **k^h*) см. в моих работах⁵.

Следует исправить *h* на *q* в МА № 10.

Следует изъять не относящиеся сюда буквы *tegu* и *C* из МА № 26.

³ Ср. основу *m̄iga* (о котором ниже), восходящую к анат. **maniqahha* «to handle, to manage»; основа ЛИ *-kūi* из анат. **Kuwan(n)iya*, как показала Нойман, представляла в южнолувийских именах на *-kūni-*; *iū* «это» восходит к хет. *anni-* < и.-е. **onjo-*; отметим типичную ассимиляцию по последнему узкому гласному в карийском; карийский possessivus и патронимический суффикс *-λ* на анат. *(a)ll-* (< и.-е. **oljo-*; ср. формально сходное образование лид. *ala* < **alo* «другой»), карийский глагол в консонантной записи *lλ-* < **lalle-* «говорит» (также в хеттском; в лидийском находим *lale-*).

⁴ Например, в патрониме *id, qaiwλ*, идентичном в генетическом отношении упомянутому выше патронимом *id, qaiwλ*.

⁵ Что касается ЛИ, включающих кар. *q*, то многие из них содержат вариант лувийской основы *kuwaya-* «пробывать в благоволенной страхе, stand in awe» (эта основа часто используется в лувийских и лидийских именах); ср. кар. ЛИ *aw-qeda* из **Awa-kuwaya-* («*Awa* — имя божества, популярного в Ликии, как показал Нойман, и в Карии (судя по многочисленности соответствующих теофорных имен), *id, qai-aw-* (*Ida* — имя божества)

Из осторожности следовало бы передавать поздний триграф «омикрон омега-омикрон» не через \dot{u} , а через \dot{u}_1 (МА 28), изъяс обозначение \dot{u} , из МА 27: оно ошибочно. Карийский вав (\dot{u}) — это прямоугольник; и и а буква — прямоугольник с вертикальной чертой внизу (а если знак перевернут — то черта вверх). Эту букву я обозначаю как \dot{i} (хотя в МА 17 из-за какой-то небрежности она обозначена через i). Замечу, что в ясных случаях \dot{i} передает звук типа [e], как, например, в ЛИ *itve-*; идентичное *Itve-* в греческих передачах карийских имен (I7, § 493); там же цитируются соответствующие лик. ЛИ, но без суф. *-we-: *iti* и *itei* § 493-1 и 2). Ср. также альтернирование *e₁ks-n* (e_1 — карийская буква «эта»); *iks-n* (об этом аккузативе см. ниже). Встает вопрос о транскрибировании знака «три вертикальные черты» (в таблице АМА он выступает как графический вариант знака *Ee'* в группе 14, что правильно). Этот знак встречается в ЛИ, которое в новых надписях из гробницы Монтуэмхата читается как (*mtm*) *èveq*, а в надписях из сев.-зап. Карики как (*eg*) *èveq* (если не *-e,veq*). С другой же стороны, этот знак варьируется с \dot{i} , если судить по архаичным граффити из Смирны, и др. (в любом случае подтверждается звуковое значение [é] знака \dot{i}).

Редкие знаки ϕ , (гробница Монтуэмхата; то же, что f в Карики?), ω (гробница Монтуэмхата), Υ (альтернирует с n) пока не рассматриваются. Чтения букв 1, 5, 6 (две буквы), 7, 8, 11, 13 (2 буквы), 14, 15, 16, 18, 19, 19a, 20, 21, 24, 26, 28, 29, 32, 33, 34, 35, 36, 38 (МА, графа 4) подтверждаются новыми данными, как, впрочем, и другие чтения, за небольшим исключением (см. выше).

Интересно отметить, что некоторые наиболее консервативные лингвисты (такие, как Г. Нойман) приняли мое чтение некоторых «трудных» карийских букв только недавно: b («перевернутая дельта») — после находки имени *gsanduber*; λ (буква θ) — после идентификации альтернирования λ : r (в ЛИ *mesnalb* = *mesnarb* и др.); i — после доказательства, что «карийская коппа» варьируется с буквами типа e (например, в *kikui* = *kekui*) и т. д. После окончательного подтверждения этих и других идентификаций мы можем считать доказанным и тезис о глубоком архаизме карийского письма, где еще живы принципы исходного семитского «консонантного» письма и где имеются архаичные формы знаков, обнаруживаемые как в северном, так и в южном семитском письме (видимо, существовал был архаичный тип семитского письма, сохранившего некоторые первоначальные формы знаков). Очень архаичны в этом отношении надписи гробницы Монтуэмхата (сегодня нам известно 70 таких надписей).

Обратимся, однако, к структуре новых надписей. Как и следовало ожидать, имеются надписи, состоящие из одного ЛИ или сочетания АВ-Л (тип: «Иван Петр-ов [сын]»; ср. аналогичное в лидийском и ликийском, а также в псидийских надписях): *gledvn* (ср. ЛИ *gle-bs* и другие имена на *-bs*); *mku,lo* (здесь отсутствует z в исходе слов; ср. «стандартные» имена на *-u,loz*, *-uloz* в других группах надписей); *gvrléu n* (ср. суффикс ЛИ *-ù n*, *-ùén*); *n,use éve-λ*, а также ЛИ *nvse*) (ср. ЛИ *nvse*, по Массону); *bvu,s born-λ*; *mku,lo dndte-λ* (см. выше).

Примеры имен из ранее известных надписей гробницы Монтуэмхата (с учетом сверки 1983 г.): *mdai* (в иных надписях, где встречается z : *mgai*); *u,dñai*; *lùlk*; *dugiula*; *gillv blobi-λ* *gilv id,qaiiv-λ*.

Естественно, в рассматриваемых граффити (на стенах, колоннах и скульптурах гробницы) не встречаются надписи иного рода, а именно, эпитафии, включающие формы типа *mtù*, *uù*, *u,mtù*, *u,ù*, значащие «стела»,

«могила» или нечто подобное и обязательно включающие имя усопшего в форме на -*λ* (= посесси).

Многие новые надписи включают уже известные глагольные формы, а именно: формы 3 л. ед. ч. на -*d* и -*t* (видимо, как и в лидийском, окончание -*d* есть ленированное окончание наст. времени при неленированном *t*; в лидийском ср. соответственно -*di* и -*ti*); окончание -*t* 3 л. ед. ч. наст. вр. (по происхождению — **hi*-спряжения), как и в других анатолийских языках, кроме лидийского; окончание -*t* 3 л. прош. вр. (ср. лик. -*te* < **-tta*, лид. -*i*; ср. кар. -*г* в Кавне) и его «вариант», а именно нуль, отсутствие окончания (как в известном глаголе *ndakū*, а также *ndaku*, «написал»). Заметим, что окончанию «окраина» карийского ареала (Север Карии; гробница Монтузмхата; Бухен на крайнем юге) соответствует окончание -*s* других групп надписей (т. е. -*t* = -*s* и т. п.). Приведем примеры новых надписей (отметим, что относительное местоимение «кто» (употребление, идентичное лидийскому *ti* «кто» в сочетаниях типа *A ti prnawate* = «А (есть тот) кто построил...») имеет в надписях из гробницы Монтузмхата вид *ūu*, тогда как в Бухене оно имеет вид *ūu*, а в других надписях *ku*; энклитика «кто» всюду имеет вид -*o*).

Важно отметить еще, что в новых надписях, как и в остальных карийских надписях, «субъектная энклитика» имеет вид -*i*, а окончание глагола 1 л. ед. ч., прош. вр. — вид -*k* (из южн.-анат. **-h̥ka*).

(1) *ūūūēn* | *ūū lo-t* «Лууен возгласил, написал (выцарапал)»; глагол *ūū*, как и *ndakū*, не имеет окончания прош. времени, которое, видимо, отпадало после долгих гласных и дифтонгов. Ср. карийскую фразу на известной надписи на цоколе статуэтки Исиды (Эрмитаж) *stra-t lo-s* «Сл(а)ра... написал / выцарапал» или под.; не исключено, что -*t* является не «субъектной энклитикой», а обычной наречной энклитикой «здесь» (ср. матерьяльные соответствия в лидийском и лидийском).

(2) *mdtogsū* | *ūū, ndakū* ... «Мдтогсу [есть тот] кто написал...». Сложное ЛИ легко анализируется: имеется ЛИ *mdto*; -*gsū* восходит к анат. ЛИ *Ḥassuwa-* (в надписях из гробницы Монтузмхата начальное *g* в слове или основе регулярно восходит к ават. **h-*, ср. *gsand-uber* из **Ḥassant(a)-uppara-*; кар. вав *ū* регулярно восходит к анат. **uwa*, ср. ЛИ *tū* из **Tuwa*, основа ЛИИ -*mū* из **-miwa* и т. п.).

(3) *dīqsū* | *reg-λ ndakū* «Диксу (или Дексу) [сын] Рега написал». Может быть, следует писать в русской передаче карийских имен *k'*, а не просто *k*, там где мы в карийском имеем *q*. Замечу, что моя старая трактовка глагола *ndakū* «написал» (точнее «процарапал, выгравировал» или под.) как *anda-kuwa-la* подтверждается как наличием других глаголов 3 л. ед. ч. прош. вр. без окончаний (см. ниже), так и тем фактом, что префикс *nda-*, *nd-*, *nda* встречается в относительно новых надписях и с другими глаголами, причем *nda-*, *nda* пишется перед согласным, а *nd-* — перед гласным.

(4) *lad ūū, dakū* | *rvlb sa-d* «Лад [есть тот], кто написал; Рвлб высекает (надпись)». Это единственный случай, где употребительный глагол «написал» не содержит начального *n-*. Довольно примитивный текст, как в этом граффито, типичен для карийских надписей гробницы Монтузмхата: подряд может идти несколько крайне лаконичных фраз с разными субъектами (ЛИ); с этим можно вполне сравнить современные граффито многочисленных не слишком образованных туристов (в Египте, например). Глагол *sa-d* известен; как я писал неоднократно, он, видимо, связан с хет. *sāi-/siya* «давливать» и др. (ср. лув. тип глаголов на -*a-*, родственных хеттским глаголам на -*ai-*; ср. многие другие лувийские черты в карийском,

например, окончание *-k* [x] из **-h(h)a*, 1 л. ед. ч. прош. вр.). Консонантная запись *rvlb* (<**raw-alb*; обе основы ЛИ известны; возможно, из **Arawa-alba*) — один из архаизмов этих надписей; ср. ЛИ *mkx*, *msvbu* (похоже, что первый компонент этого ЛИ соответствует кар. ЛИ *meseve*, второй же очень распространен: он обнаруживается в патрониме *bu,vel* от ЛИ *bu,ve*, в 1-й части имени-композиата *bu-u,s* (*u,s* — хорошо известная основа карийских ЛИ) и др.). Видимо, ЛИ *msvbu* возникло из **meseve-buve*; теоретически возможна и иная трактовка, а именно, с девадвадцатью перед *-buve* (<**Massa-Awa*, с ассимиляцией; и **Mas(s)a*, и **Awa* — известные лийско-карийские божества, или шире — южноанатолийские).

(5) *u,glolbbk iu, ndaku*, «У. [есть тот] кто написал». Обычное граффито. Видимо, существует и четвертое слово (очень нечеткая запись), а именно, патроним (возможно, *bdv-l*; структура «А кто написал В-л», т. е. тип «Иван [есть тот], кто написал, [сын] Петр-ов», встречается очень часто). В следующей фразе некоторые глаголы представлены в консонантной записи.

(6) *sdqna iu,-n | uv-i | bu,ve-l | mv-k aqko-k | gn%-k | nañikov | takov buv-l* «С. [есть тот], кто это возвещает/возглашает, сын Буве: Я...-л (и т. д.)». Большая часть надписи представляет распространенный тип фразы, состоящей из двух частей: вначале идет сообщение типа «А возглашает/возвещает», после чего — ряд глаголов 1 л. ед. ч. на *-k* < **-hha*, видимо, содержащих зарок, формулу почитания бога или под. (см. ниже). Отметим, что аккумулятивная частица *-n* «это» примыкает к местоимению «кто» (это — часто встречающаяся комбинация; в Бухене она имеет вид *iu-n*). Интересен глагол *uv-i*: с одной стороны, мы находим здесь корень, известный из позднеанатолийских языков (лий. *-iwe-* «возвещать» или под., лид. *u-*, *iwe-* «писать», по Гусмани); с другой же, находим в нем типичное карийско-лийское (шире — хетто-лувийское) окончание 3 л. ед. ч. наст. вр. *-i*.

Что же касается глаголов на *-k* в надписях подобного рода, то лишь недавно началось их систематическое изучение. Приведу несколько примеров коротких надписей, содержащих такие формы: *moi,b u,dnoi-l e,ks-n so-s sarño-k sru,o-k* (Мурвав, Нубия; публикация Жабы) «М. [сын] У. провозгласил восхваление/обет (или нечто подобное): Я...-л, я...-л». Перевод очень приблизителен, нам важно понять структуру надписи. Глагол с окончанием 3 л. ед. ч. прош. вр. *so-s* встречается в аналогичной конструкции в Абу Симбеле: *mesnarb | ravku,-l | iks-n so-s* «М. [сын] Р. возгласил обет», причем слово в вин. пад. *e,ksn* из Мурвава альтернирует с *iksn* в Абу-Симбеле (и и. -е. **iek-* «упрашивать, торжественно произносить» или **iag-* «religiös verehren?»). На севере же Карии тот же глагол имеет закономерно окончание *-t* (см. выше), например, в грамматически сходном сочетании *podr-n so-t*.

Еще одна надпись с глаголами на *-k* (заметьте, что: и | — знаки разделов) : *ravleon : ðegbs nd-akü : ik |s| -n-o | d-ü-k : iun-k* (№ 2 в моей книге (1)) «Р. [есть тот], кто [богу] Т. написал (= возгласил) восхваление/обет: Я оказал почести (?), я...-л» или что-то в этом роде⁶. Очевидно, *ðegb-*

⁶ Интересна в отношении возможного значения глаголов на *-k* надпись на ритуальной пшале, содержащая глагол *ik-k* (из **iga-hha*), видимо, связанный с хет. *iga-* «сделать, совершать [ритуал]» и т. п.: *nd, iiv-s mskzo nd,ovb-k ik-k sk-k* «С(е)нд(а) воззвал / возгласил: „О [бог] М.! Я ...-л, я соверши-л [ритуал], я ...-л!“» (отметим, что ЛИ *zend, a* (= *Σανδα*) встречается здесь в консонантной записи, как и глагол *sk-k*). Видимо, *mskzo* (<**Massa-hassü-* «Богос сын?») здесь имя бога в «окативе», как и *le,le,ki* в ряде случаев. Глагол *iiv-s* (из лий. *Beiw-* в сакральном значении?) сопоставим с *il-i* (<**iiv-*) в сходной надписи. Глагол *nd,ovb-k* (ср. тот же глагол без префикса *ovb-k*; корень

s — форма дат. падежа от имени бога *ḫegb* (ср. в Ленинградской надписи после египетской формулы «Исида, дай жизнь»: *avkañ-s* «Авкану», дат. п.).

(7) *lile,ki | msubv ið | nun-k ri-k sù.(.)-k su,b-k* «О [бог] Лелеки! М. возгласил: Я ...-л (и еще 3 формы)». Во всех случаях использования в карийских надписях слова *lile,ki* или *le,le,ki* мы, видимо, имеем дело с именем бога [ср. имя анатолийского бога *Lulahhiya*, что четко фонетически; ассимиляция типа [é — — — — é] и [é — — — — i] (по последнему гласному) в карийском обычна, ср. ЛИ *ām* < **iwēmi* (ЛИ *iwēmi* в ликийском, *Uwami* в иероглифическом лувийском); имеем соответственно *lile,ki* и *le,le,ki* < **lulahī-*]. Не исключено, что ромбообразный знак, стоящий ниже фразы «Лунуен возгласил, написал» (см. пример № 1 и выше) и выше фразы *le,le,ki dū-k* «О [бог] Лелеки! Я ...-л», объединяет обе фразы в одну: ср. ромбообразный знак, стоящий перед *lileki* в одной из граффити в Сильсиле: *lileki | stdū-n epuk stda* «О [бог] Лелеки! Эпук ...-л» (*stda* — глагол 3 л. ед. ч. без окончания, подобно *sava* или *sd,esa*; *stdū-n* — объект в вин. пад.; как я отметил более четверти века назад, сочетание *stdū-n stda*, видимо, представляет собой *figura etymologica*). Что касается глаголов на *-k*, то *nun-(k)* можно формально сравнить с лик. Б *nuni-(ti)* в сакральном тексте, а *ri-(k)* < **ariya-* — с хет. *arai-ariya-* «sich erheben». Что касается глагола *dū-(k)* «оказывать почести, чтить» в гробнице Монтуэмхата, то он идентичен выше упомянутому *dū-k*: в той же надписи имеется и *nd,akū*, с *d*, ср. вариант *ndakū*, с *d*, типичным для надписей гробницы Монтуэмхата. Не исключено, что и.-е. соответствие этого глагола — корень **du-*, **deu-* «оказывать (религиозные) почести».

Рассмотрим теперь некоторые ранее известные надписи из гробницы Монтуэмхата, но с учетом сверки существующих копий, произведенной *in situ* в 1983 и 1985 гг.

(8) *tildo ou,gou,k l. n. u,avugb-λ-o ndakū* (№ 56) «Тилдо, Оугоук, Л-н [сын] Уавугб-а [есть тот] кто (-о) написал». Как и в других случаях, глагол стоит в ед. ч., несмотря на наличие нескольких субъектов (несколько разных ЛИ указывают, что было несколько «авторов» данного граффито). Возможно, что *u,avugb-λ* — не единственный патроним, а сочетание типа А В-λ, т. е., *u,av ugб-λ* «Уав [сын] Угб-а»: ср. ЛИ *uav* (или *uave*) и *uavs*, обнаруженные в Абидосе Ж. Юайоттом.

Интересно имя *ou,gou,k*, имеющее вариант *u,gu,k* (см. ниже), а в недавно найденных надписях — еще и *ugug* (*ugug nnu-λ* «У. [сын] Н.», ср. распространенные позднеанатолийские имена вроде *Nana*, *Nanu* [7, § 1013]).

(9) *qblītn(-)t iū, ndakū ið lλ-τ | u...lλ-t | tu, sa-d | ntabl iū, dū toro-s dbon-s* (№ 59 в моей книге [1]) «О. [есть тот] кто написал; Тува сказал (это); У. говори-т; Ту(ва) высекает [надпись]; Нталб [есть тот] кто чтит (= оказывал почести)» (следуют две именные формы на *-s*, т. е., видимо, дат. пад. имени бога с эпитетом; см. ниже). Не подлежит сомнению, что надпись составлена из отдельных фраз. Особенно интересны заключительные формы на *-s*; ср. начальные формы на *-s*, видимо, с тем же значением дат. пад.

ов-) фонетически соответствует лидийскому *of-*; та же основа присутствует в аккумулятиве на *-a* — *ovta* в карийской посвятельной надписи на статуэтке льва (см. ниже); *ovta* может значить «посвящение; восхваление».

Ср. сходную надпись *evit tilaun-λ iλ-t sk-k ovb-k | kivo mğa* «Эвтут [сын] Т. возгласит: Я ...-л, я ...-л». Заметим, что кар. *k* (фонетически, видимо, [x]) восходит как к **k*, так и к **h*. В ликийском языке *x* (та же буква «кх») обычно восходит к **h*. В карийских и ликийских надписях буква *g* регулярно восходит к ленированному **h* (буква *g* передает фрикативный, а не смысловый влэарый согласный). Заключительное сочетание *kivo mğa*, видимо, — вокатив имени бога (Киво), сопровождаемого эпитетом.

ед. ч. (это поддерживается и данными анатолийских языков) в надписи на статуэтке с изображением льва («Lion»). Надпись на этой статуэтке начинается с форм на *-s*: *kivo-s mṭīega-s* «[богу] Киво» (плюс эпитет: ср. вокатив *kivo mṭīga* выше)⁷; следует конструкция *ovra ku nd₂akū* «посвящение (?) кто написал [есть]» и далее имя посвятившего. Заметим, что сочетание *ku nd₂akū* этой надписи соответствует неоднократно *ūu₁ ndakū* надписей из гробницы Монтуэмхата. Употребительный глагол *lḷ-t* «говорит», *lḷ-t* «сказал» (ср. лид. *lālē-st* «говоря» из **laliē-*, как в хеттском) представлен консонантной записью: ср. глаголы 1 л. *mṭk*, *skk*. На перстне-печати из Египта глагол *lḷ-t* следует за собственным именем.

(10) *glebs blīon-ḷ u₁gu₁k sla-ḷ lḷ-t ūu₁-n* «Глебс [сын] Блнон-а, Угук [сын] Сла [есть кто] сказал кто это (= -n)». Опять перед нами случай, когда несмотря на два субъекта предложения, глагол стоит в привычной форме ед. ч. — ЛИ *sla* идентично по происхождению лик. ЛИ *hla* < *sla*; ранее *sla-ḷ* неверно читалось как *sll-ḷ*.

Как уже говорилось, карийские граффити из гробницы Монтуэмхата представляют особую диалектную группу (в гробнице имеется несколько хронологически различных слоев карийских надписей, нанесенных друг на друга, но все эти надписи явно написаны на одном и том же диалекте). К этой диалектной группе примыкают надписи Бухена (крайний юг), Северный Кари (крайний север) и надписи на Луксорском храме, совсем недалеко от гробницы Монтуэмхата, по другую сторону Нила.

Отмеченная выше функциональная идентичность глагольного окончания *-t* в данной диалектной группе (3 л. ед. ч. прош. вр.) и *-s* в других надписях (ср. пары глаголов *so-t*: *so-s*; *lo-t*: *lo-s* и др.) представляет, возможно, и генетическое единство: $t[\text{?}]$ и $s[\text{?}]$ могут восходить к «ослабленному» **-t* (<**-ta*), преимущественно после **-a*.

Существенно различать диалектные и общекарийские черты в карийском корпусе надписей, который не так уж мал (300 надписей). Возможно, к общекарийской фонетической особенности относится переход ударного **á* в *o* в определенных позициях, например, в суф. *-o-ḷ* (ср. *-ωḷδ-*, *-oll-* в греческих передачах) из анат. **-alli-* (где *-illi-* из **li*), ср. также хет. и особенно лув. *-a-lli-* и т. д. С другой стороны, безударное **a* перешло в широкое *e* (ср. лик. *e*) в определенных позициях. Долгое **ā* перешло в *a* (как, например, в глаголе *sa-d*).

Различение ленированного *-d* и неленированного *-t* в окончаниях глаголов 3 л. ед. ч. наст. вр. (например, в *lḷ-t* «говорит» и *sa-d* «высекает» в надписях из гробницы Монтуэмхата) отсутствует в большинстве диалектов: ср. обобщенное *-d* в ряде надписей (в том числе в Кари): *slmo-d* при лик. *B slama-ti* «одаряет», «добавляет» (ср. лик. *A hlīṭmi* «даны»); *albo-d* [ср. в лик. *B* 1 л. прош. вр. *alba-xa* «(я) замолился»]; *nud₂o-d* в и т. п. (напомню, что кар. *-o-* здесь из ударного краткого **-á*)⁸.

Не является синхронно общекарийским соединитель слов — энклитика *-qe* (из анат. **-kuwa*, и.-е. **-k^we*, ср. лик. *-ke*, лид. *-k*): она, видимо, не используется в надписях из гробницы Монтуэмхата и в большинстве надписей Кари. Не исключено, что ввиду функционально сходная энклитика *-d₂* (ср. хет. *-ta* и слав. *da*), ср. одну из надписей Гусмани: *ilḷebs ko-i ado-s-d₂ qavko-s-d₂ ṽṭmū nd₂akū* «И. вызывает (?) и к А., и к К. — Н. написал

⁷ Слово *kivos* неверно читалось как *kovos*; исправление чтения и отождествление с *kivo* принадлежит И. Адниго (Барселона)

⁸ Ср. *o* < **á* в глаголе *nako-k* < *nahá-há* «я почтил» [к хет. *nāh-*, *nāhh-* «fear, be(come) respectful» (ср. эпитет *nko-ḷ* < **nāhhá-llī*, ср. хет. *nāhhant-* «respectful»)]; **ṽ* отпадает.

(это)». Здесь глагол *ko-* формально идентичен лидийскому *ko-*, переводимому очень приблизительно как «schwögen». Формы на *-s*, как я уже говорил, скорее всего представляют дат. п. ед. ч. Известна надпись, в которой пара *ado-s qavko-s* не имеет добавочных энклитик. Заметим, что в данной надписи присутствует весьма типичная заключительная фраза — предложение с иным субъектом, обозначающим, так сказать, технического исполнителя.

Отметим еще следующее отличие между карийскими надгробными надписями Египта, с одной стороны, и карийскими эпитафиями Карии, с другой. В Египте редко использовались глаголы; исключение составляли глаголы на *-k* (окончание 1 л. ед. ч. прош. вр.). В Карии же обычная структура эпитафий такая: «A (=ЛII) + глагол в 3 л. ед. ч. + формы на *-λ*» (среди них могут быть как патронимы, так и эпитеты). Приведем три примера: 1) *las / biae-segēveq-λ | nk[ο-λ](biae-s = «соорудил»⁹*, как и лид. *bi-l* в ряде случаев: это установил Гусмани); 2) *aksed₂e av-i netau-λ mavfia-λ* глагол *avī* встречается еще, 3) *sfes : sd₂esa-s : msuloz-λ nad-λ : nko-λ* [глагол *sd₂esas* бывает и без окончания: *towonu sd₂esa nk-λ iod₂ulv-λ slnko-λ-b koukove dan-s* (также эпитафия; *owo* передает редкий триграф; *-b*, возможно, энклитика; отметим и здесь наличие «заключительной фразы» с субъектом *koukove*].

Отмечу в заключение еще одну «общекарийскую особенность»: почти полное отсутствие билингв, но относительно высокий процент двуязычных «макаронических» надписей (т. е. надписей, начинающихся на языке А и кончающихся на языке Б или же начинающихся на языке А, продолжающихся на языке Б и кончающихся на языке А). К этому последнему типу относится так называемая греческо-карийская билингва; она начинается по-гречески, содержит двусловное карийское сочетание (возможно, в форме дат. п. ед. ч. на *-s*; см. выше) и оканчивается по-гречески. Известны двуязычные надписи со стандартным египетским началом (типа «Гор дай жизнь»), оканчивающиеся по-карийски. Следует признать совершенной безграмотностью включение в карийский корпус только карийских частей этих надписей, отбросив египетские, как это сделал несколько лет назад М. Майер-Брюггер [11, с. 132].

Имея в виду сказанное, мы можем теперь интерпретировать как «макароническую» надпись на двух языках (египетском и карийском) на статуэтке быка Аписа («Объект К», по Массону = № 5 в моей книге [1]). Указание на то, что карийский текст «добавлен» к египетскому, видно из карийской строки (их две) *mave,ūen slmo-d-o* «М. [есть тот] кто (= *-o*) добавил/дописал» (или: «принес в дар»). Действительно, глагол *slmo-d* точно соответствует лидийскому Б *slama-ti* (см. выше), где основа *slama-* генетически тождественна лик. А *hlīm(i)* «дань». Карийская энклитика *-o* значит «кто» [«в духе» лидийского *ti* (см. выше); это многократно подтверждено]. Есть также четкое подтверждение того, что *mavé,ūen, mavaién* — это собственное имя (ср. вариант ЛII *mavūén* и др.).

Находки новых карийских надписей, новые обобщения, новые данные малоазийских языков и ономастики позволяют значительно расширить наши знания о карийском языке и письменности. Выше была рассмотрена лишь небольшая часть собранных материалов.

⁹ Как это часто бывает в карийских надписях, здесь отсутствует объект [ср. регулярность объекта в лидийском, при глаголе *grīnawa-te* «строил» (гробницу)]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шеворошкин В. В. Исследования по дешифровке карийских надписей. М., 1965
2. Откупщиков Ю. В. Догреческий субстрат. Л., 1988. С. 187—219 и 260—261
3. Древние языки Малой Азии. М., 1980.
4. Тайны древних письмен. М., 1976.
5. Фридрих И. История письма. М., 1979.
6. Индоевропейские языки. I: Хетто-лувийские языки. Армянский язык. Индоарийские языки. М., 1976.
7. Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964.
8. Masson O. Carian inscriptions from North Sâqqara and Buhen. L., 1978.
9. Shevoroshkin V. Verbesserte Lesung von karischen Wörtern // Incontri linguistici. 1984. 9. S. 199.
10. Shevoroshkin V. Theophoric names in Carian // Onomata. 1985. 9.
11. Meier-Brügger M. Ein Buchstabenindex zu den karischen Schriftdenkmälern aus Ägypten // Kadmos. 1979 18/2

© 1991 г.

ГРИНБЕРГ Дж. Г.

ОБ УТРАТЕ ГАРМОНИИ ГЛАСНЫХ В НЕКОТОРЫХ
ЧУКОТСКО-КАМЧАТСКИХ ЯЗЫКАХ

Типология играет центральную роль в сравнительных исследованиях проф. Гамкрелидзе. При этом должное значение придается как синхроническому, так и диахроническому аспектам. Это означает, что, с одной стороны, в результате реконструкции мы стремимся получить систему, которая типологически соответствует закономерностям, наблюдаемым в зафиксированных языках, а с другой, предполагаемые изменения при переходе от праязыка к более позднему состоянию должны соответствовать универсальным диахроническим принципам, основанным на обобщении сведений о процессах языкового изменения.

В настоящем исследовании я обращусь к процессу исторического изменения системы гармонии гласных в чукотско-камчатской семье языков, расположенных в северо-восточной части Сибири. Эта система, реконструируемая для праязыка [1] и продолжающая функционировать в исходной по существу форме в чукотском и в несколько ослабленной степени в ительменском, в разных диалектах корякского языка обнаруживает ряд стадий разрушения, совершенно исчезаая в некоторых из них, в частности, в алюторском и керекском. Таким образом, это исследование демонстрирует метод, который я назвал «синтрагенетическим сравнением» (*syntragenetic comparison*), и его следовало бы продолжить на основе более широкого сравнения, использующего интрагенетический метод [2]. В таком более широком исследовании мы сравним другие исторически независимые случаи потери гармонии гласных, чтобы — по возможности — достичь более широких обобщений относительно диахронических универсалий человеческого языка.

Чукотско-камчатские языки очевидным образом распадаются на две ветви. В одну из них входят чукотский и корякский, тогда как другая состоит из ительменского. Различия внутри чукотского языка невелики, не достигают уровня диалектной дифференциации. Совсем другая ситуация в корякском, который имеет девять явно различных диалектов. В них на одном полюсе мы находим системы с полностью сохранившейся гармонией гласных (например, паланский диалект), а на другом — системы с полным отсутствием гармонии (например, керекский диалект). В данной работе не рассматривается ительменская ветвь, а анализ корякских диалектов будет ограничен теми, о которых я имею достаточно полную информацию¹.

Суть исходной системы вокалической гармонии чукотско-камчатских языков может быть кратко представлена на чукотском примере. Как можно видеть на табл. 1, гласные подразделяются на два уровня, высокий и низкий, которые будут обозначаться как I и II соответственно. Каждый

¹ Я встречал ссылки на рукописные материалы по чукотско-камчатским языкам, которые были мне недоступны. Все выводы настоящей статьи необходимо подвергнуть верификации в свете таких данных.

уровень содержит три гласных: передний, центральный и задний, они будут называться далее сериями 1, 2 и 3.

	1	2	3
I	ɪ	e	u
II	ɛ	a	o

Табл. 1. Чукотская гармония гласных

Уровни I и II часто называют слабым и сильным соответственно. Общее правило гармонии таково: если имеется хотя бы один гласный, который исходно принадлежит уровню II, он понижает гласные уровня I до соответствующих низких гласных той же серии. Как сильные, так и слабые гласные могут выступать и в основах, и во флексиях.

Из этого правила следует, что гласный, принадлежащий уровню II, не изменяется и всегда появляется в одной форме. Гласный же, который исходно принадлежит уровню I, имеет два варианта: не измененный (высокий), если отсутствует член уровня II, и измененный (пониженный), когда внутри того же слова присутствует гласный сильного (второго) уровня.

Вдобавок, все чукотско-камчатские языки имеют нейтральный гласный, краткий и неопределенный по качеству, который мы будем обозначать буквой *y*, транслитерирующей обычное орфографическое обозначение в кириллической орфографии. Его природа будет кратко обсуждена ниже.

Существо функционирования этой системы может быть проиллюстрировано несколькими примерами из чукотского языка. Слово *kupren* «сеть» содержит гласные исходного уровня I, *u* из серии 3 и *e* из серии 2. Здесь приводится форма абсолютива ед. ч. и *-n* является абсолютивным суффиксом. В инструментальном падеже основа присоединяет суф. *-te*, который также имеет исходный высокий гласный серии 2, что дает *kupre-te* «с помощью сети». Если же, однако, мы возьмем ассоциативный падеж, который образуется с помощью одновременного присоединения преф. *ge-* ~ *ga-* и суф. *-ta*, результатом будет форма *ga-kopra-ta*, в которой *-ta*, имеющий исходный низкий гласный серии 2, понижает как преф. *ge-*, так и два гласных основы до их коррелятов уровня II. Таким образом, все слова в чукотском содержат исключительно гласные уровня I или уровня II. Любой из этих типов может сопровождаться редуцированным гласным *y*.

При этом, хотя все *y* фонетически сходны, некоторые из них ведут себя как сильные гласные, тогда как другие как слабые. Это верно, по крайней мере, для чукотского. Например, аблативное окончание *-guyu* содержит только нейтральные гласные, но является сильным, что обнаруживается в том, что оно понижает исходные гласные уровня I в основе, к которой оно присоединяется: *mulger* «ружье», но *melgar-guyu* «из ружья». В словаре Богораза [3] тщательно разграничена принадлежность всех *y* к уровню I или II. Скорик [4, с. 36, примеч. 36] высказывает предположение, что «сильное» *y* является редуцированной формой сильного *a*. Согласно утверждению, которое Стебницкий делает в своем описании ительменского языка [5, с. 89], различие сильного и слабого *y* не существует в корякском и ительменском, т. е. они все являются слабыми и не имеют понижающего эффекта. В более поздних русскоязычных описаниях *y* трактовалось как нефонематический предсказуемый гласный, за исключением, возможно, чукотского. Так, *nytnut* «дом» (абсолютив ед. ч.) в чавчувенском (стандартном) диалекте корякского языка записывается

как *итт*. Без сомнения, в некоторых случаях у есть чисто переходный гласный, который позволяет избежать недопустимые консонантные кластеры, причем у может менять свою позицию в разных словоизменительных формах одного и того же слова.

Однако имеются свидетельства того, что чукотское различие существует и в коряжском. Так, чавч. *пуплут* «дом» имеет во мн. числе форму *пуплут-и*, в то время как *wytwyt* «лист» — *wytwyt-o* [8, 71], и это полностью согласуется с данными чукотского словаря Богораза. Это, безусловно, интересный вопрос, но мы не будем детально рассматривать его здесь.

Обратимся теперь к коряжскому. Стебницкий [8, с. 292] был, очевидно, первым, кто перечислил коряжские диалекты. Делая это, он расклассифицировал их согласно некоторым фонетическим различиям, среди которых важнейшим было то, что одни диалекты в определенных случаях используют *a*, тогда как другие используют *e*. Это различие фигурировало во всех последующих обсуждениях коряжской диалектной классификации. Эти диалекты называются «акающие» и «экающие» соответственно, причем «аканье», в противовес «эканью», рассматривается как показатель частичного или полного разрушения системы вокалтической гармонии. Однако процесс утраты этой системы в целом слишком сложен, чтобы его можно было представить таким способом, что, как я думаю, все понимают. Сам Стебницкий отмечал, что некоторые диалекты имеют более широкую область аканья, чем другие.

В исходном разделении, предложенном в вышеуказанном труде, в качестве условного наименования для экающих диалектов используется «западные», а для акающих — «восточные». Следует заметить, что Стебницкий не пожелал произвести атрибуцию чавчувенского диалекта, на котором говорит, по-видимому, более половины коряжков во всех частях коряжской территории. Он также не включил в свою таблицу керекский диалект, на котором говорят на крайнем северо-востоке, ввиду отсутствия информации о нем. Этот диалект явно принадлежит к акающей группе, поэтому я, воспроизводя ниже таблицу Стебницкого, включил в нее указанный диалект. После этой модификации мы получаем следующее подразделение коряжских диалектов (табл. 2):

Западные (e)	Восточные (a)
1. палаский	4. (керекский)
2. паренский	5. алюторский
3. иткайский	6. карагинский (с влиянием e)
	7. апукинский
	8. камешкий
	9. чавчувенский (без атрибуции)

Табл. 2. Коряжское диалектное членение

Членение на западную и восточную группы по географическому признаку может быть с равным основанием охарактеризовано как членение на южную и северную группы. Относительное географическое расположение диалектов схематически представлено на табл. 3.

		керекский
		апукинский
иткайский	каменский	алюторский
	паренский	
	палаский	карагинский

Табл. 3. Коряжские диалекты

Классификация корякских диалектов на *e*-тип и *a*-тип предлагается также Жуковой [9, с. 292]. Она соответствует классификации Стебницкого за исключением того, что чавчувенский рассматривается как *e*-диалект, а карагинский — как *e*-диалект с сильным влиянием *a*-типа (а не как *a*-диалект с *e*-влиянием). Алюторский и керекский, которые, безусловно, относятся к *a*-диалектам, не рассматриваются; вероятно, это объясняется тем, что Жукова считает их отдельными языками, а не просто диалектами корякского.

В тексте данной статьи я буду обращаться к следующим пяти корякским диалектам, для которых имеются представительные опубликованные данные. Это паланский, чавчувенский, каменский, алюторский и керекский. Они расположены в порядке, который позволяет проиллюстрировать процесс утраты системы вокалической гармонии, таким образом, наиболее консервативный идет первым, а наименее консервативный последним.

Прежде чем входить в детали по каждому из этих диалектов, мы введем модифицированную форму табл. 1, снабженную дополнительными пометами, позволяющими различать случаи, когда гласный имеет несколько разных функций в системе вокалической гармонии (см. табл. 4).

I	i	e ¹	u
II	e ² , e ¹⁻²	a	o ² , o ¹⁻²

Табл. 4. Чукотско-камчатская гармония гласных

Эта нотация может быть проиллюстрирована примерами из чукотского языка. Начнем с трех разновидностей *e*. Например, *e* в *penin* «бывший» есть *e*¹, поскольку принадлежит к множеству I и гармонирует с *i* того же слова, которое также есть гласный уровня I. В *pelatyk* «оставаться» *e* первого слога есть *e*², поскольку оно принадлежит исходно уровню II и никогда не изменяется. В *n-ot-qen* «горячий» *e* есть *e*¹⁻², поскольку *qen* представляет собой пониженный вариант адъективного суф. *qin*, выступающий в соседстве с основой *-ot*, которая в изолированном виде представлена в абсолютной форме существительного *otot* «жара». Гласный *o* из *n-ot-qen* есть, разумеется, *o*². Пример для *o*¹⁻² находим в *torgynap* «нами», где *o* является пониженным вариантом исходного *u*, который можно видеть в *turi* «мы» (понижение обусловлено исходным *a* конечного слога).

Паланский диалект, детально описанный в [10], имеет систему гармонии гласных, по существу подобную чукотской, т. е. представляет начальную стадию корякской системы гармонии, которая совпадает с прачукотско-камчатской. Однако даже паланский диалект, если его сравнивать с чукотским языком, обнаруживает легкую тенденцию к «аканью». В частности, преф. *qaj-* «маленький, детеныш животного» зафиксирован только в этом виде — в отличие от чукот. *qej-* ~ *qaj-*. Так, форма *qaj-ti¹myng* «детеныш орла» нарушает гармонию гласных — ожидаемой формой является *qej-ti¹myng* [10, с. 38]. Некоторые примеры из паренского диалекта, приводимые Богоразом [11] и Стебницким [8], дают основания предполагать, что этот диалект также консервативен и представляет ту же стадию, что паланский.

Вторым мы рассмотрим чавчувенский диалект, который составляет основу корякского литературного языка. Он описан весьма полно как в отношении грамматики [12], так и отношении словаря [6, 7]. Как отмечалось выше, Стебницкий, разделяя корякские диалекты на акающие и экающие, не отнес чавчувенский ни к одной из групп.

Релевантной характеристикой чавчувенского в отношении гармонии

гласных является то, что система как таковая функционирует почти без исключений. Однако имеются свидетельства важных модификаций исходной системы. Наиболее очевидное из них — это то, что в значительном числе основ чавчувенский обнаруживает *a* на месте чукотского *e*¹. В качестве примеров можно привести чавч. *alak* «летом» (чукот. *elek*), *akyk* «сын» (чукот. *ekyk*) и *achaŋ* «жир» (чукот. *echyn*). В то же время имеются случаи типа чавчувенского *wefet* «река» (чукот. *wefet*), в которых сдвига в *a* не происходит. Изменение *e*¹ > *a* обычно не наблюдается в словах, которые одновременно имеют *i* или *u*, так что нарушения гармонии гласных немногочисленны. Например, в чавчувенском *ejuk* «оживать» (неперех.) начальное *e*¹ не изменяется, равно как и в *penin* «прежний» (чукот. *penin*).

Далее, *e*² никогда не изменяется, что можно видеть на примерах *metyl* «тюлень» (чукот. *metyl*) и *tefetej* «слезы» (чукот. *tefeter*). Чередование *i* ~ *e* в первой серии имеет силу за несколькими исключениями, которые будут обсуждены. Так, имеется суф. адъективации *-kin* ~ *-ken*: *tuqe-kin* «дождевой», *apo-ken* «весенний». Этот и другие примеры показывают, что *e*¹⁻² не переходит в *a*. Мы уже видели ранее, что *e*² также не переходит в *a*. Следовательно, мы можем сказать, что чавчувенское аканье ограничено изменением *e*¹ > *a*, и даже здесь оно происходит не во всех случаях. Поскольку *e*¹ есть как раз то *e*, которое чередуется с *a*, это означает, что мы имеем здесь пример «лексической диффузии», т. е. аналогичных изменений, вследствие которых в составе некоторых морфем алломорфы с *e*¹ заменяются алломорфами с *a*. Ни одна из этих основ не содержит *i* или *u*.

Картина усложняется тем, что в некоторых случаях при наличии морфемных границ наблюдается нарушение гармонии. В частности, несколько исходно высоких префиксов, которые должны были бы иметь низкие варианты, полностью обобщили один из вариантов и используют его и в тех случаях, когда это нарушает гармонию гласных. Одним из примеров является диминутивный преф. *qaj-*, который, как мы уже отмечали при обсуждении паланского диалекта, имеет фиксированную форму.

В дополнение к нескольким другим случаям замены *e*¹ на *a* при наличии морфемных границ, например, в наречии *niki-ta* «ночью» (ср. чукот. *niki-te*), мы наблюдаем спорадическое появление адъективизирующего форманта в виде *-kin* вместо ожидаемого *-ken*, содержащего *e*¹⁻². В чавчувенских словарях Жуковой и Корсакова мы находим *ala-kin* «летний» (производное от *ala-al* «лето») вместо ожидаемого **alaken*. Поскольку *ala-* само возникло как результат аканья из *ele-*, возможно, что *-kin* сохранилось из более ранней формы **elekin*. Наблюдается также тенденция к генерализации диминутивного суф. *-pil* ~ *-pel* в форме *-pil* в нарушение гармонии гласных, например, в *wajat-pil* «ручей». Здесь снова *-pil* может быть пережиточной формой. Однако, как отмечалось выше, чавчувенское слово для «река» есть *wefet*, а не *wajat*, которое могло бы получиться в результате аканья, так что этот случай вызывает удивление.

Параллельная тенденция к вытеснению *o*¹⁻² альтернатом *u* обнаруживается в суф. *-thol* ~ *-thul* «кусок, особенно мяса животного». Обычно он подчиняется гармонии, например, *qoja-thol* «мясо оленя», однако у Корсакова и Жуковой мы находим *kajngy-thul* (у Корсакова *kajngy-t'ul*) «мясо медведя» от *kajngy-n* «медведь». Поскольку это пример аканья (ср. чукот. *kejngyn*), мы снова наблюдаем сохранение исторической формы при наличии морфемной границы. Важно, однако, что во всех этих случаях *e*¹, которое чередуется с *a*, переходит в *a*, тогда как *e*¹⁻², которое череду-

ется с i , переходит в i (и никогда в a), и что имеется тенденция к замене o^{1-2} альтернантом u .

Следующий диалект, каменский, как мы видели, классифицируется Стебницким как акающий. Он лежит в основе корякского описания Богораза [11]. Прежде всего нужно отметить, что переход $e^1 > a$ осуществляется даже в тех словах, которые содержат i или u , так что a по существу становится нейтральным гласным. Таким образом, мы имеем не только *wajat* «река», но и *nutanut* «земля» (ср. чавч. и чукот. *nutenut*) и *jingajkin* «летит, парит» (ср. чукот. *ringerkin*).

Однако e сохраняется как часть вокалической системы. Так, слово «слезы» выступает в форме *mejemej* (ср. чавч. *mejemej*, чукот. *meremer*), содержащей e^2 . Чередования $i \sim e$ (с e^{1-2}) и $u \sim o$ (с o^{1-2}) продолжают существовать, так что система гармонии гласных сохраняется, и фонетически наряду с редуцированным y имеется пять гласных. Например, глагол «сказать», имеющий алломорфы $iw \sim ew$ в чукотском и чавчуевском, в каменском также обнаруживает вариант с e : *ewang* «он/она говорит». Аналогично основа *nutanut* «земля» имеет вариант с o : *janja-notalo* «чужеземцы». При наличии морфемных границ можно ожидать нарушений гармонии, которые уже отмечались в чавчуевском и даже в паланском, т. е. случаев, когда вместо e^{1-2} выступает i , а вместо o^{1-2} — u . Примером может служить *ngawan-pil* «маленькая женщина» (ср. чавч. *ngawychngyn* «женщина»). Эти отклонения от базисных форм, представленных в чукотском, тщательно описаны Богоразом [13, с. 671—672]. По большей части оказывается, что исходное a требует понижения i в e , тогда как a , возникающее в результате аканья, его не требует, но это различие разрушается. Детали еще предстоит изучить специально. Такие исторически мотивированные различия, разумеется, плохо сохраняются, и ясно, что i и u предпочтительнее, чем e и o .

Этот процесс зашел еще дальше в алюторском. Здесь вдобавок к полному осуществлению изменения $e^1 > a$ мы обнаруживаем переходы $e^{1-2} > i$ и $o^{1-2} > u$. Например, аффикс двойственного числа после консонантных основ, который соответствует чукотскому плюрализатору $ti \sim te$, выступает всегда как $-ti$, а эссивный показатель представлен всегда в виде $-u$ после согласных и $-ni$ после гласных, что соответствует чукотским $u \sim o$ и $ni \sim no$.

Вдобавок e^2 превратилось в i , например, в *itgatyk* «смеркаться» (ср. палан. *ergatyk*), а o^2 превратилось в u , например, в *susmavyk* «приготовиться» (ср. палан. *chochmavyk*). Если бы этими изменениями все и ограничивалось, то алюторский не только совершенно утратил бы систему вокалической гармонии (что и есть в действительности), но и исходная пятичленная система гласных a, e, i, o, u сократилась бы до трехчленной a, i, u .

В очерке «Алюторский язык» Жуковой [14] говорится, что имеются лишь три гласных фонемы, которые она записывает как $a, i (e)$ и $u (o)$. Природа предположительно нефонематических вариантов e и o не обсуждается. Я предполагаю, что основой для трактовки e и o как нефонематических вариантов является весьма вероятное отсутствие минимальных контрастов между e и i, o и u .

Как видно из форм, приводимых как в данной работе Жуковой, так и в приложении к ее паланской грамматике, которая содержит списки слов двух алюторских поддиалектов, o и e встречаются, хотя и нечасто. Эти случаи ограничены, однако, определенного типа словами.

Более раннее описание Стебницкого [15] ясно показывает, что эти случаи имеют специфическое историческое происхождение, а именно, они

обусловлены стяжением дифтонгов $e < aj$, $o < aw$, ew . В аляторских словарях Жуковой [10] имеется, разумеется, несколько примеров с e и o , и они подтверждают предположение Стебницкого о дифтонгическом происхождении этих звуков. В числе примеров есть *mengatyk* «расти» (палан. *mejngatyk*) и *tekyk* «делать» (палан. *tejkyk*). Учитывая аляторское аканье, следовало бы ожидать формы типа *majngatyk*. Русское заимствование чайник подверглось тому же изменению, дав в аляторском *senik*. Примеры аляторского o : *wil-lotu* «головы кислой рыбы» (палан. *wil-lewtu*) и *ojen* «пастбище» (чавч. *aw?jenu*). Вторая часть приведенных сложных слов является общей для чукотского и корякского и восходит к *lewt ~ lawt*, что видно по чукотскому языку [16].

В некоторых источниках (например, в [1]) в аляторском записывается вообще o на месте u , а Стебницкий записывает непоследовательно *tatul* и *tatul* «лиса». Имеются некоторые признаки того, что этот гласный по качеству занимает промежуточное положение. Таков ли относительно редкий o , возникший из стяжения, из наших источников заключить трудно.

В целом мы находим, что аляторский редуцировал пятичленную вокалическую систему до трех гласных с потерей гармонии и что пробелы между a и i , a и u были заполнены в результате стяжения дифтонгов в e и o . Вдобавок к этому источнику имеются русские заимствования типа *krovat* «кровать», однако во многих (более старых?) русских заимствованиях o заменено на u , а e — на i ; ср. *su^l* «соль» и *qlipra* «хлеб».

Если не считать изолированных сведений из других источников, мое знание керекского основано на работе Скорика [17]. В нем, кроме редуцированного u , имеется лишь три гласных a , i и u , а гармония гласных совершенно отсутствует. Все изменения, которые отмечены в аляторском, могут легко быть проиллюстрированы и на керекском материале. Так, $e^1 > a$ в *akkanga* «сын»; $e^2 > i$ в *kyttil* «лоб» (ср. чавч. *kyccel* с e^2 , приводимое в [6, с. 120]); $e^{1-2} > i$ в *mimlynga* «вода» (ср. чавч. *mimyl ~ memyl*); $o^2 > u$ в *fajul* «лиса»; $o^{1-2} > u$ в суф. *-thul ~ -thol* «кусоч, мясо, животного», например, в *qujathul* «мясо оленя», где первое u из o^2 , а второе из o^{1-2} .

В отличие от аляторского, здесь не возникает проблем относительно появления e и o из дифтонгов, что подтверждается керекским *kajngyn* «медведь» (ср. алят. *kengyn*, чавч. *kajngyn*).

Развитие, в результате которого в корякских диалектах пятичленная система гласных редуцировалась до трехчленной, а гармония гласных утратилась, можно рассматривать в двух аспектах. Один из них — это как бы телеологичность развития: конечный результат, который наиболее ясно представлен в керекском, это наиболее распространенная в языках мира трехчленная вокалическая система, содержащая a , i , u . Второй — это то, что e , играющее двойную роль в системе, принадлежа серия 1, переходит в i , а принадлежа серия 2, в a . Это означает, что звуковые изменения в действительности являются примерами морфологической аналогии, что мы особенно ясно видим в чавчуевском диалекте, где работает лексическая диффузия. Более того, как кажется, эти изменения следуют в определенном порядке, а именно, $e^1 > a$, $e^2 > i$ и $o^2 > u$.

Единственная проблема состоит в необходимости предположить, что три рода e , (e^2 , e^1 , e^{1-2}) фонетически идентичны, равно как и два рода o , а именно, o^2 и o^{1-2} . Если они фонетически не тождественны, тогда они очевидным образом могут подвергаться разным изменениям, хотя даже в этом случае «телеологическое» происхождение трехчленной системы гласных остается в силе.

На в одном из описаний корякского языка я не нашел какого-либо упоминания о фонетических различиях между морфологически разными формами одного и того же гласного. Необходимо отметить, что, как следует из всех фонетических описаний, *e* с его двойным статусом в системе фонетически является передним гласным, а не центральным.

В чукотском, возможно, имеет место иная ситуация. Богораз [16, с. 12] утверждает, что две формы *e*, которые он символизирует по-разному, являются «приблизительно одинаковыми», а в своем словаре он просто говорит, что они обе проносятся как русское *e*.

В книге Скорика [4, с. 23] имеется интересное описание пар аллофонов *e* и *o*, которое опирается на их роль в системе гармонии гласных. Знак *e* в этой работе используется как для более высокого и переднего варианта, подобного начальному гласному в русском *этот*, который представляет e^1 и e^{1-2} , так и для более открытого варианта, подобного гласному в русском *это*, который представляет e^2 . Сходным образом *o* имеет передний и высокий вариант, представляющий o^{1-2} , и низкий задний вариант, представляющий o^2 , которые, конечно, никогда не чередуются морфофонематически.

Однако даже если пракоорякский имел такие варианты, они вели себя неодинаково при изменении системы гласных. Передний вариант *e* (по Скорика) представляет как e^1 , которое в корякских диалектах перешло в *a*, так и e^{1-2} , которое превратилось в *i*, тогда как низкий вариант e^2 также превратился в *i*. Что касается *o*, то оба варианта в конечном итоге перешли в *u*. Конечно, желательно получить гораздо больше фонетических, особенно инструментальных, данных обо всей чукотско-камчатской языковой группе. Возможно, такие данные существуют, но не были доступны мне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головастиков А. Н., Долгопольский А. Б. Реконструкция чукотско-корякских корней и ностратические этимологии // Конф. по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков: Предварительные материалы. Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР. М., 1972.
2. Greenberg J. G. Some methods of dynamic comparison in linguistics // Substance and structure of language / Ed. by Puhvel J. Berkeley; Los Angeles, 1969.
3. Богораз В. Г. Луорветланско-русский (чукотско-русский) словарь. Л.; М., 1937
4. Скорик П. Я. Грамматика чукотского языка. Т. 1. М., 1961.
5. Стебницкий С. Н. Ительменский язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. III. Л.; М., 1934.
6. Корсаков Г. М. Нымыланско (корякско)-русский словарь. М., 1939.
7. Жукова А. Н. Русско-корякский словарь. М., 1967.
8. Стебницкий С. Н. Основные фонетические различия диалектов нымыланского (корякского) языка // Памяти В. Г. Богораз (1865—1936). Л.; М., 1937.
9. Жукова А. Н. Корякский язык // Языки народов СССР. Т. 5. М., 1968.
10. Жукова А. Н. Язык паланских коряков. Л., 1980.
11. Bogoras W. Koryak texts // Publication of American ethnological society. V. 5. Leyden, 1917.
12. Жукова А. Н. Грамматика корякского языка. Л., 1972.
13. Bogoras W. Chukchi // Handbook of American Indian languages. Pt II. Washington, 1922.
14. Жукова А. Н. Алюторский язык // Языки народов СССР. Т. 5. М., 1968.
15. Стебницкий С. Н. Алюторский диалект нымыланского (корякского) языка // Советский Север. 1938. 1.
16. Богораз В. Г. Луорветланский (чукотский) язык // Языки и письменность народов Севера. М.; Л., 1934.
17. Скорик П. Я. Керекский язык // Языки народов СССР. Т. 5. М., 1968.

Перевел с английского Кодавас С. В

© 1991 г.

ПЮРБЕЕВ Г. Ц.

К ТИПОЛОГИИ РАЗВИТИЯ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Для решения проблем сравнительно-исторической грамматики монгольских языков, разработки вопросов формирования литературных языков, установления преемственности в их развитии и определения инноваций исключительно важное значение имеет всестороннее изучение разных в хронологическом и жанровом отношении старописьменных текстов. Благодаря трудам Б. Я. Владимирцова, Ц. Жамцарано, С. А. Козина, Н. П. Шастиной, Ц. Дамдинсүрэна, П. Пеллио, А. Мостэра, Ф. Клявза и других выдающихся ученых, заложивших основы источниковедения и монгольской палеографии, современная монголистика располагает богатым и ценным опытом историко-филологического анализа летописных сочинений, относящихся ко всем периодам развития письменного монгольского языка [1]. Особенно хорошо исследован язык таких крупных исторических хроник и литературных памятников, как «Сокровенное сказание монголов» (XIII в.) и «Алтан тобчи» (XVII в.). Кроме специальных монографических работ Джона Стрита [2] и М. Н. Орловской [3], существует немало публикаций, посвященных лингвистическим аспектам указанных летописей, в частности фонетическим, лексическим, грамматическим, а также этимологии и семантике некоторых терминов и устойчивых фраз. Об этом свидетельствуют, например, статьи Э. Хениша [4], А. Мостэра [5], П. Пеллио [6], М. Н. Орловской [7], М. Гаадамба [8]; см. также [9] и др.

В языковом отношении большой интерес представляет синтаксис древних текстов, данные которых, по мнению Г. Дёрфера [10], позволяют говорить о закономерных сдвигах, происшедших в структуре словосочетания и предложения монгольских языков. Здесь следует отметить, что абсолютное большинство исследований по вопросам так называемого «малого» синтаксиса построено на материале современных литературных языков: халха-монгольского, бурятского, калмыцкого и внутренимонгольского. Синтаксис же словосочетаний бесписьменных монгольских языков — баоаньского, дунсянского, монгорского и др. — охарактеризован пока в самом общем виде, вследствие чего область словосочетаний продолжает оставаться в монголоведении актуальной, особенно с точки зрения историко-сравнительного изучения. Именно поэтому наши наблюдения над процессами изменений монгольского синтаксиса ограничиваются в данной статье рамками словосочетания.

Сопоставление материала письменных памятников с соответствующими фактами живых монгольских языков и диалектов дает возможность наметить некоторые тенденции в развитии словосочетаний, выявить индивидуальные черты в их строении и характере употребления. На основании анализа конкретного материала можно констатировать, что монгольские языки, обладая большим единообразием в отношении моделей сло-

восочетаний, их набора и построения, в то же время во многих случаях расходятся друг с другом. Дивергентные процессы в системе словосочетаний монгольских языков обусловлены, с одной стороны, особенностями внутреннего развития грамматической системы каждого из родственных языков, а с другой, — культурно-историческими условиями их эволюции, инновациями, возникшими на почве неоднородного характера языковых контактов. Дифференциация моделей словосочетаний в родственных языках объясняется также количественными расхождениями в морфологических средствах их выражения, различным синтаксическим использованием именных и глагольных форм.

К числу важнейших факторов, повлиявших на характер изменений в системе словосочетаний монгольских языков, на наш взгляд, необходимо отнести: 1) полный или частичный выход из употребления некоторых моделей в связи с архаизацией отдельных словоформ, а также утратой явления согласования; 2) перестройку грамматической структуры словосочетаний ввиду изменения прежних синтаксических связей имен и глаголов; 3) интенсивный рост продуктивности одних конструкций и спад в употреблении других, вызванные определенными колебаниями социальных потребностей в том или ином способе синтаксической номинации; 4) расширение или, наоборот, сужение валентности лексем и появление словосочетаний-неологизмов под влиянием контактов с иносистемными языками и в результате билингвизма.

Переходя к историко-сравнительному описанию языковых фактов, подтверждающих реальность отмеченных выше явлений, целесообразно прежде всего остановиться на характеристике тех моделей словосочетаний, структура которых подверглась вполне определенным модификациям и которые, не будучи универсальными, представлены в нескольких или отдельных монгольских языках, как письменных, так и бесписьменных.

Изменения в системе атрибутивных словосочетаний. Известно, что словосочетания с определительно-притяжательными местоимениями 3 л. ед. и мн. числа, выражающие отношения принадлежности, встречаются исключительно в памятниках среднемонгольского языка: *ани уруг* [11, § 165] «их род» *ино иркен* [11, § 208] «его люди, народ», *ани батысан* [12] «их город». После XIV в. указанные местоимения потеряли способность выступать в препозиции к определяемому имени и, лишившись статуса самостоятельных слов, превратились в постпозитивные частицы субъектного притяжания со значением «его, ее, их». Из современных монгольских языков только дагурский продолжает удерживать словосочетания с притяжательными местоимениями 3 л., например: *ānī tar'a* «их поля», *ānī nīrd* «его (ее) спина» [13].

В ходе развития монгольских языков вышли из употребления словосочетания с формами причастия буд. времени на *-gun / -kun*, характерные в основном для памятников среднемонгольского языка XIII—XIV вв. В текстах на классическом монгольском они встречаются реже и причём в более ранних сочинениях. Ср., например: ср.-монг. *čerik qarqaquun medeki čerbi* [11, § 233] «чербий, ведающий выделением войск», *niken ūqun usun* [14, с. 85] «один глоток воды», классич. *qadquldaqun edür* [15, 1, с. 138] «день сражения», *irekün arad* [15, 1, с. 152] «араты, которые придут».

Ограниченность словосочетаний с причастием на *-gun / -kun* в монгольских памятниках XVII в. можно объяснить утратой согласования в числе указанной причастной формы с определяемым словом, — явления,

весьма показательного для текстов более древней поры [3, с. 114]. На угасание данного типа словосочетаний повлияло также и то, что причастие на *-qin / -kun*, перестав употребляться в атрибутивной функции, перешло на обслуживание сказуемого [7].

Не сохранились в современных монгольских языках и словосочетания с формами причастия буд. времени на *-qui / -kui*, которые имеют место в среднемонгольском, классическом монгольском (включая старобурятские тексты), а также в ойратском письменном и старокалмыцком языках: *dülqaiqui iarlīg* [16, с. 34] «ярлык для всеобщего оглашения», *ülü širkekui idee* [11, § 201] «несваримая пища», *andačilaqui üge* [15, I, с. 64] «слова побратимства», *ködölküi šüdü* [17, с. 57] «шатающийся зуб», *quilyalaxui āya* [18, с. 113] «чаша для сбора подаяния».

Архаизация и последующая субстантивация причастий с суффиксами *-qui, -kui* привели к разрушению словосочетаний, построенных с их участием, и к устранению их из синтаксической системы современных монгольских языков и диалектов. В современном монгольском литературном языке бывшие причастия на *-qui / -kui* стали осмысливаться как абстрактные существительные старокнижного происхождения, например: *ᠮᠠᠨᠠᠯᠠᠭᠤ* (ср. *ангила*) «классификация», *ᠰᠡᠮᠡᠭᠦ* «мышление» [19].

В современных монгольских языках словосочетания с качественными прилагательными, образованными посредством суф. *-tan / -ten*, почти сошли на нет, если не считать традиционных, к тому же единичных примеров типа: монг. *хоротон араатан* «хищные звери», *өстөн дайсан* «ненавистный враг», *хэрэгтэн этгээд* «преступный элемент»; бурят. *арьятан амитан* «хищное животное», калм. *хумстн ац* «когтистый зверь». Словосочетания этого типа употребляются в самых разных памятниках, особенно ранних: ср.-монг. *itekellen haran* [11, § 149] «надежный, вызывающий доверие народ», классич. *serelten irgen* [15, I, с. 130] «осторожные, бдительные люди», ойрат. *erketen kiyandar* [20, с. 44] «наделенные властью телохранители, пажи».

Утрата прилагательных на *-tan / -ten* объясняется двумя причинами. Во-первых, тем, что при указании на признак или качество они постоянно перекрещивались с синонимичными прилагательными на *-tu / -tü* и *-tai / -tei*, которые со временем полностью вытеснили их из сферы словосочетаний. О существовании прилагательных на *-tan / -ten* и прилагательных на *-tu / -tü* свидетельствуют такие факты, когда рядом употребляются обе формы. Приведем пример из «Алтан тобчи», где на одной и той же странице встречаются словосочетания *qoortan dayisun* «злой, коварный враг» и *qoortu moyai* «ядовитая змея» [15, I, с. 76]. Во-вторых, суф. *-tan / -ten* со временем лишился функции показателя мн. числа прилагательных, что естественно привело их к субстантивации, в результате чего данный показатель стал выражать собирательное значение [21—23]: монг. *сэгээтэн* «интеллигенция», *сүсээтэн* «верующие», бурят. *изагууртан* «1) родовитые, знатные; 2) род, знать», калм. *жуэртн* «пернатые».

Если в памятниках среднемонгольского языка явление согласования различных видов определений (местоименных, качественных, причастных) носило более или менее регулярный характер, то в текстах на классическом монгольском и ойратском письменном языках оно стало быстро исчезать, встречаясь спорадически в составе некоторых атрибутивно-именных словосочетаний: ср.-монг. *ede doйдid* [16, с. 91] «эти буддисты-даосцы», *usutan muret* [11, § 270] «многоводные реки», *teliekset köüt* [11, § 74] «вскормленные чада», классич. *tede merkid* [15, I, с. 52] «те меркиты», *ülegsed čerigüd* [15, II, с. 73] «оставшиеся войска», ойрат. *tede urud sadan*

ногюуд [17, с. 104] «те родственники». В виде синтаксических архаизмов и древних реликтов согласование наблюдается в бурятском, монгольском, дагурском и дунсянском, в частности в словосочетаниях с указательноместноименными определениями. Ср.: монг. *эдгээр ажлууд* «эти работы», *тэдгээр гүжүүс* «те люди», бурят. *тэдэ удэрнууд* «те дни», *шимэнууд үгэнууд* «такие слова». В некоторых говорах бурятского языка (хоринском, агинском, качугском) сохраняется такое пережиточное, аномальное явление, как согласование качественных прилагательных [24, 25], которые в условиях национально-русского двуязычия бурят получает импульс к возрождению и развитию на почве литературного языка: *томоууд нюдэд* «большие глаза», *сагаанууд хонид* «белые овцы», *заримад шубууд* «некоторые птицы» [26].

Употребление определяемого имени во мн. числе при количественном определении было широко развито в языке монгольских письменных памятников доклассического периода: ср.-монг. *qūcin emes* [11, § 124] «тридцать женщин», *dalan toqoot* [11, § 129] «семьдесят котлов», *dolan öbüget* [14, с. 143] «семь старцев». В памятниках классического монгольского языка, а тем более в ойратском письменном, старобурятских и старокалмыцких текстах указанный выше грамматический прием связи членов количественно-определятельных словосочетаний встречается лишь изредка и скорее как дань традиции: *qoyar tümen čerig-üd* [15, II, с. 57] «два тумена войск», *doluγan od* [15, II, с. 85] «семь лет», *γurban erdenis* [27, с. 371] «три драгоценности», *γurban nöküđ* [18, с. 153] «три товараща».

Что касается современных литературных монгольских языков, особенно бурятского и калмыцкого, то в них определяемое имя при наличии количественного определения может допускать оформление во мн. числе. Так, в калмыцком языке определяемое существительное может употребляться как в ед., так и во мн. числе, если между ним и определением-числительным имеется другое определение, выраженное прилагательным: *хүрэн сэгэлн күүкн* (күүкд) «три красивые девушки», *миңһн цаһан хөн* (хөд) «тысяча белых овец». В бурятском литературном языке в словосочетаниях с количественным числительным определяемое существительное нередко выступает с формантом мн. числа: *хоёр хүбүүд* «двое ребят», *мянган боти номууд* «тысяча томов книг» [28].

Как известно, монгольские числительные с конечным -н, находясь в позиции определения, как правило, сохраняют его. Однако в языке «Мукаддимат ал-Адаб», отражающем фонетические особенности средневековой монгольской речи, иногда наблюдается его опущение: *yisü nasu-tu tetēn* [14, с. 391] «девятилетний верблюд». Подобное явление имеет место в бурятских словосочетаниях *хори наһатай басаган* «девушка двадцати лет», *гурба линейнэ винтовко* «трехлинейная винтовка», *гуша бухал* «тридцать копен».

В хорчинском говоре языка монголов Внутренней Монголии отмечены случаи, когда перед числительным *јүс(ен)* «девять» предшествующее ему числительное утрачивает конечный -н [29, с. 34]: *гушин тав* «тридцать пять», но *гуш јүс*. Количественное определение, как все другие виды определений, в монгольских языках всегда предшествует определяемому. Эта общая закономерность нарушается лишь в словосочетаниях изолированных, или «островных», монгольских языков. Так, в баоаньском и монгорском языках, распространенных на территории КНР, определено- и неопределенно-количественные числительные, употребляясь в функции определения, занимают постпозицию [30, с. 122]: бао. *хонэ тавараң*

«пятьдесят овец», *шу олоң* «много книг», монгол. *абур гурбаң* «три дочери», *чиге ниге* «один цветок».

Обращает внимание тот факт, что в памятниках среднемонгольского и классического монгольского языков встречаются словосочетания с семантикой «целое — часть», в которых зависимый компонент, обозначающий весь предмет, оформляется двумя разными суффиксами род. падежа — *-in* и *-un / -ün*. Ср.: *emēlin* и *emēlün büürge* [14, с. 154] «лука седла», *čadar-n qatasun* «кол шатра» и *čadarun dēsün* [14, с. 130] «веревка шатра». Аналогичные явления наблюдаются также в ойратских и старокалмыцких текстах. Ср.: *uuliyin oroï* [18, с. 33] и *uulān orgil* [18, с. 35] «вершина горы». Судя по данным современного калмыцкого языка, во втором из приведенных синонимических словосочетаний оформление существительного суф. род. падежа *-ān* носит диалектный характер. В старобурятских текстах на классическом монгольском языке в словосочетаниях данного типа имя в род. падеже, передающее значение целого, после основы, оканчивающейся на гласный, принимает падежный показатель *-u / -ü* вместо *-yin*: *qoni-u segül* «хвост овцы» [27, с. 321].

В таком типичном памятнике среднемонгольского языка, каким является «Мукаддимат ал-Адаб», зафиксированы примеры единичного употребления зависимого компонента словосочетаний, выражающих отношения целого и части, в род. падеже с суф. *-i* после основ с конечным согласным, кроме *-n*. Ср. *dēli kesek* «кусочек шубы» и *dēlün qoimar* [14, с. 141] «подол одеяния». В отдельных памятниках классического монгольского языка, в частности в «Алтан тобчи», спорадически встречаются притяжательные словосочетания, в которых атрибутивный компонент, обозначающий материал или вещество, из которого изготовлен предмет, ставится в род. падеже, например: *kerem-ün degel* [15, I, с. 106] «беличья шуба», *qabırqa-yin dung būriye* [15, II, с. 182] «труба из раковины». В современных монгольских языках атрибутивное имя, обозначающее материал, из которого сделан предмет, употребляется только в форме основы, примыкая к определяемому слову. Ср. монг. *чонон даз* «волчья доха», бурят. *булган малгай* «соболья шапка», калм. *модн ааһ* «деревянная чашка». В связи с этими примерами небезынтересно отметить случаи, когда в памятниках среднемонгольского периода вместо ожидаемой полной основы, обозначающей предмет сравнения, появляется вторая, или неполная, основа без *-n*. Так, в словаре «Мукаддимат ал-Адаб» читается *dabusu* (не *dabasun!*) *üge* «едкое слово» (букв. «соль слово»), *dabasu ügetü* [14, с. 55 и 137] «с едкими речами». Данное словосочетание в несколько измененном виде и значении существует в современном калмыцком языке: *давста үг* «солёное слово» (букв. «с солью слово»).

Изменения в системе адеквативных словосочетаний. В памятниках среднемонгольского языка отмечаются случаи употребления словосочетаний, в которых прилагательное управляет существительным в местном падеже, ныне омертвелом. Так, в тексте «Сокровенного сказания» встречается следующее адеквативное словосочетание: *ideen-e baruq* [11, § 46] «жадный до пищи, прожорливый». В связи с данным примером следует заметить, что в современных монгольских языках чет прилагательного *baruq* «жадный в еде», хотя указанное значение этимологически вполне объяснимо: здесь налицо словообразовательный суф. *-q*, который присоединяется к основе глагола *baru-* «кончать, исчерпывать».

В некоторых словосочетаниях с приадеквативным дат. падежом существительного прилагательное лишилось возможности управления, что вызвано его субстантивацией. Ср. классич. *aduγusun-dur amaraq* [15, I, с. 130]

«любящий животных, питающий любовь к животным». В современных монгольских языках прилагательное *амараг* «милый, любимый, возлюбленный» выступает только в составе атрибутивно-именных словосочетаний, построенных способом примыкания: монг. *амараг нөхэр*, бурят. *амараг нүхэр*, калм. *амрг нээж* «милый, друг, возлюбленный (-ая)».

В отдельных случаях происходит изменение падежного управления. Например, в современных монгольских языках прилагательное *баян* «богатый» способно управлять только орудным падежом имени, тогда как в языке письменных памятников оно может управлять дат. падежом существительного. Ср.: ойрат. *ed tabar-tu bayan* [17, с. 171] «богатый имуществом» (букв. «в имуществе богатый»), монг., бурят. *малаар баян*, калм. *малар байн* «богатый скотом». Кроме того, в языке письменных памятников можно встретить словосочетания с объектно-ограничительными, в частности выделительными, отношениями, в которых дат. падежом управляют прилагательные с суф. *-lan -ten*: ср.-монг. *herekai-tur hončitan* [11, § 139] «отличающиеся силой в большом пальце (о лучниках)», ойрат. *erdem-du duratan* [17, с. 40] «влюбленный в знание, науку». В современных монгольских языках в такого рода словосочетаниях употребляются прилагательные на *-тай / -тэй* (калм. *-та / -тэ*), например: монг. *хөгжимд авьястай* «способный к музыке», бурят. *ажалда дуртай* «трудолюбивый», калм. *олнд туста* «полезный обществу».

Особенностью адъективных словосочетаний с причастием буд. времени в среднемонгольском и классическом является то, что прилагательное могло управлять местн. падежом причастия: *ebdekii-e berke* [15, II, с. 101] «трудный для разрушения». В памятниках классического монгольского и ойратского языков встречается также словосочетания, в которых прилагательное управляет причастием буд. времени без падежного показателя. В современных монгольских языках прилагательное обязательно требует дат. падежа причастия. Ср.: классич. *asaraqı kilbar* [15, I, с. 160] «нетрудный для прокормления, содержания» (монг. *асрахад хялбар*), ойрат. *düirgeki kilbar* [17, с. 134] «легкий для наполнения» (монг. *дүүргэхэд хялбар*), *temecekü duratai* [17, с. 42] «любитель состязаться, бороться» (монг. *тэмцэхэд дуртай*), калм. *медхд сонь* «интересный для знания, интересно знать».

Лишь в единичных случаях наблюдаются адъективные словосочетания с причастием буд. времени в других падежах — родительном, исходном и орудном: бурят. *түрэлтийн нохор*, монг. *төрхөөрөө сохор*, калм. *төрхэрэ сохр* «слепой от рождения», монг. *харахаас муурай* (*эгдүүтэй*) «безобразный, омерзительный на вид». Однако здесь синтаксическая связь управления настолько ослаблена, что можно квалифицировать ее как падежные примыкания: формы *түрэлтийн*, *төрхөөрөө* и *төрхэрэ* «от рождения, с рождения», *харахаас* «на вид, с виду» являются застывшими и осознаются как наречные слова.

Известно, что сравнительно-выделительные отношения могут выражаться в монгольских языках тавтологическими адъективными словосочетаниями, состоящими из зависимого прилагательного в исх. падеже и управляющего прилагательного. Посредством такого сочетания одного и того же прилагательного выражается высшая степень признака предмета, выделенного из круга сравниваемых с ним. Данный тип словосочетаний является одним из древнейших. В частности, он находит свое отражение в «Сокровенном сказании», где управляющее прилагательное могло принимать показатель мн. числа: *galaun-ača qalat* [11, § 254] «горячее горячего», *buleen-eče bulet* [11, § 254] «теплее теплого».

В современных монгольских языках данная модель представлена широко, но в них управляющее прилагательное лишилось способности присоединять суф. *-т*. Ср.: монг. *өндөрөөс өндр* «высокий из высоких», *илгээ их* «большой из больших», бурят. *хараалаа хара* «черный из черных», калм. *жууһас му* «плохой из плохих».

Адъективные словосочетания с именем существительным в соединительном падеже лексически ограничены со стороны управляющих прилагательных и свойственны не всем монгольским языкам. Они употребляются в среднемонгольском, классическом монгольском, ойратском письменном и калмыцком языках. Данная модель выражает объектно-сравнительные отношения, реализация которых осуществляется главным образом с участием прилагательных *сагау*, *адали* «одинаковый, равный»: ср.-монг. *ере-лүе сагау* [11, § 21] «равный с мужами» (ср. классич. *ере лүге сагау* [15, I. с. 193]), ср.-монг. *кумун-лүе сагау* [11, § 211], (ср. классич. *кумун-лүге сагау* [15, I с. 193]) «с людьми равный, одинаковый», ойрат. *адосун-луга адали* [17, с. 24] «подобный животному, как животное» (ср. калм. *адусла* *эдл*).

В современном калмыцком языке прилагательное, управляющее соединительным падежом, под влиянием соответствующих моделей русских адъективных словосочетаний расширяет сферу своего функционирования, поэтому конструкции с соединительным падежом, выражающие объектно-определяющие отношения с оттенком ограничения, количественно возрастают: *эмнэлэ ээлтэ* «обходительный с людьми», *бичкүдүдлэ (бичкүдүдтэ) таалта* «ласковый с малышами». В калмыцком языке сохраняется малопродуктивная модель адъективных словосочетаний, в которых управляющие прилагательные распространяются существительным в предельном падеже, по своему значению близко стоящим к наречию: *өвдгэцэ гүн* «глубокий до колена», *ээмцэ өндр* «высокий до плеч».

Изменения в системе глагольных словосочетаний. Материал письменных памятников свидетельствует о том, что в среднемонгольском и классическом монгольском языках употребление глагольных словосочетаний с именем существительным, оформленным показателем вин. падежа, было преобладающим. Ср.: ср.-монг. *čeriği jasa-* [14, с. 132] «выстроить войско» (монг. *цэрэг жагсаах*), *тоуайи абала-* [14, с. 93] «охотиться на змей» (монг. *могой авлаах*), классич. *širxaji boγo-* [31, с. 249] «перевязывать рану» (монг. *шарх боох*), *xural-i xuralduγul-* [31, с. 218] «созывать собрание» (монг. *хурал хуралдуулах*).

В текстах памятников среднемонгольского и классического монгольского языков наблюдается немало примеров, когда слова с неустойчивым *-л* при употреблении их в функции прямого дополнения могут выступать в полной и неполной основе, принимать или не принимать показатель вин. падежа: *okin-i'oki iile-* [11, § 66] «увидеть девушку», классич. *miqan-i/miqa čina-* [15, I с. 111] «варить мясо», *modun-i/modu qadqa-* [27, с. 401] «воткнуть палеку». Отдельные глаголы в среднемонгольском и классическом монгольском обладают свойством управлять вин. падежом, тогда как в современных языках они управляют либо основой, либо дат.-местн. падежом, например: ср.-монг. *minke tenker-i talbari-* [11, § 240] «молиться вечному синему небу» (ср. монг. *монх тэнгэрт залбирах*), *Qubγaya-i ubulje-* [11, § 151] «зимовать в урочище Хубахая» (ср. монг. *Хубахаяд өвөлжих*).

Глагольные словосочетания с управляемым именем в местн. падеже представлены в среднемонгольском. Значительное распространение получили они в классическом монгольском, включая и старобурятские тексты:

ср.-монг. *saylar modun-a bayu-* [11, § 206] «остановиться под развесистым деревом», *γafara ni'ū-* [14, с. 257] «спрятаться в землю», классич. *qošiγun-a sayu-* [32, с. 251] «жить в хошуне», *usular-a küre-* [15, I, с. 137] «достигнуть (места) водопоя». Что касается памятников ойратского письменного языка, то в них словосочетания данного типа обнаруживаются крайне редко, главным образом в составе устойчивых словосочетаний, например, *kümine γaryafi ökü-* [20, с. 47] «выдавать замуж».

Глагольные словосочетания с зависимым именем в местн. падеже унаследованы лишь современным литературным монгольским языком, в котором применение архаичного ныне падежного форманта *-a, -e* ограничивается лишь основами на *-н*. Использование словосочетаний компонентом в местн. падеже привносит явный оттенок книжности. Ср. *tэргэнд сууж очил* и *tэргэнэз сууж очил* «поехать на телеге», *салхинд намирах* и *салхинаа намирах* «развеваться на ветру». Вообще нужно отметить, что словосочетания с зависимым именем в местн. падеже по выражаемым отношениям почти полностью совпадают с аналогичными образованиями, включающими имя в дат.-местн. падеже. Поэтому нередко они выступают как синтаксические синонимы, различающиеся стилистическими нюансами. В этой связи интересно сопоставить употребление такого рода словосочетаний в текстах «Сокровенного сказания» и «Алтан тобчи». В последнем встречаются такие словосочетания, в которых летописец по соображениям стиля переоформляет зависимое имя, употребляя вместо показателей дат.-местн. падежа *-dur/-tur, -dal/-ta* суф. местн. падежа *-a/-e*. Ср.: *busut-tur kilinla-* [11, § 244] — *busud-a kilinle-* [15, II, с. 36] «гневаться на других, остальных», *tumat-ta barigda-* [11, § 241] — *tümed-e bariyda-* [15, II, с. 24] «бить схваченными (пленными) туметами».

В современных монгольских языках отсутствуют глагольные словосочетания, в которых подчиненное слово в дат.-местн. падеже обозначает лицо, вместе с которым совершается действие. Ср.: ср.-монг. *Jelme-tur neilen ire-* [11, § 120] «прибыть, соединившись с Джэлэм», классич. *Yisügei bayatur-tur qanila-* [15, I, 112] «дружить с Есугей-багатуром», *mayu kümün-dür učira-* [15, I, с. 56]. «встретиться с плохим человеком». Для современных монгольских языков показательны глагольные словосочетания с управляемым именем в совм. или соед. падежах, как, например, в калмыцком: монг. *бүсгүйтэй уулзах* «повстречаться с девушкой», бурят. *нүгэртэй ябаха* «идти с товарищем, другом», калм. *күүкдэл наадх* «играть с детьми».

Очень специфичны по значению некоторые глагольные словосочетания с существительными в соед. падеже, встречающиеся в таком памятнике среднемонгольского языка, как словарь «Мукаддимат ал Адаб» (XIV в.). Здесь имеют место словосочетания, в которых имя в соед. падеже обозначает предмет как орудие действия: *jidalā qatqu-* [14, с. 290] «пронзить копьём», *qalqanla'ā saqi-* [14, с. 290] «защищаться щитом», *quduγās temēnlē usun tata-* [14, с. 308] «таскать воду из колодца при посредстве верблюда». Подобные словосочетания функционируют лишь в баоанском и монгорском языках, где соед. и оруд. падежи имеют один и тот же суф. *-ла, -валэ* [30, с. 75, 112]: *тарла бавагу* «ударить камнем», *чэмбйалэ нэжэгу* «писать карандашом».

В среднемонгольском языке большое распространение получили глагольные словосочетания с зависимым именем в двойном дат.-исх. падеже: *jerke-deče qarqā-* [11, § 108] «удалить из строя», *eke ečiγe-deče qočira-* [11, § 201] «остаться без родителей», *jukel-deče qarqā-* [11, § 44] «отстранять от участия в родовых жертвоприношениях».

В памятниках классического монгольского языка употребление глагольных словосочетаний с именем в дат.-местн. падеже стало ограничиваться. Однако в тексте «Алтан тобчи», в котором довольно много архаизмов, характерных для более раннего периода, и сохраняющем языковые особенности оригинала, т. е. «Сокровенного сказания» [33], глагольные словосочетания с именем в дат.-исх. падеже представлены очень широко [3, с. 52—53]: *bosuy-a-dača odu-* [15, I, с. 85] «покинуть порог (родного дома), уйти из дома», *Jamya-dača ilü qayāča-* [15, I, с. 68] «не расставаться с Джамухой», *Borogün you-đača törö-* [15, I, с. 7] «родиться от Борогчингоа», *eke-deče asaγu-* [15, I, с. 66] «спрашивать у матери».

В современных монгольских языках наблюдаются лишь единичные примеры глагольных словосочетаний с зависимым существительным в форме дат.-исх. падежа: монг. *гэртээ гарах* (ср. бурят. *гэртэһээ гараха*, калм. *гертэс харх*) «выходить из дома», калм. *хартасн алдх* «выпустить, выронить из рук». В калмыцком языке по сравнению с монгольским и бурятским очень ограничены в своем употреблении глагольные словосочетания с зависимым именем в орудн. падеже, которое выражает значение соучастия в действии: монг. *ардаар зуралдах* «проводить собрание с участием народа», *нэгдөөрөө уулзах* «встречаться с друзьями», бурят. *һунгагшадаар хөөрөлдэхэ* «беседовать с избирателями», *хүнүүдээр замта гараха* «выходить вместе с людьми». Ср. калм. *гэр-бүлэрни ирх* «прійти всей семьей».

Высокой продуктивностью в среднемонгольском и классическом монгольском отличались словосочетания с деепричастием цели на *-ra/-re*: ср.-монг. *koreelere qar-* [11, § 12] «выйти поохотиться», *Temu'in-i abura ire-* [11, § 69] «приехать, чтобы взять Темучжина», классич. *alba sang-i quriyara eči-* [15, II, с. 120] «отправиться за сбором подати, дани», *xaldar-a dobtul-* [31, с. 221] «нападать с целью вторжения».

Из современных монгольских языков словосочетания с целевым деепричастием на *-ла/-лэ* (<*-ra/-re*) сохраняются только в баоанском, дунсянском и монгорском языках: *гэр нджэлэ рэджо* «пришел посмотреть дом», *уилэ килэ рэсэн кун* «приехавший работать человек» [30, с. 102, 120]. В халха-монгольском и калмыцком языках обстоятельно-целевые отношения выражаются словосочетаниями с деепричастием на *-хаар* (калм. *-хар*), а в бурятском языке — словосочетаниями с деепричастиями на *-хаяа*: монг. *зугаалхаар явах* «отправиться погулять», калм. *маа усл-хар харх* «выйти напоить скот», бурят. *амархаяа һууха*: «присесть отдохнуть».

Модель с деепричастием на *-гил* имеет место в памятниках среднемонгольского и классического монгольского языков, где она выражает обстоятельственные отношения со значением причинности: *umdaqasurun bayu-* [15, I, с. 31] «испытывая жажду, остановиться», *alagurun burudfu od-* [15, I, с. 112] «бежать из опасения быть убитым». Подобные словосочетания не сохранились в современных монгольских языках.

Изменения в системе послеложных словосочетаний. В монгольских языках для синтаксической связи слов наряду с падежами широко используются послелоги. Они активно участвуют в формировании именных, адъективных и глагольных словосочетаний. Остановимся на отдельных субстантивно-послеложных и глагольно-послеложных словосочетаниях, которые либо претерпели определенные изменения в процессе их функционирования, либо вообще вышли из употребления. Так, например, только в языке «Сокровенного сказания» находим словосочетания, в которых послелог *metü* со значением уподобления и

сравнения употребляется в форме мн. числа, согласуясь с существительным, которое также принимает показатель множественности: *narat metüs deuner* [11, § 245] «соснам подобные братья». Ср. классич. *külüg metü dörben köbegüd* [15, II, с. 99] «четыре юноши, подобные иноходцам, как иноходцы». Особенностью ойратского языка является способность послелога *metü* сочетаться с полной основой местоимения, тогда как в других языках он управляет род. падежом: ойрат. *ši metu amitan* [17, с. 56], монг. *чиний мэт амьтан*, бурят. *шинии мэтэ амитан* «существо, подобное тебе». Послелог *metü* часто употребляется с причастием буд. времени, выражая сравнение с оттенком предположения, допущения, что наиболее характерно для старокалмыцкого языка: *aixu metü aibirital* [18, с. 1] «ужасно страшный, такой, что можно испугаться», *aixim metu caküül cereg* [18, с. 1] «вызывающая страх грозная охрана». Ср. бурят. *айха мэтэ шарай* «устрашающее лицо».

Словосочетания с послелогом *tedüi* «с, величиной с» встречаются в текстах «Сокровенного сказания», «Алтан тобчи» и унаследованы современным монгольским языком, где данный послелог также управляет род. падежом имени: ср.-монг. *šia-in tedüi nodun* [11, § 59] «сгусток крови величиной с альчики», *qošiliq-un tedüi kuru* [11, § 80] «камень величиной с юрту», классич. *alay-an-u tedüi yaïar* [15, I, с. 95], монг. *алганы төдий газар* «место величиной с ладонь».

В среднемонгольском и классическом монгольском языках словосочетания с послелогом *tula*, *tulada* «так как, потому что; для, ради, за», управляя именем, а также причастием буд. времени в род. падеже или в форме основы, выражали не только причину, но и цель действия, назначение предмета: *qoninu tula moduniär ĩasaqsan qotan* [14, с. 302] «загородка, устраиваемая из жердей для овец», *nabĕini qonin tulada gübi* [14, с. 172] «грясти листья для овец». Для современных монгольских языков конструкции с послелогом *тул* и *тулда*, выражающие целевые значения, не свойственны. В современном монгольском и бурятском языках очень употребительны послелоги *тул*, *тулда* (бурят. *тула*, *туладаа*) в функции причинных союзов, сопровождающих сказуемые зависимой части: монг. *Огторгуйд хужсан чинээн үүлгүй тул*, нар *гүчтэй шарна* «Так как на небе нет ни малейшего облачка, солнце палит нещадно» [34].

В словосочетаниях среднемонгольского и классического монгольского языков послелог *kürtele* «до» способен управлять местн. и дат.-местн. падежом, тогда как в словосочетаниях современных языков послелог *хүртэл* (бурят. *хүртэр*, калм. *күртл*) управляет основой: монг. *заалаа хүртэл очих* «идти до ворот», бурят. *һүүл хүртэр уншаха* «читать до конца», *киллэ күртлэн норх* «промокнуть до рубашки». Ср.: ср.-монг. *уигүй иуигү-а күртеle даргала-* [11, § 169] «освободиться от налогов до потомка потомков», *qotoan-tur kürtele hulde-* [11, § 195] «преследовать до самого хотова-поселения», классич. *ĕimegen-düi ni kyrtel-e nūkele-* [31, с. 72] «продырявить вплоть до самого костного мозга».

В некоторых бурятских словосочетаниях послелог *хүртэр* еще напоминает о своем глагольном происхождении (*kür-* «достигать, доходить») тем, что как и в среднемонгольском, и в классическом, может управлять дат.-местн. падежом: *газарта хүртэр нуугылгаха* «наклонить так, чтобы касалось земли, нагибать до земли», *гэртээ хүртэр гүйхэ* «бежать до своего дома».

Итак, обобщая указанные выше явления, можно утверждать, что диалектический подход к материалу и регулярное сопоставление данных письменных памятников с соответствующими фактами живых монгольских

языков и диалектов дают возможность в той или иной мере проследить характер их структурно-типологических изменений, в частности не уроч не синтаксиса словосочетаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Самжиев Г. Д.* Б. Я. Владимирцов — исследователь монгольских языков // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова. М., 1958. С. 28—29.
2. *Street J.* The language of the Secret History of the Mongols. New Haven, 1957.
3. *Орловская М. Н.* Язык «Алтан тобчи». М., 1984.
4. *Haensch E.* Grammatiche Besonderheiten in der Sprache des Monhol-un Niuca Tobc'can // StO. 1950. V. XIV. № 3.
5. *Mostaert A.* Sur quelques passages de L'Histoire secrète des Mongols // HJAS. 1953 V. XIII.
6. *Pelliot P.* Un passage altéré dans le texte mongol ancien de L'Histoire secrète des Mongols // TP. 1930. V. XXVII. № 2—3.
7. *Орловская М. Н.* Употребление причастий в «Сокровенном сказании монголов» // Филология и история монгольских народов. М., 1958.
8. *Гаадамба М.* Монголын нууц товчооны «Шинчи Байан» гэдэг үгийн учирт // Этнографийн сулал. Улаанбаатар, 1969.
9. *Пюрбеев Г. Ц.* Из наблюдений над фразеологией языка «Сокровенного сказания монголов» // Исследования по восточной филологии. М., 1974.
10. *Doerfer G.* Beiträge zur Syntax der Sprache der Geheimen Geschichte der Mongolen // SAJ. 1955. V. I. № 4.
11. *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Юань чао би ши. М.; Л., 1941.
12. *Cleaves F.* The sino-mongolian inscription of 1346 // HAJ. 1951 V. XV. № 1—2 P. 53.
13. *Тодеев Б. Х.* Дагурский язык. М., 1986. С. 53.
14. Алтан тобчи. Монгольская летопись XVII в. Кн. I—II. Улаанбаатар, 1937.
15. *Поппе Н. Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. Ч. I—II. М.; Л., 1938
16. *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII—XIV вв. Чингизидские жалованные грамоты. Л., 1978.
17. *Лусанбаадан Х.* Тод үсгийн дурсгалууд. Улаанбаатар, 1976.
18. *Поддеев А.* Калмыцко-русский словарь. СПб., 1911.
19. *Цэдэндамба Ц.* Грамматическая характеристика причастий и их структурно-семантические особенности в современном монгольском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970. С. 10.
20. Их цааз. Памятник монгольского феодального права XVII в. Ойратский текст / Транслитерация, перевод, введение и комментарии Дылыкова С. Д. М., 1981
21. *Поппе Н. Н.* Грамматика письменно-монгольского языка. М.; Л., 1937. С. 64.
22. *Рамstedt Г. И.* Введение в алтайское языкознание. М., 1957. С. 112.
23. *Бертагасов Т. А.* Лексика современных литературных монгольских языков. М., 1974. С. 153.
24. *Абашев Д. А.* Тункинский говор // Исследования бурятских говоров. Вып. 1. Улан-Удэ, 1965. С. 19.
25. *Митрошкина А. Г.* Говор качутских бурят // Исследования бурятских говоров. Вып. II. Улан-Удэ, 1968. С. 55—56.
26. *Пюрбеев Г. Ц.* Согласование как грамматический прием в истории монгольских языков // V Международный конгресс монголоведов: Докл. советской делегации. М., 1987.
27. *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972.
28. *Шагдаров Л. Д.* Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. Улан-Удэ, 1974. С. 314.
29. *Тодеев Б. Х.* Язык монголов Внутренней Монголии. Очерк диалектов. М., 1985.
30. *Тодеев Б. Х.* Монгольские языки и диалекты Китая. М., 1960.
31. *Черемисов К. М., Румянцев Г. Н.* Монголо-русский словарь (по современной прессе). М., 1937.
32. Халха джирум. Памятник монгольского феодального права XVIII в. / Сводный текст и перевод Жамцарано Ц. Подготовка текста к изданию, редакция перевода, введение и примечания Дылыкова С. Д. М., 1965.
33. *Лубсан Данзан.* Алтан тобчи («Золотое сказание») / Перевод с монгольского, введение, комментарий и приложения Шастиной Н. П. М., 1973. С. 43.
34. *Пюрбеев Г. Ц.* Типы сложных предложений в монгольских языках. М., 1979. С. 75—76.

© 1991 г.

МАРОЕВИЧ Р.

ЛИНГВИСТИКА И ПОЭТИКА МНОГОЗНАЧНОСТИ

(СЛАВЯНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ «ДВЕНАДЦАТИ» А. БЛОКА)

Многозначность поэтического текста может служить благодарным предметом лингвистики и поэтики. Одной из форм научного и методологического синтеза лингвистики поэтического текста и поэтики является теория художественного перевода. С другой стороны, поэтика символизма вообще и поэтическое творчество Блока в частности дают прекрасные примеры многозначности поэтического текста, заложенной в художественном произведении в качестве творческого принципа. Поэтому проблему многозначности поэтического текста и ее отражения в переводе мы будем рассматривать на материале поэмы «Двенадцать» А. Блока и ее сербско-хорватских переводов, с учетом особенностей перевода и на другие славянские языки. Мы остановимся, в частности, на вопросах многозначности заглавия, лексической и мнимой лексической многозначности, грамматической и мнимой грамматической многозначности.

Многозначность заглавия. Исследования символики поэмы «Двенадцать» А. Блока следует начинать с символического содержания ее заглавия. С заглавия целесообразно начать также и анализ многозначности поэтического текста в оригинале и переводе. В черновике поэмы (в начале седьмой песни) Блок оставил важную помету, раскрывающую тот символический смысл, который он вкладывал в поэтику заглавия: «Двенадцать (человек и стихотворений)». Помета не является первоначальным заглавием поэмы, как ее трактуют некоторые исследователи [1, с. 355]. В ней эксплицитно выражена авторская концепция символики заглавия: Блок решил в нем совместить тематический и композиционный планы поэмы. В тематическом плане заглавие содержит ассоциация, во-первых, с двенадцатью солдатами красногвардейского патруля в первые дни революции¹, во-вторых, с эпохой зарождения христианства («двенадцать апостолов») и, в-третьих, с фольклорным мотивом о «двенадцати разбойниках» в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (см. [3, 4]). Внутреннее раздвоение коллективного героя на «двенадцать апостолов» и «двенадцать разбойников» преодолевается, с одной стороны, «нежной поступью надвьюжной» Иисуса Христа, а с другой стороны, карикатурным изображением представителей старого мира, которых насчитывается также двенадцать (старушка, буржуй, писатель-вития, товарищ поп, барыня в каракуле, ее собеседница, проститутка, бродяга, голодный пес, Ванька, Катька, лихач). В композиционном плане символика заглавия не исчерпывается формальным числом глав. Песни настолько разнообразны стилистически, ритмически и содержательно, что заглавие «Двенадцать» можно

¹ Красногвардейские патрули в первые дни революции насчитывали по двенадцать солдат (см. [2]).

отнести и к жанру поэтического произведения: речь идет о поэме — лирическом цикле стихотворений. Важно то, что Блок делит поэму на стихотворения, а не на главы, как большинство русских литературоведов называет основной композиционный элемент поэмы. Более широкий историко-философский смысл заглавия поэмы заключается в символике числа «двенадцать» как конца цикла мировой истории, после которого неизбежно рождается новый мир и начинается новый исторический цикл, новая эра в развитии человечества. Конкретизация числа «двенадцать» в словосочетаниях *двенадцать человек* и *двенадцать стихотворений* сама по себе подсказывает этот скрытый смысл заглавия, да и поэмы в целом. Таким образом, Блок использовал древнее символическое число «двенадцать» и христианский символ «двенадцать апостолов», чтобы в момент великих исторических событий осмыслить агонию старого мира и рождение нового: «Двенадцать» — поэма и о двенадцатом часе старого мира. Но эти древние символы приобрели в поэме новое звучание и новое содержание, так что символ «двенадцать» становится и композиционным, и содержательным, и идейно-философским стержнем поэмы.

При переводе заглавия на другие языки необходимо стремиться к передаче его многослойной символики во всей полноте, при условии, однако, чтобы перевод заглавия в первую очередь отражал конкретное число героев. Что касается возможностей передачи символики заглавия, то все славянские языки можно разделить на три группы. В некоторых славянских языках структура количественных числительных идентична или очень близка русскому языку, в них, в частности, отсутствует особая форма, обозначающая двенадцать лиц мужского пола. Так, на чешский язык поэма переведена под заглавием «Dvanáct», на белорусский — «Дванаццать», на украинский — «Дванадцять», на болгарский — «Дванадесет», «Дванадесет» и «Дванадесетте». Все эти эквиваленты, безотносительно к различной стилистической окрашенности и грамматическому оформлению (первое болгарское заглавие имеет разговорную стилистическую окрашенность, а последнее — членную форму), передают многозначность заглавия поэмы Блока. В украинском языке есть еще слово *дванадцяттеро*, обозначающее двенадцать человек вообще (без указания на род) и двенадцать (конкретных) предметов, однако оно является стилистически окрашенным (принадлежит к разговорному стилю).

В польском языке для перевода заглавия поэмы использовано числительное, обозначающее двенадцать лиц мужского пола — «Dwunastu». Если бы было употреблено числительное *dwanaście*, обозначающее абстрактное количество, количество предметов и число людей (если в это число не входят лица мужского пола), было бы утрачено основное значение оригинала «двенадцать человек». Указанные формы числительных являются взаимоисключающими, т. е. в польском языке одной формой числительного невозможно выразить все основные значения символического заглавия поэмы Блока.

В прочих славянских языках существуют грамматические средства для узкого и широкого истолкования заглавия оригинала. На словацкий язык поэма переведена под заглавием «Dvanást» (переводчик Л. Фелдек) [5] и «Dvanásti» (Р. Скукалек) [6] — в первом случае использовано немаркированное числительное («двенадцать»), а во втором — маркированное («двенадцать человек»). На словенский язык М. Клопчич перевел поэму под заглавием «Dvanajst» [7], а Д. Лудвик — «Dvanajstoria» [8]. На македонский язык поэма переведена под заглавием «Дванаесетмината» (Г. Тодоровски) [9], а в отрывках также под заглавием «Дванаесетмина» (без

постпозитивного артикля), но в критической литературе встречается и немаркированная форма числительного «Дванаесетте». На сербскохорватский язык поэма переводилась десять раз, в девяти переводах (С. Винавера [10], И. Бадалича [11], И. Куниной-Александр [12], М. Пешича [13], И. Сламнига и А. Шоляна [14], Б. Булатовича [15], Г. Витеза [16], М. Сибиновича [17], М. Милинковича [18]) в заглавии использована маркированная форма «Дванаесторица» («двенадцать мужчин») и лишь в переводе автора данной статьи [19] была использована немаркированная форма «Дванаест».

Несмотря на более чем пятидесятилетнюю традицию (первый вариант перевода С. Винавера был опубликован в 1921 г., а наш перевод в 1973 г.) и субстантивный характер лексемы *дванаесторица* (числительное *дванаест* не склоняется), мы считаем, что поэтически адекватным является лишь заглавие *Дванаест* (по-македонски *Дванаесетте*, по-словенски *Dvanajst*, по-словацки *Dvanásť*). Такое заглавие, во-первых, соответствует вышеизложенной авторской концепции; во-вторых, оно передает всю многослойность значения заглавия оригинала и сохраняет его символическую природу, отвечающую поэтике символизма как поэтического направления, в-третьих, оно обладает более широким символическим спектром, большей информативностью и, наконец, неограниченной лексико-семантической сочетаемостью.

Лексическая многозначность текста. В первой песни поэмы «Черный вечер...» в строках:

Хлеба!
Что *впереди*?
Проходи!

представлено многозначное наречие *впереди*, сохраняющее в структуре поэтического текста два различных значения: пространственное («на некотором расстоянии перед кем-, чем-л.») и временное («в будущем»). Одни исследователи считают, что в строке «Что *впереди*?» задан вопрос, ответ на который дается в финале поэмы: «Впереди — Иисус Христос» [20, 21], другие считают, что вопрос означает «что будет в будущем?», «что принесет новый день?» [22]. По нашему мнению, вопрос *Что впереди?* обладает более широким семантическим полем, чем какое-либо отдельно взятое значение, и вызывает одновременно и пространственные и временные ассоциации. Это истолкование исходило из того, что в поэме «Двенадцать» использована символистская поэтика. Перед переводчиком, следовательно, встает проблема найти в языке перевода такие языковые средства, которые смогли бы передать оба значения оригинала. Большинство переводчиков поэмы на сербскохорватский язык исходит из первого значения в прямой или модифицированной форме: «Тко је тамо?» (И. Бадалич), «Куда се гре?» (М. Пешич), «Напријед шта је?» (Б. Булатович). Второе значение передано лишь у С. Винавера: «Шта ли нас чека...» И. Кунина-Александр использовала обстоятельство *пред нама*, совмещающее оба значения: первое — пространственное, которое соотносится с концовкой поэмы — «перед нами Христос», и второе — временное — «что будет завтра?», «что принесет будущее?». Вряд ли, однако, у переводчика была ясная концепция обоих возможных значений оригинала. Ответ на заданный вопрос свидетельствует о том, что и Кунина-Александр имела в виду лишь пространственное значение:

Што је пред нама? —
— Тама!

Образный потенциал слова *тама* «тьма, темнота» допускает неоднозначное понимание, что может привести к неверному истолкованию идейной основы поэмы (перед двенадцатью, т. е. революцией — тьма). В нашем переводе эти стихи звучат так:

Хлеба!
Шта је пред нама?
Прођи само!

Стихи, которые трижды повторяются во второй песни (третий раз только вторая строка):

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!

также можно истолковать двояко. Во-первых, как упрек поэта революции, «давшей свободу без Христа», вызванный страхом, что «такая свобода переродится во вседозволенность», как «вдох поэта», повторяющийся три раза, чтобы «выразить печаль о том, что свобода пришла *такой*» [1, с. 357—358]. А во-вторых, как радость двенадцати, что свобода пришла «без креста, безо всех прежних святынь» [23], как победное ликование повестователя и красногвардейцев [24]. Многозначность указанных стихов является результатом многозначности междометия *эх*, которое употребляется, с одной стороны, «при выражении сожаления, упрека, досады», а с другой стороны, «при выражении восхищения, восторга». Переводчики, как правило, заменяют многозначность однозначностью, неопределенность определенностью. Так, например, первое истолкование выбрал И. Бадалич, который, к тому же, изменяет смысл стихов: они относятся уже не к новой свободе, а отрицательно характеризуют двенадцать красногвардейцев:

Эх, эх, некрста ли
Слобода, слобода!

Второе понимание подчеркнуто выражено у С. Винавера:

Эх, эх, без крста!
Што је згода та слобода!

В первом варианте перевода С. Винавера сохранялась неопределенность оригинала и возможность различного восприятия:

Слобода, слобода,
Эх, эх, без крста!

В таком переводе, который принимает и Г. Витез, стихи трактуются как рефрен и не изменяются, чего нельзя сказать о других переводах (в одном из них мы находим целых три варианта второго стиха).

Мнимая лексическая многозначность текста. Любопытный случай мнимой лексической многозначности представлен в следующих стихах двенадцатой песни:

— Кто там машет красным флагом?
— Приглядись-ка, эка тьма!
— Кто там ходит беглым шагом,
Хоропясь за все дома?

Слово *тъма* употреблено здесь в значении «отсутствие света, освещения, темнота, мрак», на что указывает как контекст стиха, так и контекст всего произведения². Именно так семантизируют его, в большинстве своем, переводчики. Литературовед М. Стойнич в прозаическом переводе этой строфы передает значение омонима *тъма* — «большое количество, множество»: «Ко то маше црвеним барјаком — Видиш да је под њим маса света! Ко то журним одмиче кораком кријући се иза сваке куће?» [26]. Такое поэтическое «решение» мы находим и у переводчика (и литературоведа) Й. Бадалича:

— Тко то маше ружним стигеом?
— Цијели народ иде, где!
— Тко то тамо куда бијеом
Кријућ се у палате?

Грамматическая многозначность текста. Примером грамматической многозначности могут служить те стихи поэмы «Двенадцать», в которых существительное в форме им. падежа ед. числа может трактоваться либо как семантический именительный падеж (с предикативным компонентом в 3 л. ед. числа), либо как семантический звательный падеж (с предикативным компонентом во 2 л. ед. числа). В стихах из первой песни:

Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком — ледок.
Скользко, тяжко,
Всякий ходок
Скользит — *ах, бедняжка!*

выделенные слова выражают сочувствие к беспомощному поскользнувшемуся человеку, олицетворяющему старый мир. Возможно, это не сочувствие, а ирония по отношению к старому миру, для которого наступил день Страшного Суда. Нас интересует в данном случае лишь следующее: продолжает ли повествователь и после междометия говорить о поскользнувшемся или непосредственно к нему обращается. Графическое выделение последних двух слов (с помощью тире), междометие *ах* и восклицательный знак указывают на то, что *бедняжка* — семантический звательный падеж, причем интонация высказывания меняется, так что повествователь сочувствие (или иронию) адресует объекту повествования (обобщенному понятию *ходок*). Во всех сербскохорватских переводах, за исключением нашего, указанное место грамматически семантизируется как именительный падеж.

Семантический параллелизм и восклицательный знак после четных стихов подсказывают, что все существительные выступают в функции звательного падежа, т. е. что речь идет о прямом обращении к реалиям, которые они называют, также и в стихах из третьей песни:

Эх, ты, горе-горькое,
Сладкое житье!
Рвное пальтишко,
Австрийское ружье!

Переводчики поэмы на сербскохорватский язык и на другие славянские языки, как правило, трактуют две последние строчки как назывные предложения. Форму звательного падежа выбирают Й. Бадалич и М. Пешич, а также македонский переводчик Г. Тодоровски:

² Ср. и это высказывание А. Блока: «Самое конкретное, что могу сказать о Христе: белое пятно вперед, белое как снег, и оно маячит вперед, полумерещится — неотвязно; и там же бьется красный флаг, тоже маячит в темноте» [25] (Курсив наш. — М. Р.)

Ех, ти таго-најтажна,
слатки прежни дни!
Жакетче искључито,
пушко немска ти!

Синкретизм именительного и звательного падежей в русском языке создает разные возможности истолкования грамматической конструкции и в следующих стихах:

Трах-тарарах! Ты будешь знать,
Как с девочкой чужой гулять!
Утек, подлцу! Ужо, постой,
Расправлюсь завтра я с тобой!

В приведенном примере контекст не позволяет установить, употреблена ли форма существительного *подлцу* в значении именительного или зательного падежей, а глагольная форма *утек* — в значении 2 или 3 л. ед. числа. Поэтому возможно двойное истолкование этого стиха. Во-первых, можно допустить, что существительное означает зательный падеж, а глагол — второе лицо, из чего следует, что Петька обращается к Ваньке, как в предыдущем и последующем предложениях. Во-вторых, если трактовать существительное как именительный падеж, а глагол — как 3 л. ед. числа, то получается, что Петька обращается к своим соратникам и что интонация выделенных слов отличается от предыдущего и последующего отрезков текста. Чтобы сохранить и в переводе неопределенность лица (2 или 3) и неопределенность падежа (именительный или зательный), т. е. чтобы и в переводе осталось неясным, к кому обращается Петька, в языке перевода также должна существовать глагольная форма прошедшего времени, не различающая 2 и 3 л. ед. числа, а для существительного *подлцу* нужно найти эквивалент, у которого совпадают формы двух падежей. Болгарский перевод М. Исаева [27]:

Избага, кучето! Охоо, постой,
пак утре ще ми падне той!

удовлетворяет обоим условиям (форма аориста *избага* относится как ко 2, так и к 3 л. ед. числа, а существительное среднего рода *куче* характеризует синкретизм именительного и зательного падежей, т. е. словарной и зательной форм), однако высказывание в целом переводится в 3 л. подлежащим *той* и членной формой (*кучето*), которые контекстуально конкретизируют падеж существительного (именительный) и лицо глагола (3 л. ед. числа).

Приведенные примеры показывают, что грамматическая многозначность чаще всего имеет внешний характер, не являясь внутренним элементом текста, реализующим творческие принципы автора. Поэтому подобная многозначность в переводе снимается: переводчику нужно выбрать то значение грамматической конструкции, которое в большей степени соотносится с узким и широким контекстом. В последнем примере, в котором семантическое поле грамматической конструкции широко и охватывает, по меньшей мере, два плана, многочисленные контекстуальные и композиционные элементы указывают, что речь идет о прямом обраще-

нии во 2 л. Следовательно, более адекватно первое переводческое решение

*У тебе, хубо! Нека, нека,
Обрачуи сутра тебе чека!*
(Перевод наш — М. Р)

Это решение не выбрал, однако, ни один из переводчиков, которым пришлось конкретизировать смысл оригинала.

В стихах первой песни:

Вон барыня в каракуле
К другой подвернулась:
— Ужь мы плакали, плакали

форму прошедшего времени *мы плакали* можно истолковывать узко или широко: как женский род (серб. хорв. «плакале смо») или как общий род (серб.-хорв. «плакали смо»). Женщинам свойственна сентиментальность, и, кроме, того, доказательством в пользу первого истолкования может служить тот факт, что персонажи поэмы являются в большей степени типами и символами старого мира, нежели конкретными личностями, так что и эта героиня выступает от имени женской половины дворянского сословия. С другой стороны, в тексте поэмы дается лишь обрывок ее разговора с собеседницей. Ее речь неестественно прерывается: она поскользнулась и упала. Таким образом, мысль оказалась вырванной из контекста ситуации. Поэтому эти стихи можно истолковывать и иначе: что барыня рассказывает, как плакали все — и женщины, и дети, и мужчины — как представители класса, теряющего почву под ногами, как представители старого мира. В сербскохорватском языке перфект имеет во мн. числе категорию рода, при этом форма мужского рода употребляется и при обозначении немаркированного (общего) рода. Поэтому в тех сербскохорватских переводах, где используется перфект, передается только одно из возможных значений оригинала — более узкое (« — *Ала смо се исплакале...*» — перевод М. Пешича) или широкое («*Ах, што смо плакали, плакали...*» — перевод С. Винавера). Нейтральность оригинала сохраняется только в тех сербскохорватских переводах, в которых употреблен аорист (« — *Очи своје, очи исплакасмо*» — перевод Й. Бадалича). Однако аорист глаголов совершенного вида не передает другие компоненты оригинала — указание на длительность и незаконченность действия. Интересно сравнить польский перевод С. Полака [28] с чешским переводом Б. Матезиуса [29]. Польский переводчик использовал глагольную форму мужского лица (« — *Mużystu płakali, płakali...*»), что в контексте означает, что плакали мужчины и женщины или мужчины, женщины и дети. Если использовать другую форму «*mużystu płakaly*», получилось бы, что плакали только женщины или женщины и дети (но не мужчины). Чешский переводчик сделал выбор в пользу формы женского рода («*Oči jsme si vyplakaly...*»), которая в контексте означает, что плакали женщины или женщины и дети. Если бы Б. Матезиус выбрал форму мужского лица *vyplakali*, стих получил бы более широкий смысл: что плакали мужчины и женщины или мужчины, женщины и дети. Следует подчеркнуть, что различие между двумя допустимыми чешскими переводами проявляется только графически, т. е. в письменной форме перевода. В устной речи, поскольку *-i* и *-y* произносятся одинаково, можно выразить оба возможных значения оригинала и таким образом сохранить неопределенность рода субъекта действия.

Мнимая грамматическая многозначность текста. В словах прости гутки, которые доносит ветер:

...И у нас было собрание..

...Вот в этом здании...

...Обсудили —

Постановили:

На время — десять, на ночь — двадцать пять...

...И меньше вы с кого не брать...

...Пойдем спать...

контекст указывает на род и лицо субъекта действия безотносительно к тому, трактуются ли формы *обсудили* — *постановили* как неопределенно-личные или как предикаты личного предложения с опущенным личным местоимением *мы*. В первом издании своего перевода (1921) С. Ви наввер выбирает формы мужского рода:

...Тамо, у опој кући...

...Беше расправа.

...Па смо ујавили —

Укарарили...

поскольку он неадекватно истолковал указанное место: «Это караульные солдаты, которые нанимались в дни безвластия охранять дома от бандитов», и они говорят о «цене за охрану дома на короткое время или на всю ночь» [30]. В переводе И. Бадалича формы семантизируются грамматически правильно:

...У оном тамо двору...

...Ми биле смо на збору...

И ријешиле смо...

Објавиле смо...

Как показывают приведенные примеры, многозначность поэтического текста следует рассматривать либо как составную часть художественного метода поэта-символиста, либо как объективную художественную реальность, возникающую в результате многозначности естественного языка. В первом случае теория художественного перевода требует адекватной передачи символики поэтического образа или многозначности поэтического языка, а во втором — рекомендует выбор такого решения, которое лучше вписывается в узкий и широкий контекст. Мнимая многозначность снимается правильной переводной семантизацией. При этом следует учитывать то, что славянские языки нередко имеют различные выразительные возможности для передачи многозначности поэтического текста³.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Babović M.* Prva poema o Oktobru: «Dvanaestorica» A. A. Bloka // *Savremenik*. 1967. Knj. 26. № 11.
2. *Рид Дж.* Десять двой, которые потрясли мир. М., 1957. С. 86.
3. *Скотов Н.* Некрасов: Современники и продолжатели. Л., 1973. С. 310.
4. *Горелов А. Е.* Гроза над соловьиным садом: Александр Блок. 2-е изд. Л., 1973. С. 442.
5. *Blok A.* Dvanást / Prelož. Feldek L. // *Nový život*. 1967. № 3—4.
6. *Blok A.* Dvanást / Prelož. Skukálek R. Bratislava, 1967.

³ См. более подробный анализ поэтики перевода поэмы А. Блока в [31, с. 15—54] с библиографическими данными сербскохорватских переводов [31, с. 54—57]. Эта библиография воспроизводится практически без изменений (за исключением одного нового перевода) и без указаний на автора в [32]. См. также соответствующие разделы в [33].

7. *Blok A. Dvanaest / Preved. Klopčič M. Ljubljana, 1928.*
8. *Blok A. Dvanaestorica / Preved. Ludvik D. // Nova obzorja. 1959. № 5—6.*
9. *Блок А. Дванаесетмјаката / Преп. Тодоровски Г. Скопје, 1957.*
10. *Blok A. Dvanaestorica / Prev. Vinaver S. // Kritika. 1921. № 11—12.*
11. *Blok A. Dvanaestorica / Prev. Badalić J. // Vijenac. 1927. Knj. 7. № 7—8.*
12. *Blok A. Dvanaestorica / Prev. Kunjina Aleksander I. // Književnik. 1935. № 7—8.*
13. *Blok A. Dvanaestorica / Prev. Pešić M. M. // Mladost. 1950. № 2—3.*
14. *Blok A. Dvanaestorica / Prev. Soljan A. i Slamnig I. // Republika. 1955. Knj. 2 № 11—12.*
15. *Blok A. Dvanaestorica // Blok A. Pesme // Preveo Bulatović B. Beograd. 1964*
16. *Blok A. Dvanaestorica / Prev. Vitez G. Zagreb, 1967.*
17. *Blok A. Dvanaestorica // Blok A. Prsten života / Prev. Sabinović M. Beograd, 1975*
18. *Blok A. Dvanaestorica / Prev. Milinković M. // Život. 1977. Knj. 52. № 11—12*
19. *Блок А. Дванаест / Преп. Маројевић Р. // Мостови. 1973. № 3—4. (15—16)*
20. *Долгополов Л. К. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX — начала XX веков М.; Л., 1964. С. 164.*
21. *Kluge R-D. Interpretacija revolucije u poemi A. Bloka «Dvanaestorica» // Umjetnost riječi. 1971. № 1. S. 59.*
22. *Čović B. Symbolika poemy Dvanást'Aleksandra Bloka // Nový život. 1967 № 3—4. S. 113.*
23. *Nedelyković D. Prilog tumačenju lika Isusa Hrista u poemi «Dvanaestorica» A. Bloka // Savremenik. 1971. Knj. 34. № 11. S. 359.*
24. *Ременик Г. А. Поэмы Александра Блока. М., 1959. С. 157—158.*
25. *Блок А. Соч.: В 2-х т. Т. 1. М., 1955. С. 773.*
26. *Stojnić M. Ruski pisci XIX i XX veka. Knj. II. Sarajevo, 1974. S. 247.*
27. *Блок А. Дванадесетте / В превод на Исаев М. // Блок А. Избрани стихотворенија и поеми. Софија, 1960.*
28. *Blok A. Dwunastu / Przełoz. Pollak S. // Blok A. Poezje. Warszawa, 1957.*
29. *Blok A. Dvanást / Přelož. Mathesius B. // Blok A. Z díla. Praha, 1955.*
30. *Vinaver S. Komentar k poemu «Dvanaestorica» // Kritika. 1921. № 11—12. S. 437*
31. *Маројевић Р. Символика поеме «Дванадцет» А. Блока и проблемњеног преводњешња на средњи словенски језик // Зборник Матице српске за славистику 1976. Књ. 11.*
32. *Станишић Ј. Блок в Југославији (о переводах «Дванадцати») // Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1987. С. 230—232.*
33. *Маројевић Р. Лингвистика и поетика преводњешња (међусловенски превод). Београд, 1989.*

© 1991 г.

ПАВЛОВИЧ Н. В.

ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВ В РУССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

Введение. Основная идея этой статьи состоит в том, что каждый словесный поэтический образ является членом некоторой парадигмы, т. е. передает определенный семантический инвариант. Инварианты могут иметь разную структуру, и в зависимости от этого различаются разные типы образных парадигм. Среди множества парадигм существует ряд элементарных, из которых строятся все остальные парадигмы. Их можно описать при помощи небольшого набора семантических признаков. При этом разные парадигмы имеют разную продуктивность, одни реализуются в большом количестве образов, другие — в малом. Можно выделить множество наиболее продуктивных элементарных парадигм, которые покрывают большую часть образных текстов. Взяв за основу понятие парадигмы образов, мы можем описать каждый поэтический образ с помощью ряда формальных характеристик, что позволяет исследовать образную систему языка в синхронии и диахронии.

Содержательно статья делится на три части. В первой (разделы I—III) вводится понятие парадигмы образов (определение, типы парадигм, описание такого свойства парадигм, как обратимость). Во второй части (разделы IV—V) описано соотношение: парадигма — образ (гипотеза о принадлежности каждого образа той или иной парадигме, понятие сложного образа). Третья часть статьи (разделы VI—VII) посвящена соотношению: система парадигм — система образов поэтического языка в целом (множество элементарных парадигм, множество наиболее продуктивных парадигм).

Предлагаемое описание получено в результате анализа авторской картотеки поэтических образов русской художественной литературы (в основном поэзии) XVIII—XX вв., содержащей около 20 000 образов, принадлежащих более 80 авторам.

I. Определение парадигмы образов. Примем следующее определение образа. Поэтический образ — это отрезок текста (от одного слова до нескольких строк или предложений), в котором сближаются (отождествляются) несходные (семантически далекие, несовместимые, в том числе противоречащие и противоположные) понятия, т. е. такие понятия, которые в нормативном общелитературном языке не сближаются. Иными словами, образ — это некоторое противоречие, сходство несходного¹. Сближаться при этом могут имена, предикаты, ситуации.

Рассмотрим ряды образов, в которых сближаются: (1) растения (две-

¹ Такое понимание поэтического образа درست چاس распространено, см., например, работы В. Б. Шкловского [1] и П. Кавиаса [2]. У последнего «Образ — это произвольное сближение двух или более элементов, означаемые которых не находятся ни в какой «рациональной» (intelligible) связи в общепринятом смысле вл смысле аристотелевской логики».

гы, зелень, деревья, листва, трава и т. д.) и вода (море, река, прибой, волны, разлив...); (2) душа (сердце) и существа (люди, животные, насекомые...); (3) солнечный свет (солнце, заря, восход, рассвет, закат, лучи...) и ткань (бархат, атлас, риза, шаль, ссзан...).

(1) растение → вода: *хвойные омуты кедрового моря; ливень дерева сверну промисля; разливы лиственние; кровавы маков река; лесов немерк нуций прибой; темный сад вздымался и опадал, как океан* и т. д. (всего в картотеке 47 подобных образов):

(2) душа (сердце) → существо: *шалунья-девочка — душа; сердце — Икар неразумный; сердце-знахарь; птичница-душа; души-гагары; сердце — чайка или рыба; кобылица-душа; камбала-душа; А души моей — что бабочки искать; Будет сердце — как конь на заре* и т. д. (всего 73 образа):

(3) солнечный свет → ткань: *риза лучей; парча солнечная; красные куски зари, как ковровые платы; солнечный виссон; замазали кружевом полотница зорние; заря золотканная; одежды вечера; саваны утра, рассвет кафтаны опустил* и т. д. (67 образов).

Несмотря на поверхностные лексические и синтаксические различия образы внутри каждой группы имеют глубинное сходство — семантический инвариант.

П а р а д и г м а о б р а з о в есть устойчивый семантический инвариант, который реализуется на поверхностном языковом уровне в ряде сходных образов.

Обозначим парадигму образов как $X \rightarrow Y$, где X и Y инварианты групп отождествляемых имен, предикатов, ситуаций, а стрелка указывает направление отождествления в парадигме. Так, в первом примере X есть «растение» — обозначение инварианта группы имен: цветы, листва, зелень, деревья, трава, тополя и т. д.; а Y — семантический признак «вода», инвариант группы имен: море, река, озеро, разлив, волны и т. д. Этот пример представляет собой парадигму «растение → вода», а два других — соответственно парадигмы «душа → существо» и «солнечный свет → ткань».

II. Типы парадигм образов. В зависимости от структуры X и Y различаются три типа парадигм.

1. Лексический (сближаются имена). X и Y — семантические признаки. Все приведенные выше примеры представляют лексические парадигмы.

2. Лексико-синтаксический (сближаются предикаты). X и Y включают не только семантические признаки, но и актантные синтаксические структуры. Поэтому на поверхностном уровне образы-члены таких парадигм более формульны, сходство их более очевидно. Примеры лексико-синтаксических парадигм: 1) *наступление* (ночи, дни, весны, субботы...) → *шествие* (*ночь идет по дороге черным мамонтом, ступает по тропе юной колдуньей, шатается по улицам, как вакханка* и т. д.); 2) *перемещение в пространстве* → *съедание* (*машина пожирает макароны дорог, мотоцикл глотает перевал; гусиный косяк сосет пространство; вагон съедает версты; паровоз объедает пространства, бульбулька нефтью в стальном животе; локомотив, брызжа паровую слюною, проглотил целюстями спи; презаршинные версты* и т. д.); 3) *чувство* → *действие с тканью* (*разешивание, растилание, переодевание одежд*); 4) *жизнь* → *танец*; 5) *течение* → *телодвижения*; 6) *шум листьев* → *речь*; 7) *чтение* → *съедание* и т. д. (подробнее примеры приведены в [3])

3. Ситуативный тип (сближаются ситуации). X и Y — описания ситуаций. Такие образы содержат внутри себя парадигмы первых двух типов. Пример ситуативной парадигмы: *что-то, видимое на чем-то* (*лошади в поле, звезды на небе...*) → *вкрапление в ткань* (узор на ткани, заплаты на одежде, украшение, грязь на ткани...); *корабли в бухте — цветы на ситце; овцы на багче — подшивные заплатки на бледном золотом парчи; роса на деревьях — жемчуг на зеленом платье; черника на зеленых прогалинах — скатерть в темных пятнах; самолет в ночном небе — брошь на черном бархате; болотный мох с клюквой — рябчина, затканная бусинками* и т. д.). Еще пример: *что-то внутри чего-то* → *зерна (косточки) в плоде: дож в лесу — косточка в сливе; люди в лесу — зерна в зеленой мякоти; мысли в голове — зернышки в спелом яблоке; человек в вагоне — зерно в стручке* и т. д.

Ситуативные парадигмы, по-видимому, самые сложные и наименее изученные. Заметим только, что одни ситуации чаще встречаются в позиции X, другие — в позиции Y. Так, например, ситуации «отражение чего-то в воде», «деревья и окно», «свет и окно», «тень на теле», «свет и тень», «ветви на фоне неба», «вода и берег», «светило и облака» чаще встречаются в роли X, а ситуации «рыбная ловля», «вхождение в воду», «игра и карты», «игра в бильярд» — в позиции Y.

III. Свойство обратимости образных парадигм. Парадигма называется *о б р а т и м о й*, если сближение может идти в обе стороны, т. е. существует и парадигма X → Y, и парадигма Y → X. К настоящему времени найдено около 250 обратимых лексических парадигм (см. их список в [3]). Обратимость в лексико-синтаксических и ситуативных парадигмах имеет место, но она не исследована, поэтому все, что будет сказано ниже в этом разделе, относится лишь к лексическим парадигмам.

В обратной парадигме частота реализации при сближении в одном и в другом направлении может быть разной. Иногда X → Y и Y → X примерно равны по числу образов-членов парадигм, как, например, в парадигмах: *роса ↔ слезы, самолет ↔ стрекоза, поле ↔ море, улица ↔ пробор*. Но это бывает редко. Чаще всего обратимые парадигмы в одну сторону более частотны, чем в другую. Более частотную парадигму будем называть *прямой*, а менее частотную — *обратной*. Так, парадигма *солнечный свет → ткань*, (67 образов) — *прямая*, а *ткань → солнечный свет* (5 образов) — *обратная*.

По-видимому, каждая парадигма потенциально *о б р а т и м а*, т. е. обратимость — семантическая закономерность, присущая образным парадигмам. Основания для этого предположения дает нам тот факт, что наряду с «естественной», традиционной обратимостью (*поле → море, море → поле; глаза → цветы, цветы → глаза; человек → дерево, дерево → человек* и т. д.) наблюдаются «искусственные», казалось бы, непредсказуемые случаи обращения парадигм, которые обнаруживают прием, т. е. показывают, что обращение парадигм возможно в любом случае. Приведем несколько примеров таких «вырожденных» обращений парадигм. Примеры даются по схеме: название прямой парадигмы, число ее образов-членов, имеющих в картотеке, краткая характеристика, название обратной парадигмы, число ее образов-членов, иллюстрация.

П р и м е р 1. *Время → вода* (78 образов). Входит в более общую парадигму «экзистенциальное → вода». Примеры образов приведены в [3, 4].

Вода → время (9 образов). *Море дуло на берега, сыпало прибрежными песками, катило волны, перемивало камни, перекачивало время (Пильняк); Река, что время: / летит — кружится; Поток / Рыдает / Пеной, / Кло кочет / Бездной / Дней... (Белый); И, окаймлен, перед ней / Мозгуей пенной остров вырос. / Но там, где серого гнезда / Комок однажды прилепился, / Бьет время, волны разнуздав, / Осколки ружнувшего мяса (Тихонов); Пеленки в блеске голубом / роняли, как минуты, капли на пол (Евтушенко).*

Пример 2. Экзистенциальное → транспорт (63 образа). Входит в парадигму «экзистенциальное → орудие». Время, дни, годы, история, эпоха, жизнь... — это колесо, колесница, телега, арба, одноколка, дрянжанс, паровоз, барка, корабль, галера, струг, расшива, карета и даже костыли.

Транспорт → экзистенциальное (3 образа): *Длинной вереницей один за другим, как дни человеческой жизни, потянулись по белому фону церкви вагоны и, казалось, конца им не было! (Чехов); ...океанский теплоход «Невель». ...так выглядела моя очередная судьба на ближайшие девять месяцев. Судьба ошвартовалась перед самой моей скамеечкой (Конечный).*

Пример 3. Время → существо (64 образа). Входит в парадигму «экзистенциальное → существо». Время — это люди: старец, летун се дой, вечный скороход, заимодавец-время, старик косматый, дед сутулый, скряга, доктор, мельник и т. д. Время, дни, годы, минуты... — птицы (деньки — голуби, часы — зяблики, дни — гуси и т. д.), животные: *век-волоодав; Век мой, зверь мой (Мандельштам); крадутся минуты, как серые кошки (Луговской); Увидишь Предвечность — коровой она / Уснула в пучине, не ведая дна (Клюев).* Время, минуты, часы... — насекомые (бабочки, пашель, тараканы): *Время, как пашель, в углу, и за печкой, / Дерево жизни буравит, сосет (Клюев); Время, робкая хризалида, обсыпанная мукой капустница (Мандельштам); По стене сбежали стрелки. / Час похож на таракана (Пастернак).*

Существо → время (4 образа). [О Л. Н. Толстом]: *Старик лихой, старик пурговый / Из грозных косм подъямлет взор... Ты — молнией лгзнувшее Время (Белый); Где орлы сидят подобны вечности (Хлебников); Мы, как Время, настаем (Вознесенский); Я и время — мы так похожи! / Мы похожи, как близнецы, / Разноглазы и тонкокожи... / Ну, скажи, не одно и то же — Конвоиры и беглецы? (Лисианская).*

Пример 4. Губы — растение (30 образов). Входит в парадигму «орган → растение». Губы, рот, уста — это цветы, розы, маки и т. д. *Розы ль огнисты / В алых устах (Державин); Пламень уст — багряных маков (Белый); Закутав рот, как влажную розу (Мандельштам); Губы же словно заросли (Вс. Иванов); рот — цветок граната (Лавренев).*

Растение → губы (3 образа): *Веселый день горит... Среди сомлевших трав / Все маки пятнами — как жадное бессилье, / Как губы, полные соблазна и отрав, / Как алых бабочек развернутые крылья (Анненский); Красивые цветы у сон-травы, посмотришь на них, и словно это смеются со стебля лукавые девичьи губы, и меж розовых губ дразнит тебя язык (Клычков).*

Пример 5. Свет → орудие (178 образов). Включает три парадигмы: 1) солнечный свет → орудие (97 образов). Солнце, закат, рассвет, зоря, лучи... — это мечи, стрелы, копыя, пики, рапиры, спицы, ножи, бритвы, иглы, лезвие, клинок и т. д.: *О сердце вечера... Ты все изречено стальные лезвия — / Ах, слишком ранние! — возникли над тобой [о закате] (Б. Лифшиц); Словно бритва, рассвет полоснул по глазам (Высоц*

кий); 2) лунный свет → орудие (58 образов). Луна, месяц — серп, клинок, нож, меч, лезвие, сабля, резак...: *Как меч изогнутый воздушного Персея, / Возникла лунный серп, уроненный на дно* (Вят. Иванов); *Я кладу в гильотину окна, / Никудышину, буйную голову. / Резаком упади, луна, / Сотни лет безнадежно тяжелая!* (Шершеневич); 3) звездный свет → орудие (23 образа). Звезды, Млечный путь, Венера, Веспер... — это иглы, гвозди, булавки, пики, копыя, зубья...: *Мерцают звезд булавки золотые* (Мандельштам); *и в бархат ночи вбиты гвозди звезд* (Набоков).

Орудие → свет (10 образов): *И как, точно свет из разорвавшейся тучи, понеслись с копыями оправившиеся казаки* (Хлебников); *Закатным лучом — копьецо твое / Из длинных перстов брызжет. / Иль луч пурпуровый / Косит копьем?* (Цветаева); *Как небо эту шею бычью / Секач как месяц озарял* (Хлебников); *Над их темными лицами сверкали лучи штыков* (Горький).

П р и м е р 6. Глаза → орудие (96 образов) (примеры см. в разд. VI). **Орудие → глаза** (6 образов): *И глазом, зелени подобным, / Кидалась умная стрела* (Хлебников); *шило блестит, узкое, словно глаз Будды* (Вс. Иванов).

П р и м е р 7. Вода → существо (79 образов). Вода → люди: волны, валы, море... — седые орды, войско, солдаты, янычары, великаны, бойцы, дружина...: о водопаде: *Стеклянной пуповиной летела в пропасть цепь / Стеклянных матерей / и дочерей, внизу река шумела* (Хлебников); *И с пенных лестниц падают солдаты / Султанов жнителей — разбрызганы, разъяты, — / И ад разносят холодные скопцы* (Мандельштам). Вода, волны, море, река... — это животные: зверь, кошка, волчица, лев, двугорбый верблюд, скот, единорог, лев, кони, борзые, козлы, свиньи, овчарки, бегемоты, пантеры...: *И водопад белел во мраке, точно / Встающий на дыбы единорог* (Гумилев); *И косматой волчицей бежала Нева* (Н. Павлович); *Море лежало... Горизонт уже желтел болезненно и злобно. Это было простительно заре, прижавшейся к задней стене огромного, на сотни верст загаженного хлева, где во всякую минуту могли взбеситься и подняться со всех концов волны. Теперь же они полгали на брюхе, и чуть заметно терлись друг о дружку, словно несметное стадо черных и скользких свиней* (Пастернак). Вода — рыба: *А волны точно рыба / В чугунном кипятке / На печи морской битвы, / Скакали без ума* (Хлебников); *Как племя зловных рыб, пойманных в сети, билась в камнях вода* (Вс. Иванов). Вода — птица: *По ребрам дюн жетет морская птица, / Неутомимый перистый компас* (Н. Матвеева).

Существо → вода (7 образов). Во всех семи случаях речь идет о женщине: *Она лежа, заснув с ласкающей свободой / Была как омут ночью или водоём* (Хлебников); *Ты — море. Лоб твой напугает, / Как вал крутой* (Вят. Иванов); *Когда вся ты беспомощно каплей / Стекаешь по груди моей* (Шершеневич); *Я же роскошная река* (Хлебников).

П р и м е р 8. Вода → сосуд (24 образа). Озеро, море, океан, лужа... — это чаша, сосуд, блюдо, блюдце, лохань, котел: *Море же — это две чаши одна над другой: чаша неба и чаша воды* (Пильняк); *Лужи, как тонкие блюдца, / Светятся около троп* (Заболоцкий); *море кипело, как котел с мыльной и грязной пеной* (Паустовский).

Сосуд → вода (2 образа): *В веселых, жарких, тесовых балаганах — ситуцы, малиновые пряники. Под небом, как куски воды, — посуда* (Вс. Иванов); *И с тем же неизменным постоянством / Сползались с полу на почной пикник Ковры в тюках, озера из фаянса / И горы пыльных, беспресветных книг* (Пастернак).

Пример 9. Слово → растение (43 образа) (входит в парадигму ин-формация → растение). Слова, стихи, поэзия, песни... — это цветы, ро-зы, мак, одуванчики, лебеда, шиповник, дуб, дерево, хвоя...: *Я б разби-вал стихи, как сад. / Всей дрожью жилок / Цвели бы липы в них подряд, / Гуском в затылок (Пастернак); Осеняет Словесное дерево / Избавную, дремучую Русь (Клюев).*

Растение → слово (5 образов): *Шиповник так благоухал, / Что даже превратился в слово (Ахматова); Там, как стихи, павлиноцветы, / Гремучий лютик, звездный зев (Клюев).*

Пример 10. Брови → птица (3 образа). Входит в более общую па-радигму «брови → существо».

Брови → птица: *Брови — черные стрижи (Клюев). И бровь его на сон похожая, / На дикой ласточки полет (Хлебников); И твердые ласточки крулых бровей / Из гроба ко мне прилетели (Мандельштам).*

Птица → брови (1 образ): *Летает дрозд, как сросшиеся брови (Брод-ский).*

IV. Принадлежность каждого образа той или иной парадигме. По-видимому, семантическая инвариантность образа имеет общий характер, т. е. каждый образ включен в ту или иную парадигму. При этом одни об-разы широко распространены, их парадигматичность очевидна (таковы члены парадигм: время → вода, растения → волосы, свет → ткань, гла-за → звезды и т. д.). Другие образы на первый взгляд кажутся уникаль-ными, единичными, но тем не менее рано или поздно оказывается, что и они имеют инвариант — парадигму. См. приведенные выше примеры обратных парадигм, а также свет → язык: *Солнце свисало с неба, как ро-зовый язык жаждущей собаки (Бабель); Солнце сплошь лизало меня боль-шим, гладким языком (Набоков); «Вот!» — дивится Маша и взглянула на месяц. Показалось ей, что он вот-вот на землю уронит язык: такой он у него вытянулся длинный и в березе полощется (Клычков); так гигант-ское небо эпохи Батыея / сковородку Земли, обжигаясь, берет языком (Воз-несенский); Звезды → соски: *Небо словно вымя, / Звезды как сосцы (Есе-нин); И звезды на меня глаза таращат, / И млечность, как соски на жи-воте! (Боков); Дорога → клавиши: препорядочный толчок, произведенный бревенчатую мостовую... Эти бревна, как фортепьянные клавиши, подыма-лись то вверх, то вниз (Гоголь); И били в разрядку копыта по клавишам жерзлым (Мандельштам); И в клавиши протуаров бухали мужчины, / уличных блудлищи остеревелые таперы (Маяковский). Зрение (взгляд) → захват арканом, ремнем: *Словно как стрелу вонзает / В глубину сердеч-ных ран, / Взор за юношей бросает, / Как невидимый аркан (К. Павлова); так начинается Геддала и обвивает меня шелковыми ремнями своих дымча-тых глаз (Бабель). Стрелы → зубы: прорезались, как два зуба, новые, желтые постройки (Горький); И тесные дома — зубов молочных ряд — / На деснах старческих как близнецы стоят (Мандельштам); Двадцать мы-сов и бухт в санаторных фортах, / В этом мраморно-чистом поседе, / Так оскалил на юге очерщины рта / Неврастеник — угрюмый север (Луговской); и белозубый городок со святой / несметных пальм (Набоков); Даже пляж, / расцелстав соленую слону, / ослабил утыканную домами челюсть (Маяковский); Средиземное море шевелится за огрызками колоннады, / как соленый язык за выбитыми зубами (Бродский). Зубы → строения: *На улице рта белый ряд домов / Зубов / И в каждом жильцами нервы (Шершеневич); а, прачущий во рту / развалины почице Парфенона (Бродский).****

Мысль о существовании инвариантов образов нова. Впервые в при-

нении к поэзии нового времени она была высказана А. Н. Веселовским [5]. В мифологии же, фольклоре и историческом литературоведении эта идея развивалась в работах по генезису метафоры², образным архетипам³, теории общих мест (клише, формул)⁴, при анализе инвариантов мифов⁵. Что касается поэзии нового времени, то, вероятно, ввиду чрезвычайного богатства и разнообразия ее образов, особенно в текстах XX в., идея семантической инвариантности не получила развития. Тем не менее многочисленные исследования, характеризующие творчество того или иного автора, структуру текста, повторы и т. д., часто отмечают сходные в каком-то смысле образы: «перекликающиеся» образы (В. П. Григорьев [19]), «протекающие» образы, «лейтобразы» (В. Шершеневич [20]) Н. Харджиев, В. Тренин [21]), «сквозные образы», «образы-мотивы» (Н. А. Кожевникова [22, 23]), «многokrратно повторенные, устойчивые для данного текста значения» (З. Г. Минц [24]). Непосредственно инвариантности посвящена работа А. М. Панченко и И. П. Смирнова об образных архетипах в русской средневековой словесности и в поэзии XX в. [25], а также статья Ю. А. Снежкова, где отмечен и проиллюстрирован факт образной синонимии [26].

V. Сложные образы. Выше говорилось о том, что каждый образ принадлежит той или иной парадигме. На самом деле все обстоит сложнее. Обычно образ включает не одну, а несколько парадигм. Поэтому была введена такая характеристика, как сложность образа.

Простой образ — это образ, принадлежащий одной парадигме. На-

² Наиболее близки к проблеме инвариантности образа работы О. М. Фрейденаберг (на материале мифов и античной литературы) [6], И. Г. Франк-Каменецкого, писавшего об «устойчивости метафорических сопоставлений, переходящих от поколения к поколению» [7—10]. Устойчивые образы представлены в исследованиях по исторической поэтике, см., например, на русском материале книгу Д. С. Лихачева [11].

³ В начале XX в. Юнг распространил свою теорию психологических архетипов на восприятие человеком поэтических образов. Видимо, с тех пор стал общепринятым термин «архетип образа», «метафорический архетип» (metaphorical archetype) (см. об этом [12]), (image archetype) [13, 14].

В самой распространенной трактовке архетипы образов — это древние, изначальные (первичные) образы, общие для большей части человечества. Они попали в литературу из мифов, ритуалов, фольклора: это образы: земля — мать, небо — отец, верх (низ) — рай (ад), солнце — глаз и т. д. Некоторые исследователи, например, Ундрайт и Фрай, объясняют общность и вечность архетипов общими биологическими свойствами человека.

В понимании Юнга образные архетипы имеют соответствие в структуре мозга и наследуются. Юнг объединял образные поэтические архетипы с образами, которые всплывают из подсознания во сне или в патологических состояниях. М. Бодкин, посвятившая проблеме образных архетипов целую книгу, считает, что мозг по крайней мере предрасположен к восприятию архетипов. Бодкин описала ряд образных архетипов на материале античной литературы и английской поэзии [15]. Обзор работ по мифологическим архетипам см. в книге Е. М. Мелетинского [16].

⁴ Существует огромное число исследований — от античных риторик до современных работ, — предметом которых являются так называемые «общие места», формулы, художественные стереотипы, повторяющиеся в разных текстах. При этом под формулами понимаются самые разные вещи: куски текстов различной длины (от слова, словосочетания до нескольких строф), повторы точные и вариативные, вариативные на уровне лексиксы и на уровне синтаксиса, единицы, метрически обусловленные и необусловленные. Среди всех этих разных видов клише некоторую часть занимают образцы. Наиболее изучена формульность в фольклоре (эпические формулы, клише в паремологии). Чем ближе текст к нашему времени, тем менее он клиширован, в лишь немногие работы посвящены этой теме на материале поэзии XVIII—XX вв. (см. книгу А. Д. Григорьевой и Н. Н. Ивановой [17]).

⁵ О понятии инвариант — трансформация в мифологии см. статью Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова [18].

пример: *Течет река земного времени* (время → вода). *Солнце светит багрянцей* (свет → ткань). Сложный образ — образ, принадлежащий более чем одной парадигме. Приведем несколько примеров сложных образов:

Пример 1. *Плещет рдяный мак заката / На озерное стекло* (Есенин). Здесь 3 парадигмы:

(1) свет → растение (цветы, розы, маки, бутоны, сад...)

(2) вода → вещество (стекло, слюда, кварц, хрусталь, кристалл...)

(3) свет → вода, лексико-синтаксическая парадигма (А плещет, брызжет, кропит, каплет на В): *малиновый каплет свет* (Ахматова); *Пусть вас золотом / Свет зари кропит; Закат обрызгал серые поля* (Есенин).

Пример 2. *...произанный тканью червоных пожаров, / плывет многобашенный город, туманно-далекый* (Белый) (об облаках в солнечном свете). Здесь 4 парадигмы:

(1) свет → огонь (пожар, костер, пламя, зарево...)

(2) свет → ткань [см. разд. I (3)].

(3) облако (туча) → строение (город, башни, храм, терем...): *в храмине туч, сине-белой* (Брюсов); *Плывут облаков терема* (Клюев).

(4) свет → действие орудием, лексико-синтаксическая парадигма (А пронизывает, прокалывает, протыкает, дырявит... В либо: В пронзен, проколот, продырявлен... А): *что весь световым железом / Пронизан — пробит — пронзен* (Цветаева).

Пример 3. *В овраге снежные ширинки / Дырявит посохом закат, Полощет в озере, как в кринке, / Плева на лес, кумачный плат* (Клюев). В этом образе 7 парадигм:

(1) снег → ткань (ковер, скатерть, платок, ширинка, холст, парча, риза, одежда...): *голубой парчой лежали снега* (Паустовский);

(2) свет → орудие: *Где опустило солнце осеннее / Своей золотой и теплой посох* (Хлебников) (см. также пример 5 разд. III);

(3) свет → действие орудием, см. предыдущий пример;

(4) вода → сосуд (*озеро — кринка*), см. пример 8 раздела III;

(5) свет → ткань (*кумачный плат*);

(6) свет → вода, см. выше пример 1 (3) (*закат плещет на лес*);

(7) отражение А в В → полоскание А в В (А полощет, моет... С в В или В полощет, моет... А): *у реки, полощущей / Цветные бусы фонарей* (Цветаева). Эта парадигма — лексико-синтаксическая.

Способы соединения парадигм в сложном образе составляют своеобразную семантическую грамматику, которая частично описана в [3, 27]. Частный случай сложного образа — сложный оксюморон — рассмотрен в [28, 29].

VI. Множество элементарных лексических парадигм. Парадигмы образов — не просто некоторое явление в жизни языка. Они представляют собой фактически элементы для порождения образов. По-видимому, существует небольшое множество элементарных парадигм, из которых строятся все остальные парадигмы, а следовательно, и все образы поэтического языка. Такая точка зрения на словесное искусство была высказана А. М. Панченко и И. П. Смирновым в [25].

Все лексические образные парадигмы можно описать с помощью небольшого набора семантических признаков, которые представляют собой возможные инварианты X и Y в парадигме вида X → Y. Вот список этих признаков: «существо», «ткань», «вода», «звук», «информация», «орудие», «растение», «огонь», «пространство», «еда», «плоды», «вещество», «драгоценное», «сосуд», «свет», «экзистенциальное» (время, жизнь,

судьба, случай...), «орган», «ментальное», «стихия», «социальное», «мир», «природа», «предмет». Приведенные признаки имеют общий характер и включают более частные [так, признак «орган» содержит признаки: «глаза», «кровь», «рука», «губы» и т. д., признак «пространство» — воздушное пространство (небо, дым...), земное пространство (поле, дорога...), горы, строения и т. д., а признак «орудие» — орудия пронзающие, орудия давящие, транспортные средства и т. д.]. «Предмет» обозначает ряд предметов, каждый из которых семантически уникален (зеркало, лестница, паутина, крест, икона, алтарь, маятник и т. д.) С помощью этих признаков можно описать множество элементарных лексических парадигм вида $X \rightarrow Y$ ⁶. Проиллюстрируем сейчас, как укладываются в эту схему парадигмы для некоторого множества образов. Рассмотрим группу образов, где речь идет о глазах, т. е. в которых глаза, очи, взор, зрак и т. д. с чем-то сравниваются. Оказалось, что это множество (954 образа) порождается 25 парадигмами вида $глаза \rightarrow X$, где X — признаки, приведенные выше. Объем статьи позволяет привести лишь несколько таких парадигм. Каждая из них разделена на более частные, звездочка означает обратимость парадигмы. Более полное обоснование парадигм «глаза $\rightarrow X$ » содержится в [3].

1. Глаза \rightarrow существо

Глаза \rightarrow люди (лоцман, войско, правительство, конвой, воры, сторож, первопрестольники): *Глаза, как конвой. / Озираются: Куда? Направо? Прямо?* (Шершеневич); *и глаза его, зеленые воры, так по сторонам и бегали...* (А. Веселый).

Глаза \rightarrow птицы (скворцы, ястребы, орлы, канарейки, соколы, чижи): *И только словно утомленные птицы, устало махая крыльями, летели темные глаза* (Вс. Иванов); *Глаза, как два скворца в скворешнице; Как птицы жмутся на меня / Синие глаза мне прямо в душу* (Хлебников).

Глаза \rightarrow животные (зверки, мыши, лисичи, змеи): *маленькие глазки еще не потухнули и бегали из-под высоко выросших бровей, как мыши* (Гоголь); *зрачок как лисица, в заросли — золотисто-серый* (Вс. Иванов).

Глаза \rightarrow насекомые (мотыльки, светляки, бабочки, шмели, пчелы, осы, блохи, пауки): *Как черный мотылек / В бровях блистает глаз* (Хлебников); *Загнали проворные, как блохи, глазенки, запрыгали* (Вс. Иванов).

Глаза \rightarrow пиявки: *очи пламенные / Черные струились полосой, реяли, плыли по течению / К быку победителю — длинные пиявки по руслу реки — тысячи глаз / Тянулись* (Хлебников); *как пиявки, глазки пьяниц налились* (Вознесенский).

Глаза \rightarrow рыбы: *а глаза, как два сига, / из-под платка сигают!* (Евтушенко); *в зеркальной заводи трепещут / две золотые рыбки глаз* (Дольский).

2. Глаза \rightarrow орудие

Глаза \rightarrow орудие * (пронизывающие)⁷: стрелы, мечи, копья, иглы, бу-

⁶ Кроме того, существуют еще признаки-свойства, порождающие два особых класса парадигм: оксюморонного типа, т. е. антитезы, оксюмороны в пр. (*жаркий холод; железная нежность; И черным белый был...*), а также парадигмы «эстетичности» образов (*шершавый голос; квадратный крик; хриплая охра...*). Частично эти признаки описаны в [28], а типы парадигм в зависимости от типа признака — в [30].

⁷ Соответствующая лексико-синтаксическая парадигма: зрение \rightarrow действие орудием, т. е. глаза (взор, взгляд...) пронзают, режут, протыкают, ранят, кромсают...: *Его тревожные взоры кромсали также и воздух* (Пастернак); *Ты б знал, как младенцу косят, / Чтоб вырезать взором из дали / Утешную тему змеи — / Скамейку, собаку и сад* (Ю. Морц); *горячечными глазами вклиниваясь в темноту* (Шолохов).

равчики, клинки, сабли, шашки, гвозди, ножи, пило, лезвия, секира-кинжалы, коса, острога, штопор: *Твоих очей пылающие стрелы* (Жуковский); *Глаза — как туркменская сабля* (Вс. Иванов); *синее лезвие чужого взгляда* (Шолохов); *и глаз мечи, что, жедля, метят* (Вяч. Иванов); *Глаза человека — секира* (Хлебников); *Только глаза, как шило, сберег* (Тихонов); *мужские взгляды как острогу, / на провинившихся метать* (Аввакумова).

Глаза → оружие * (огнестрельное)⁸: порох, ядра, дробь, заряд, картечь, пули, обойма, дула, автомат, винтовка: *И прыгает черными ядрами / Очей шоколадных картечь* (Мартынов); *а взгляд — огнестрельное оружие* (Гоголь); *Стволы глазищ — числом до десяти, / как дула на мишень, но на живую* (Высоцкий).

Глаза → метла: *Метлою глаз из тысячи окон / Ночную темь мели* (Хлебников).

Глаза → грабли: *Их очи колючи как грабли* (Хлебников).

Глаза → аркан (ремни) (примеры см. в разд. IV).

Глаза → транспорт (механизмы, приспособления): лодки, автомобиль, чугунка, мотоцикл, подшипник, колесо: *По лицу проносятся очи, / как буксующий мотоцикл* (Вознесенский); *В моих глазах спокойно-карих, / Как сломанный автомобиль, застыло дремлет тишь* (Шершеневич); *а под бровями, как лодки-ледянки, / ходят, покачиваясь, глаза* (Евтушенко); *Глаза мои хотели удивленно и вопросительно подняться, но я успел поймать их на лету и посадил обратно на аэродром стола* (Конечкий).

Глаза → орудия давящие (разбивающие, ломающие)⁹: гири, молоты: *Млат в ночи / нехристя очи* (Асеев).

Глаза → телескопы *: *И, сдвизая телескопики / Своих потушишх глаз, Птица думала* (Заболоцкий).

Глаза → антенна: *и я начинаю звенеть и звенеть / антеннами глаза, слотки, носа* (Маяковский).

3. Глаза → орган

Глаза → клыки, зубы¹⁰: *У Олимпиады глаза — клыки* (Вс. Иванов); *Зубы зрения крошатся и обламываются, когда смотришь впервые на армянские церкви* (Мандельштам).

Глаза → щупальцы (хватальные, цепляющие): *Морскими щупальцами тянулись к коню слепому и бедному — / Храма тысячеокого очи; И толпа тысяч и тысяч сосала / Щупальцами и жалами зрелище* (Хлебников); *стекловидные щупальца следователей и ваттеров* (Шаламов).

Глаза → рот * (часть, губы)¹¹. *Двуочие раззевать, как пасть!* (Цве-

⁸ Соответствующая лексико-синтаксическая парадигма: глаза (взор, взгляд...) ранят навзлет, стреляют, расстреливают: ...*глаза его выпучились, как будто хотели выстрелить* (Гоголь); *под расстрелом глаз вдруг задумчивых толп* (Хлебников); *Он ранит взглядами навзлет* (Исаковский); *Анна Ахматова прострелила меня своими гипотетскими глазами* (Паустовский).

⁹ Соответствующая лексико-синтаксическая парадигма: глаза (взор, взгляд...) давят, прижимают, ломают...; и только тогда прижал Петра строгим, *слабно мерцающим взглядом* (Шолохов); *Глаз без всяких восторгов давила танцующую взглядом* (Т. Толстая); *А царь на него покосился, да так, / что взглядом сломал, как в ладони пятак* (Евтушенко).

¹⁰ Соответствующая лексико-синтаксическая парадигма: глаза (взор, взгляд...) грызут, кусают: *Укушенный взором неистово-злыми* (Шершеневич); *Зрочки кусающие в Ваше лицо ползали* (Шершеневич); *думал, злобно обгрызая глазами крутой оптический замылок* (Шолохов).

¹¹ Соответствующая лексико-синтаксическая парадигма: зрение → съедание; глаза (взгляд, взор...) жрут, глотают, едят, сосут, пьют...: *два страшные глаза прямо*

Таблица 1

А	В
свет → Y экзистенциальное → Y орган → Y растение → Y воздушное пространство → Y информация → Y ментальное → Y стихия → Y вода → Y строение → Y существо → Y	X → существо X → ткань X → вода X → информация X → орудие X → растение X → орган X → огонь X → пространство X → еда X → плоды X → вещество X → драгоценное X → сосуд

таева); *Итак, страдание скрещивает органы чувств, создает гибриды, приводит к губастому глазу (Мандельштам); Глаз его сощурен, как губы гурмана, сосущие сквозь соломинку упоительное варево, называемое жизнью (Вознесенский).*

VIII. Множество наиболее продуктивных парадигм. Мы говорим, что парадигма тем продуктивнее, чем чаще она реализуется в образах, т. е. чем больше образов принадлежит данной парадигме. Парадигмы существенно отличаются друг от друга своей продуктивностью. Это можно было видеть на примере прямых и обратных парадигм (см. разд. III). Для парадигмы типа «глаза → X» наиболее частотными являются «глаза → огонь», «глаза → зеркало», «глаза → окно (дверь, ставни), глаза → пуговицы, глаза → иконы, глаза → кресты, глаза → знамя, глаза → пробки, глаза → паутина». На основании анализа картотеки были найдены наиболее продуктивные парадигмы (см. табл. 1).

Количество образов, принадлежащих парадигме из табл. 1, определяется суммой образов, принадлежащих данной парадигме при всевозможных значениях X либо Y (X и Y — признаки из разд. VI). Так, парадигмам «свет → Y» принадлежат все образы, которые принадлежат парадигмам: свет → существо, свет → ткань, свет → вещество и т. д.

Часть А табл. 1 показывает, о чем больше всего образов в русской литературе. Наиболее продуктивны по предварительным подсчетам первые три парадигмы части А (так, образы света составляют 19—20% от общего числа образов картотеки). Однако внутри парадигмы разброс в частотах реализации более частных парадигм может быть весьма значителен. Так, парадигма «свет → Y» включает парадигмы: солнечный свет → Y, лунный свет → Y, звездный свет → Y. Соотношение их частот примерно равно 35 : 19 : 17, т. е. солнечный свет в русской литературе поэтизируется больше, чем звездный и лунный. Приведем ниже примеры количественного распределения образов по частным парадигмам внутри более общей (признак X частной парадигмы обозначен лексемой или группой лексем).

всперлись в него, как бы готовясь сожрать его (Гоголь); Советский муж с лысой бородой! Сосал глазами паяску! Едущих в Персию (Хлебников); словно всосала взгляд мужа в провалыне грачки (Тендряков).

орган → Y

глаза → Y (954 образа), душа (сердце) → Y (455), лицо → Y (132), губы (рот, уста) → Y (111), грудь (перси) → Y (71), рука (ладонь, пальцы) → Y (61), брови → Y (49) и т. д.

экзистенциальное → Y

время → Y (583 образа), жизнь → Y (424), смерть → Y (280), судьба → Y (190), осень → Y (265), весна → Y (71), зима → Y (45), лето → Y (15), ночь → Y (328), день → Y (90), вечер → Y (59), утро → Y (10).

стихия → Y

ветер → Y (286 образов), снег → Y (227), дождь → Y (196), метель → Y (190), гроза → Y (48), град → Y (7), ураган (тайфун) → Y (4).

Часть В табл. 1 показывает, с чем больше всего идет сравнение в образах русской литературы. Приведенные в этой части парадигмы для каждого данного X порождают большую часть образов и составляют большую часть всех его парадигм.

Из сопоставления двух частей таблицы видно, что есть признаки, которые делают парадигму продуктивной лишь в одной позиции. Так, признаки «ткань», «сосуд», «драгоценное», «вещество» чаще занимают позицию правого члена парадигмы (чрезвычайно мало образов о тканях, сосудах и т. д., и наоборот, очень продуктивны парадигмы вида: X → ткань, X → сосуд, X → вещество, X → драгоценное).

С помощью предложенных семантических признаков можно описать не только парадигмы общего характера (также, как глаза → Y, см. выше, или растение → Y, т. е. парадигмы о деревьях, цветах, травах, ветвях и т. д.), но и парадигмы для конкретных лексем. Это и будет описанием значения лексемы в поэтическом языке. Вот, например, парадигмы лексемы «сирень»:

1. Сирень → существо (гений, баловень, лыжница, купальщица, пудель, многоотпный девичник, гостья, чужестранка): *сирень — как лыжница, / сирень, как пудель, мне в щеки лижется!* (Вознесенский).
2. Сирень → ткань (чалма, кисей, буфы, бархат): *Какая пыльная лиловая чалма! ... На лоб съезжала мне, топорщилась у глаз* (Кушнер); *пустив на буфы бархат кардинальский, / цветок вступает в скудный мой чертог* (Ахмадулина).
3. Сирень → вода (прибой, течение): *Как радостно и странно было глядеть сверху на этот мощный волнистый сиреневый прибой, набегавший на городишко жеманно-лиловыми, красно-фиолетовыми волнами* (Куприн).
4. Сирень → звук: *И лишь в окно вливалась песнь сирени* (Брюсов); *Ночные грозды гудят мажрово, / как микрофоны из мельхиора* (Вознесенский).
5. Сирень → пространство:

а) сирень → воздушное пространство (облака, дым, туман): *Сирень персидская стоит как облака* (Кушнер); *За корпусами сад... застланный лиловым дымом мажровой сирени* (Лавренев);

б) сирень → земное пространство; сирень → строение (своды, город, Царьж, особняки): *Сирень похожа на Париж, / горящий осами окошек. Ты кисть особняков продрогших / серебряную шевелишь* (Вознесенский);

у сиреневых сводов (Ахмадулина): *Когда она цвела и стояла вся в пене, она была похожа на город (Трифонов);*

в) сирень → горы: *Взгляд поднимается как бы на холм с холма (Кушнер) [о персидской сирени]; Горы подножье и подвал — / словно провал ума больного / Как бедный Врубель тосковал! / Как все безвыходно лилово! (Ахмадулина).*

6. Сирень → огонь (лишь косвенно в лексико-синтаксической парадигме: *сирень пылает ацетиленом!* (Вознесенский).

7. Сирень → орудие: *В каждый гвоздик душистой сирени (Фет).* Также сближение с транспортом в лексико-синтаксической парадигме «цветение → езда»: *свистит трассирующая сирень (Вознесенский); сирень как гений! / из всех одна / На третьей скорости цветет она (Вознесенский).*

8. Сирень → орган (глаза, очи, пальцы): *под кустом волоокой сирени (Кушнер); Все смотрю я в сиреневые очи (Ахмадулина); Ночные персты сирени (Вознесенский).*

9. Сирень → драгоценное (аместияст): *Лилового мажрового растения / хочу! — сгустился робкий аметист (Ахмадулина).*

10. Сирень → свет (люстра, салют): *Вокруг планеты зеленой люстрой как сто салютов, стоит сирень (Вознесенский).*

11. Сирень → пена (см. выше парадигму сирень — земное пространство).

Понимая, что предложенные в этой статье схемы описания — семантические признаки и парадигмы — требуют отдельного обоснования, невозможного в рамках журнала, мы надеемся все же, что примеры в тексте хотя бы отчасти иллюстрируют обоснованность и психологическую реальность найденных образных парадигм.

Заключение. В этой статье мы рассмотрели простейшие свойства организации образной системы языка: свойство каждого образа принадлежать той или иной парадигме (простой образ) или нескольким, многим парадигмам (сложный образ), свойство обратимости парадигм, существование множества элементарных парадигм и множества наиболее продуктивных элементарных парадигм.

На основе этих свойств и соответствующих формальных структур можно исследовать более сложные и интересные проблемы развития образного языка. Некоторые предварительные результаты на этом пути получены уже сейчас. Так, удалось понять, каковы основные способы создания «новых» образов и пути из развития [4, 31], а также как с точки зрения предложенных формальных структур характеризовать авторский стиль [3, 32]. Определены также те характеристики поэтического образа, которые, по-видимому, релевантны для исследования поэтического языка в синхронии и диахронии: 1) сложность — простота образа; 2) парадигмы, которым принадлежит образ; 3) типы этих парадигм; 4) общее число парадигм и число парадигм каждого типа; 5) образная насыщенность (отношение числа слов образа к общему числу его парадигм); 6) реальное лексическое наполнение парадигм (какой лексемой выражены X и Y); 7) усиление парадигмы (сколько раз и в каких реальных лексемах повторяются X и Y); 8) тип «семантической грамматики», т. е. тип соединения парадигм в сложном образе.

Однако очевидно, что анализ по этим параметрам на большом материале с установлением различного рода корреляций невозможен вручную и требует применения вычислительной техники. Мы надеемся, что машинный вариант словаря поэтических образов позволит прояснить многое, оставшееся за рамками этой статьи: определить точную хронологию

и статистику парадигм образов в разные исторические эпохи; установить распределение разных параметров поэтических образов в разные эпохи; описать развитие каждой парадигмы: частотные характеристики, изменение ее лексического состава, степень ее участия в сложных образах, время и авторство ее «обращений» (т. е. появления обратной парадигмы); сопоставить образные системы разных авторов, поэтических направлений, эпох; найти корреляцию образных парадигм с теми или иными характеристиками общественного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Шкловский В. Б. Законы сцепления // Шкловский В. Б. Повести о прозе. Т. I М., 1966.
2. *Saminade P. Image et métaphore.* Nancy, 1970.
3. Автоматизация подготовки словарей / Под ред. Павлович Н. В. М., 1988.
4. Павлович Н. В. Парадигмы образов в языке русской поэзии XX в. // Язык русской поэзии XX века. М., 1989.
5. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940.
- 6 Фрейдберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы. Л., 1936.
- 7 Франк-Каменецкий И. Г. О развитии поэтической метафоры // Советское языкознание. Вып. 1. Л., 1935.
- 8 Франк-Каменецкий И. Г. Растительность и земледелие в поэтических образах Библии // Язык и литература. 1929. Вып. IV.
9. Франк-Каменецкий И. Г. Вода и огонь в библейской поэзии // Ифетический сборник. Вып. III. Л., 1924.
- 10 Франк-Каменецкий И. Г. Отголоски представлений о матери-земле и библейской поэзии // Язык и литература. 1924. Вып. VIII.
11. Лухачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
12. *Wheelwright Ph. Metaphor and reality.* Bloomington; London, 1966.
13. *Fry N. Fables of identity. Studies in poetic mythology.* N. Y., 1963.
- 14 *Fry N. The archetypes of literature // Myth and literature. Contemporary theory and practice / Ed. by Vickery J. Lincoln, 1966.*
15. *Vodkin M. Archetypal patterns in poetry // Psychological studies of imagination L., 1934.*
16. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976.
- 17 Григорьев А. Д., Иванова Н. Н. Поэтическая фразеология Пушкина. М., 1969
- 18 Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Инвариант и трансформация в мифологических и фольклорных текстах // Типологические исследования по фольклору. М., 1975
19. Григорьев В. П. Грамматика единостия. В. Хлебников. М., 1983.
- 20 Шершеневич В. Листы имажиниста. М., 1920.
- 21 Харджиев Н., Тренин В. Поэтическая культура Маяковского. М., 1970.
- 22 Кожеевникова Н. А. Из наблюдений над неклассической («орнаментальной») прозой // ИАН СЛЯ. 1976. № 1.
23. Кожеевникова Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М., 1986.
- 24 Милн Э. Г. Лирика Александра Блока. Тарту, 1965.
- 25 Панченко А. М. Смирнов И. П. Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX в. // ТОДРЛ. 1971. Т. XXVI.
26. Снежков Ю. А. Поэтическая синонимия (К проблеме синонимии тропов) // ФН. 1983. № 4.
27. *Pavlovich N. V. Hierarchy in the image system of the language // Symposium on language universals. Tallinn, July 28—30. Tallinn, 1987.*
28. Павлович Н. В. Семантика оксюморона: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.
- 29 Павлович Н. В. Сила и сложность семантического противоречия в оксюмоне // Проблемы структурной лингвистики. М., 1981.
30. Павлович Н. В. Типы поэтических образных парадигм // Уч. зап. Тарт. ун-та 1990. Вып. 911.
31. *Pavlovich N. V. Automatic dictionary of poetic images: historical development of non-normative semantics // Symposium on formalization in historical linguistics Tallinn, 1986.*
- 32 Членова С. Ф. Об одном подсловаре автоматического словаря поэтических образцов // Вторая всесоюзная конференция по созданию Машинного фонда русского языка. М., 1987.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 1991 г.

АРНОЛЬД И. В.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СИСТЕМЫ И СРЕДЫ

В лингвистике проблема соотношения системы и среды рассматривается в разных аспектах. Объединение всех этих концепций может иметь большую эвристическую силу. Настало время объединить и обобщить многие явления, ранее распыленные по разным разделам науки. Системность и функциональность, а также адаптивность и прагматика говорящего и слушающего пронизывают все явления языка и речи и должны рассматриваться в комплексе.

Под системой, как известно, понимается упорядоченная и внутренне организованная совокупность взаимодействующих и взаимосвязанных объектов, образующих определенную целостность. Представление о том, что теория систем в разных своих вариантах языкознанию необходима, укоренилось давно, а теперь уже прочно завоевал свое место и функциональный подход. Появились работы и о значении среды.

Проблема взаимодействия системы и среды объединяет целый ряд вопросов: и общую теорию систем, и теорию адаптивных систем, и теорию множеств, и теорию нечетких множеств, и теорию информации. Применительно к лингвистике сюда должно войти все, что мы знаем о лексико-семантической системе, о лексических полях, функционально-семантических или грамматико-лексических полях, о грамматических категориях, о полевой структуре явлений грамматики и лексики, о контексте, о парадигматических и синтагматических связях, о теории вариативности слова.

Важно показать, что в языке представлены функционально-адаптивные системы, которые непрерывно адаптируются к условиям коммуникативной среды и ситуации, в которых они функционируют. Высокая способность к адаптации является чертой, отличающей живые существа от неживой природы. Неудивительно поэтому, что теорией адаптивных систем мы обязаны прежде всего физиологам.

Как и в других науках, в языкознании действуют два противоположно направленных процесса: интеграция и дифференциация. Интеграция состоит в нашем случае в том, что для уточнения своих представлений о системности мы используем данные других наук, а дифференциация — в приспособлении этих концепций к специфике языкознания на основе анализа соответствующего материала.

Термин «адаптация» восходит, как известно, к Ч. Дарвину, который

обозначал этим словом приспособление живых организмов к условиям окружающей их среды. И. П. Павлов воспринимал организм как целое и объяснял, каким образом это целое непрерывно адаптируется к окружающей его среде. Решающую роль в работе организма при приспособлении к среде играет нервная система и центр высшей нервной деятельности — большие полушария головного мозга. Известный физиолог П. К. Анохин предложил свою теорию функциональных систем еще в 30-х годах и продолжает ее с успехом развивать в течение многих десятилетий применительно к адаптации живых организмов к окружающей их среде. Он подчеркивает динамичность живых систем и их способность к экстренной саморегуляции и адекватному приспособлению к изменению обстановки (среды). В этой связи П. К. Анохин вводит понятие «полезный приспособительный результат». В основе этого механизма лежит афферентный синтез, включающий доминирующую мотивацию, ориентацию в обстановке, пусковую афферентацию, т. е. стимул и память [1].

Всемирно известный физиолог Г. Селье почерпнул идею целостности и адаптации у И. П. Павлова, перед которым преклонялся. В своей работе «Очерки об адаптационном синдроме» он показал, как происходит в трудных ситуациях мобилизация защитных сил организма и приспособление к неблагоприятным условиям среды. Основой при этом оказывается «я эндокринная система».

Под адаптивной системой понимается самоаправляющаяся система, приспособляющаяся к условиям своего функционирования не только путем обогащения своего состава, но и путем изменения самой своей структуры. Поводом и основой для изменения и адаптации системы является нарушение равновесия между состоянием системы — ее составом и устройством, с одной стороны, и теми задачами, которые она в процессе своего функционирования должна выполнять, — с другой.

О том, что система формирует свои свойства во взаимодействии со средой, пишут теперь не только физиологи, но и представители разных наук. В теории информации понятие среды входит в понятие системы уже по определению. Там принято считать, что множество образует систему, если связи определенного вида между элементами этого множества (внутренние связи) преобладают над аналогичного вида связями между элементами этого множества и окружающей средой (внешние связи).

Рассмотрение языка как адаптивной системы соответствует методологическим основам советской лингвистики, т. е. пониманию того, что развитие языка и сознания неразрывно связаны с развитием общества, с историей народа — носителя языка. В языке мы имеем дело с частным случаем всеобщей связи явлений в природе и обществе [2—4].

Следует подчеркнуть, что в активном приспособлении языка к меняющимся условиям и задачам общения осуществляется диалектическое единство двух его противоположных свойств: структурно-функциональной организованности и структурно-функциональной изменчивости, т. е. вариативности.

Функциональное направление в изучении языка отнюдь не ново, и оно с самого начала учитывало приспособление языка к процессу общения и к среде. Само понятие «функция объекта» бессмысленно, если отбросить среду, в которой эта функция выполняется. Это учитывалось и представителем Пражской школы Н. С. Трубецким, и в социолингвистике, начало которой было положено в 30-х годах Е. Д. Поливановым. Со стороны психологии мышления об этом же по существу писал и выдающийся французский лингвист Г. Гийом, хотя термин «функция» он не употреб

ля, а рассматривал «причины». Свою теорию он называл психосистема-
гикой.

Наш современник, один из самых известных английских ученых М. А. К. Халлидей, напротив, широко пользуется термином «функция», хотя и в несколько ином значении [5--6]. Его концепция функций относится к 60-м годам, но широко применяется и в настоящее время. Три основных функции языка, по Халлидею, — содержательная, межличностная и текстуальная. Содержательная (ideational) функция передает то, что говорящему известно о мире; межличностная (interpersonal) функция устанавливает и поддерживает социальные отношения, т. е. эта функция может быть названа прагматической; текстуальная (textual) функция обеспечивает связность высказывания и его ситуативную релевантность. Эта теория называется функционально-ориентированной системной грамматикой. Три деления Халлидея хорошо сопоставляются с известным делением семиотики на семантику (отношение знаков к обозначаемому), прагматику (отношение знаков к тому, кто ими пользуется) и синтактику (отношения знаков между собой). Стоит обратить внимание на то, что в каждом из этих делений мы по существу имеем опять отношения знаков с средой; в первом случае среда — это внешний мир, во втором — участники коммуникации и в третьем — остальные компоненты системы языка.

Среда — это необязательно какая-то суперсистема высшего порядка, хотя и это возможно. Она может представлять собой и другую семиотическую систему. Например, можно рассматривать терминологическую систему во взаимодействии с системой науки, которую она обслуживает, или систему политической лексики в среде той идеологии, которую она выражает.

Среда может создаваться и пересечением нескольких разных или более или менее близких систем. Так, система какого-либо глагольного времени функционирует и должна рассматриваться в среде других видовременных глагольных форм и в зависимости от участвующих семантических групп глаголов.

Понятия системы, функции и среды диалектичны. Так, например, если за исходную систему принять синтаксис, то лексическая система оказывается средой, и, наоборот, для лексических групп средой могут быть релевантные для них грамматические категории (ср. создание семантического синтаксиса).

Поскольку адаптивный принцип предполагает рассмотрение системы в процессе ее функционирования, синхрония и диахрония неразрывно связаны. Диахрония может рассматриваться как среда синхронии.

Здесь уместно вернуться к концепции Г. Гийома, который писал о том, что язык одновременно является и наследием прошлого и результатом непрерывного преобразования его человеком в процессе познавательной работы. Знаки должны удовлетворять требованиям мысли. В каждый данный момент времени языковые изменения незначительны, что и позволяет изучать систему языка как условно стабильную. Язык для Гийома — динамическая векторная система систем, диахрония синхроний. В любой заданный момент времени факты языка образуют систему, но когда код становится сообщением, статика сменяется динамикой. Изменения могут происходить внутри системы, не меняя ее механизм, но могут и вызвать изменения в самом механизме системы. В этих случаях исследователь, наблюдая изменения отдельных фактов, должен пытаться выявить их с историей всей абстрактной системы, с историей ее связей и корреляций. Та

кой подход — и с точки зрения Гийома это очень важно — позволяет не только описывать, но и объяснять факты языка. История языка должна быть историей его системы, а не отдельных фактов [7—8]. Большой интерес представляет замечание Гийома о том, что изменчивость системы, изучаемая лингвистами, отличается от изменчивости, с которой имеют дело физики и которая подчиняется общим неизменным законам природы. Физик наблюдает далеко еще не полностью познаваемую, но устойчивую, всеобщую и неизменную систему, а система языка непрерывно меняется. Концепция Гийома не противоречит адаптивно функциональному подходу, хотя говорит он не о функциях, а о причинах изменений.

Постараемся проиллюстрировать сказанное выше о системе и среде на конкретных фактах языка. Примеры можно взять из любой области грамматики, лексики, теории контекста. Но интересно выбрать наиболее антропоцентрический, а таким мне представляется система личных местоимений. Рассмотрим ее преимущественно на материале английского языка, но в сравнении с другими.

В прошлом английские личные местоимения представляли собой упорядоченное множество, каждый элемент которого характеризовался по трем дифференциальным признакам: лицо, число, падеж (адресант, адресат или кто-то третий). Затем первоначально закрытая система перестает быть закрытой. Порядок нарушился. Появился еще один признак, этикетный (гонорифический). Среда — прагматические условия межличностных отношений — сообщила местоимению 2 л. мн. числа в русском и французском языках гонорифическое значение (в немецком и испанском эта функция отходит к 3 л.). Интересно, что в соответствии с наблюдением Гийома (сделанным по другому поводу) формы остаются, а их функции и отношения меняются. Адаптация системы к меняющимся нормам языка идет постепенно.

Во времена Шекспира местоимение *ты* употребляется простыми людьми при общении между собой, в высших классах при обращении к близким, но не к незнакомым, а также при обращении к слугам. В «Двенадцатой ночи» сэр Тоби подстрекает сэра Эндрю вызвать мнимого соперника (Виолу) на дуэль и советует написать оскорбительное письмо с обращением на «ты»: «Заляпай противника чернилами. Можешь тыкнуть его разок-другой, тоже будет не худо» [Taunt him with the licence of ink; if thou thoust him some thrice it shall not be amiss (Act III. Scene II)].

Местоимение 2 л. ед. числа попадает в среду функциональных стилей и регистров, а в системе языка заменяется 2 л. множественного. Задолго до появления прагматики все, кто писал об употреблении местоимений, отмечали, что их значение и употребление зависит от главного компонента всей прагматики — ситуации [9]. В современной английской грамматике академического типа для 2 л. ед. и мн. числа указана только одна форма *у*: *л*. Есть только оговорка, что форма *thou* сохраняется для регистра религиозного употребления, т. е. в качестве среды выступает регистр. *Thou* obligatorно для обращения к Богу.

Таким образом, в систему попадает омонимия ед. и мн. числа для 2 л. Система должна самооптимизироваться при помощи контекста, что мы и наблюдаем. Речь чаще обращена к одному лицу. Поэтому особые условия контекста характеризуют 2 л. мн. числа. Когда обращаются ко многим людям, местоимение должно быть уточнено. В одной американской грамматике было даже указано, что *you* — это местоимение 2 л. ед. числа а местоимение мн. числа — *you all*.

В английском языке контекстуальное уточнение выглядит так: *Thank you all; (both of you, you, my friends; all of you.)*

В венгерском языке русскому *вы* может соответствовать пять разных форм — три этикетных формы для одного собеседника и две формы для мн. числа (несколько *ты* и несколько *вы*) [10].

Впрочем, зависимость от прагматических условий употребления как от среды наблюдается и в других элементах этой микросистемы. Она проявляется прежде всего в том, что под действием прагматических стилистических требований и в условиях эмоционального обращения местоимения характеризуются определенными транспозициями.

Так, например, местоимение 1 л. ед. числа может замениться на *we* в условиях научного текста (*As we showed in Chapter I*) или *we* может быть инклюзивным («я» и «вы») также в научном тексте с прагматическим заданием привлечения внимания (*Let us now turn to the next...*). Хорошо известно королевское *we* [*We are not interested in the possibilities of defeat. They do not exist (Queen Victoria)*].

Про себя также можно говорить в 3 л.: *The Queen is most anxious to enlist everyone... She...* Аналогичны случаи, когда родители, разговаривая с ребенком, называют себя *mother, daddy*. Наконец, то же местоимение *we* может транспонироваться во 2 л. ед. числа у постели больного: *How are we feeling today, then?* с подбадривающей и сочувственной функцией.

You может транспонироваться в разряд неопределенных местоимений, а референтно относиться к говорящему лицу (*You never know what may happen*), причем существует некоторое стилистическое взаимодействие со средой, поскольку замена *you* на *one* в подобном случае приводит к определенному увеличению формальности высказывания.

Референцию к говорящему может получить даже формально безличное *it* в соответствии с требованиями прагматики и этикета научного стиля в парентетических структурах типа: *The resulting principles will, it is hoped, give a fair reflection of...*, где *it is hoped* равноценно *I hope, one hopes*.

Таким образом, говорящий называет себя не только местоимением 1 л. ед. числа: оно может — в зависимости от среды и ситуации общения — заменяться на любой компонент из системы, к которой принадлежит, что дает изменение прагматического значения. Система адаптируется к условиям своего функционирования в среде на основе межличностной функции и находит опору в условиях речевой среды, т. е. контекста.

Следует добавить, что, функционируя в системе других местоимений и в системе имен, которые составляют их среду, местоимения втягивают в свою сферу не только местоимения других разрядов, но и личные имена широкого значения, т. е. эта, казалось бы четко очерченная система тоже имеет полевую структуру. Личные местоимения при этом втягивают в свою систему элементы своей среды. Возможны и обратные случаи — перехода местоимений в среду, превращения их в имена например: «Пустое „вы“ сердечным „ты“ она, обмолвясь, заменила». В немецком языке существительное *Mall* имеет обратную тенденцию транспонироваться в местоимение (*man*). В подобных случаях взаимодействии системы и среды проявляется во взаимных обменах.

Подведем итоги сказанному о взаимодействии системы и среды применительно к системе личных местоимений английского языка. Вся система личных местоимений является средой для каждого из них. В этой среде содержатся определяющие его значения оппозиции и возможности замещения (языковая среда). В речевой актуализации средой оказывается непосред-

ственный контекст в пределах синтаксически связанных с данным местоимением слов и контекстуальных индикаторов (речевая среда). В коммуникативном процессе средой являются ролевая структура общения, классы, социальные, семейные и другие межличностные отношения, а также личностные качества говорящих — пол, возраст, темперамент, воспитанность (среда коммуникации). В системе кодовых норм языка средой оказываются функциональные стили и регистры, принципы вежливости, т. е. речевой этикет, а также диалектальные особенности (нормативная кодовая среда). Естественно возникает вопрос: если система, адаптируясь, изменяет свою структуру, то не перестает ли она быть сама собой? Не превращается ли она в новую систему? Принципиально эта возможность перехода количества в качество не исключена и может иметь место в истории любого языка. Но в нашем примере этого не происходит: в системе личных местоимений отражена основная и абсолютно необходимая ситуация общения — говорящий, адресат и третье лицо, о котором что-то сообщается. Элементы могут в определенных условиях даже меняться местами, но сохраняются в языке. Структура меняется лишь частично.

Рассмотрев таким образом частный случай взаимодействия системы местоимений и разных видов среды, обратимся к разным пониманиям среды в существующих лингвистических теориях.

Лингвистическое истолкование понятия среды все больше привлекает к себе внимание ученых. Понятию лингвистической среды посвящена статья А. В. Бондарко [11]. Оно рассматривается и в его книге [12]. Некоторые положения вызывают желание поспорить.

Сомнения вызывает приравнивание языковых единиц к системе. А. В. Бондарко пишет: «Говоря о языковой единице как системе, мы имеем в виду целостные объекты (лексемы, грамматические формы, синтаксические конструкции и т. п.), представляющие собой упорядоченные множества содержательных элементов (содержательные целостные единства, имеющие определенную структуру), соотношенные с множеством элементов формального выражения» [11, с. 14]. Думается, что не стоит отождествлять систему, множество, единицу и единство. Эти понятия объединены признаком целостности и действительно тоже могут рассматриваться во взаимодействии со средой, но значительно отличаются по своей структуре. Но вопрос это дискуссионный. Тем более, что математика признает и пустые множества и множества, содержащие только один элемент.

В русской и советской науке вопрос исследовался применительно к влиянию истории народа — носителя языка на историю языка: общественное сознание рассматривалось как среда, в которой язык функционирует и развивается. В терминоведении еще со времен Л. Успенского [13] появилось довольно много работ, где история терминологии ставится в связь с развитием соответствующей отрасли техники. Я писала об этом в 40-х годах, а в настоящее время готова докторская диссертация Л. Б. Ткачевой о терминологии в социолингвистическом освещении. Это конкретное исследование взаимодействия системы и среды [14].

В английской науке понятие и слово «среда», как мне представляется, эквивалентно термину «контекст». Вся история науки о контексте и есть история изучения зависимости системы от среды. Кстати, современная английская лингвистика называет себя «systemic linguistics». Главным представителем ее является Халлидей. В лондонской школе Фёрт и его ученики Халлидей понимали контекст очень широко — как влияние экстралингвистической среды и контекст ситуации, а лингвистику рассмат-

ривали как системную и функциональную. Понимание системы у Фёрта тоже широкое: начиная с работ 30-х годов он проводит аналогию языковой системы с социальными системами и системами поведения (термин «антропоцентризм» им не употребляется, но используется термин «адаптация»). Фёрт постулирует лингвистические модели и системы, подверженные изменениям и адаптации и обладающие порядком, структурой и функцией. На этом основании он считает лингвистику системой [15].

Большое значение Фёрт придает рассмотрению частных систем, таких, например, как поле локативности или падежная система. Язык для Фёрта подсистемен. Он отрицает тезис Мейе о том, что язык единая система где все взаимосвязано. Фёрт считает, что систем много и общей языковой суперсистемы для него, как и для Гийома, не существует. Подход остается системным и внутри отдельных участков языка. Это связано с пониманием Фёртом контекста, т. е. среды. Значение для него есть функция контекста, причем учитывается не только лингвистический, но и экстралингвистический, общекультурный и социальный контекст. В дальнейшем эти идеи получают развитие в трудах его ученика Халлидея и используются О. С. Ахмановой и ее учениками под названием «вертикальный контекст».

Вопроса о том, существует ли в языке единая суперсистема, мы пока касаться не будем. Рассмотрим отдельные частные подсистемы. Заметим, что онтологически каждая из таких систем может рассматриваться во взаимодействии не с одной, а с несколькими средами функционирования. Учет этих нескольких возможных сред имеет большую объяснительную силу. Возьмем для примера подсистему, в названиях которых входит терминоэлемент «поле». Речь идет о семантических полях И. Трира и Вайсгербера и о более поздних концепциях грамматико-лексических полей Е. В. Гулыги и Е. И. Шендельс [16] и функционально-семантических полей Г. С. Щура [17]. Ю. Н. Караулов в работе 1976 г. рассматривал семантическое поле как содержательный элемент языковой модели мира. Важно подчеркнуть, что границы семантического поля он считает неопределенными, размытыми [18].

Термин «поле» для всех этих подсистем оправдан тем, что в них какая-то область человеческого опыта охватывается определенной совокупностью содержательных единиц языка. При всем различии этих подсистем у них отмечается и общее свойство, которое В. Г. Адмони назвал полевой структурой. Сущность полевой структуры состоит в том, что в поле имеется центральная часть — ядро поля, элементы которого обладают полным набором признаков, и периферия, элементы которой обладают не всеми характерными для поля признаками, но могут иметь и признаки, присущие соседним полям, которые, таким образом, оказываются для них средой. Таких соседних полей может быть не одно, а несколько. Важно отметить, что подобно тому, как подсистемы могут включать элементы одного или нескольких уровней, так и взаимодействующие с ними среды могут быть разноуровневыми. Для английского языка идея полевой структуры, например, полевой структуры частей речи, разработана в трудах И. П. Ивановой [19]. Подобное представление хорошо коррелирует с представлением о нечетких множествах, периферийные элементы которых тоже могут по каким-то признакам принадлежать соседним множествам.

А. В. Бондарко определяет функционально-семантическое поле как систему разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбиниру-

ванных, т. е. лексико-синтаксических), объединяемых на основе общности и взаимодействия их семантических функций [11, с. 22]. В качестве примеров таких ФСП А. В. Бондарко приводит поля аспектуальности, темпоральности, каузальности, локативности и др. Поля эти также взаимодействуют между собой и также могут иметь общие элементы. Например, поле аспектуальности взаимодействует с полями темпоральности. Все эти типы систем могут рассматриваться и как адаптивные, поскольку в процессе своего взаимодействия они изменяются, оптимизируются для выполнения тех или иных новых функций.

Проблема адаптивности языковых систем и их соотношения со средой и приспособления к условиям функционирования привлекла мое внимание более десяти лет тому назад. В исследовании этой темы мне помог проф. Н. Н. Буга. Наша совместная статья много позднее была опубликована в ЛГУ [20]. В настоящее время довольно хорошо известны работы об адаптивных системах Г. П. Мельникова [21]. Этот автор также видит в языке адаптирующиеся системы. Но с его точки зрения в адаптации главное — сохранение системой своих свойств, т. е. устойчивость системы в процессе приспособления. Меня же интересует противоположная сторона процесса — эволюция самооптимизации системы в процессе функционирования (при сохранении системы в целом).

Рассмотрение среды, в которой функционирует система, важно не само по себе, а потому, что позволяет объяснить происходящие в системе процессы. Дополняя анализ внутрисистемных отношений анализом самоорганизации системы под воздействием среды (типовых контекстов, прагматических ситуаций, социальных условий и др.), мы сообщаем исследованию объяснительную силу.

Современная семиотика, как уже говорилось выше, включает синтактику, семантику и прагматику. Ограничивая исследования внутрисистемными отношениями, мы остаемся в пределах синтактики. Учитывая среду, мы выходим в семантику и прагматику.

Современное устремление науки к антропоцентризму и прагматике, к ролевым отношениям и статусу участников коммуникации, к их социальным установкам, оценкам и социальной детерминированности целей коммуникации требует пристального изучения проблемы среды во всем ее многообразии. Особенно важно в этой связи изучение общности выдвигаемых понятий, установление сходства и различия между новым и старым, установление того, как уже известное может дополняться новым. Наука — это тоже система, она могла бы быть адаптивной, если бы не была связана определенными постулатами. Позволю себе даже утверждение, что в квалификационных работах типа кандидатских диссертаций компетентность и знание уже сделанного другими важнее новизны (часто эфемерной). Общие тенденции в развитии науки в целом образуют среду для развития каждой отдельной дисциплины. Все усиливающаяся тенденция к антропоцентризму составляет в наше время питательную среду для многих отраслей языкознания. Так, например, применительно к выходящей теперь на первый план проблеме антропоцентризма [22, 23] важно знать, что И. А. Бодуэн де Куртене показал взаимодействие языка в речевой деятельности. Показал на богатейшем фактическом материале, что языкознание должно опираться на достижения психологии и социологии, и подчеркивал принцип эгоцентризма в значении лица и времени.

В заключение остается сказать, что язык — система, средой функционирования которой является человеческое общество, а носителем — говорящая и мыслящая человеческая личность. Нельзя познать сам по себе

язык, не обратившись к его носителю и творцу. Это положение, сформулированное Ю. Н. Карауловым, а до него Гийомом, соответствует требованию изучать «человеческий фактор» в языке, т. е. изучать язык в связи с деятельностью и личностью человека. Гуманитарным наукам надо вернуть антропоцентризм, хотя они уже своим своим названием нацелены на человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохин П. К. Теория функциональных систем // Успехи физиологических наук 1970 № 1.
2. Маковский М. М. Теория лексической аттракции. М., 1971.
3. Маковский М. М. Системность и асистемность в языке. М., 1980.
4. Маковский М. М. Лингвистическая комбинаторика. М., 1988.
5. Слюсарева Н. А. Об английском функционализме М. А. К. Хэллiday // ВЯ 1987 № 5.
6. Halliday M. A short introduction to functional grammar. L., 1984.
7. Guillaume G. Langage et science du langage. Quebec; Paris, 1969.
8. Guillaume G. Foundations for a science of language. Amsterdam, Philadelphia, 1984 P. 58—60.
9. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A grammar of contemporary English L., 1974.
10. Пани Ф. Паралингвистические факты. Этикет и язык // Новое в зарубежной лингвистике Вып. XV. М., 1985.
11. Бондарко А. В. Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды // ВЯ. 1985. № 4.
12. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л., 1984.
13. Успенский Л. Материалы по языку русских летчиков // Язык и мышление Т. VI—VII. Л., 1936.
14. Ткачева Л. Б. Основные закономерности английской терминологии. Томск, 1987
15. Butler Chr. Systemic linguistics Theory and application. L., 1985.
16. Гуляга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969.
17. Г. С. Шур. Теория поля в лингвистике. М., 1974.
18. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
19. Иванова И. П. О полевой структуре частей речи в английском языке // Теория языка. Методы его исследования и преподавания. Л., 1981.
20. Арнольд И. В., Буга Н. Н. Адаптивные системы и некоторые вопросы лексикологии // Системное описание лексики германских языков. Вып. 4. Л., 1981.
21. Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978.
22. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
23. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.

РЕЦЕНЗИИ

Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Наречие, служебные части речи, изобразительные слова). Л.: Наука, 1987. 152 с

Как сообщается в предисловии, рецензируемая книга — «очередной том начатой в 60-е годы сравнительной грамматики тюркских языков» (с. 3). До нее из печати вышло три тома: один — по фонетике и два — по морфологии («очерки», посвященные соответственно имени и глаголу) [1—3]. Судя по подзаголовку и структуре, во вновь вышедшем томе завершается описание морфологии; сюда же входят стоящие особняком и в других грамматических исследованиях изобразительные слова.

Характеризуя применяемые им исследовательские приемы, А. М. Щербак не случайно уделяет внимание проблеме «правомомерности сравнительного исследования тюркских языков традиционными приемами и в традиционном составе» (с. 3), возражая высказываниям, согласно которым реконструкция строя тюркских языков возможна только исходя из «алтайских» материалов. Нам представляют-ся весьма существенными возражения исследователя, уделявшего и уделяющего немалое внимание проверке правомочности алтайской гипотезы, каковая, по мнению А. М. Щербака, не стала инструментом анализа языков тюркской семьи. Необходимо прислушаться и к такому его высказыванию: «Нельзя назвать ни одного даже частного вопроса тюркологии, который был бы решен исходя из „алтайских“ материалов» (с. 5).

Рассматриваемый том в хорошем смысле традиционен и в том плане, что он, как и предшествующие ему тома, базируется на исчерпывающем или очень близком к нему анализе научных работ по частным вопросам тюркской грамматики и что автором привлекается, кроме того, и очень значительный дополнительный фактический материал, с учетом которого нередко предлагается свое решение спорных вопросов. Основные выводы исследования достаточно обоснованы и не вызывают сомнения (это следует сказать, в частности, о соотношении грамматической и лексической семантики в служебных словах). Работа А. М. Щербака является обобщающим монографическим (несмотря на скромное название «Очерки...») исследованием в полном смысле слова. Более высокий уровень и полнота срав-

нительного изучения рассматриваемых в ней категорий тюркских языков, пожалуй, труднодостижимы в настоящее время. Во всяком случае, в морфологическом томе коллективной сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, также недавно увидевшем свет [4], разделы, соответствующие разделам рецензируемой работы А. М. Щербака, заметно уступают последней по масштабам и степени полноты.

Определяя в предисловии специфику предмета изучения, А. М. Щербак констатирует, что поскольку рассматриваемые им в этом томе части речи образовались в значительной мере довольно поздно на основе имени и глагола, то «...сравнение наречий и служебных слов само по себе не дает надежных конечных реконструкций: восстанавливаются или, лучше сказать, описываются (разрядка наша. — Т. Б.) те именные и глагольные формы, которые в разной степени утратили свою самостоятельность и подверглись обособлению. Сравнение наречий и служебных слов не предполагает также реконструкции общетюркских наречий и служебных праформ...» (с. 3).

В основном же тексте работы встречаются высказывания типа того, что «основной целью сравнительного изучения послелогов, как и других частей речи, является реконструкция архетипов (т. е. тех же праформ. — Т. Б.) и прослеживание их развития вплоть до современного состояния...» (с. 62), а это не согласуется с положением, приводимым выше.

Между тем именно последнее высказывание выглядит более обоснованным, поскольку в ряде случаев как раз «опознание» глагольных или именных форм, к которым могут восходить наречия и служебные слова, встречается с затруднениями, в настоящее время труднопреодолимыми, о чем свидетельствуют приводимые в работе А. М. Щербака большие перечни слов неизвестного происхождения, принадлежащих к рассматриваемым в ней разрядам, в том числе — к наречиям (с. 41) и союзам (с. 116 и сл.). Немало их и среди других служебных частей речи. По аналогии со словами, происхождение которых достаточно ясно, их можно считать производными от имен или глагол.

лов, но такие пока неизвестны и, возможно, отчасти не сохранились вообще, и их основы могут быть восстановлены только с реконструкцией исходных форм служебных слов и наречий.

Кроме того, немалое число подобных слов представляет собой заимствования готовых форм, чаще всего союзов, но не только их, из других языков. Помимо заимствований, указанных А. М. Щербаком, а среди них — монголизмов, к числу последних можно отнести тув. *aŋŋi* и *aŋŋida* (с. 78), *xaŋi* (с. 76), *ужур*, алт. *mō* (с. 75); ср. также к.-калп. *köldönöz* «поперек» (с. 41) и ст.-письм. монг. *kön-deleng* «поперек; наперез».

В плане установления происхождения многих слов рассматриваемых в исследовании А. М. Щербака разрядов предстоит еще немалая работа, объем которой, а в определенной степени и направление поиска четко обрисованы автором. А. М. Щербак подчас высказывает плодотворные догадки, касающиеся этимологии. Одной из таких догадок нам представляется версия о происхождении прилагательного и наречия типа др.-тюрк. *mō-būn* «вниз», караим. *mōbēm* «пропнутий», уйг. *mōbēn* «низкий» и т. п. (с. 41) (ср. также др.-тюрк. *mōnūn* «вниз», тув. *do-vūn* «внизу»; находящийся далеко внизу»). Автор указывает на существование омонимного ряда с прямо противоположным значением: др.-тюрк. *mōbū*, караим., ног. *mōb* «макушка, темя, вершина», хот. к сожалению, лишь ограничивается этим указанием.

Между тем подобные омонимы или, скорее, антонимы (чаще всего носящие межъязыковой характер) — явление, отнюдь не уникальное для тюркских языков, хотя оно воспринимается как нечто такое, что «несколько необычно» (как, например, выражение значений типа «ров» и «вал» у ор и его соответствий) [5, с. 467]. Ср. также *çat* ~ *шат*, *çik* и его соответствия, обозначающие положительные и отрицательные формы рельефа [6, с. 608—609, 616].

Подобное наблюдается и в случае, рассматриваемом А. М. Щербаком, хотя здесь налицо некоторые формальные различия обозначений для низа и верха: наличие элемента *-n* в первых из них и отсутствие во вторых, что связано, скорее всего, с различием словообразовательных форматов [хотя указанный элемент присутствует во всегда: ср. салар. *mōbū* «низ» (в служ. знач.)].

Вместе с тем среди соответствий слов типа *dbū* «макушка, вершина» к числу весьма распространенных относятся неогубленные варианты *dōn* ~ *mōn*, что наводит на мысль о связи с общетюркским глаголом *dān* ~ *mān* «лягать(ся); пинать», означаящим также, с одной сторо-

ны, — «копать, рыть, вскапывать, разрыхлять», а с другой — «выбиваться (на поверхность), вздуться, нарывать, подниматься, подшарать (о воде)» [7, с. 195—196]. Наличие такой семантики объясняет появление среди производных от подобного глагола слов с приведенными выше противоположными значениями. Среди явно производных от *dān* ~ *mān* также можно встретить слова-антонимы тюркм. *dōn* «солончаковый буторок», тув. *mē'vis* (чаще — *кара mē'vis*) «разрытая (копытами) земля: снег, разрытый до земли».

Заметим также, что в тюркских языках у названного глагола есть сходный с ним по семантике и внешнему облику, но характеризирующийся огубленным вокализмом глагол *dōv* < **mōn* (каз. *mōn*) «бить, колотить» [7, с. 270—271].

Уделяя значительное внимание проблеме происхождения конкретных слов, А. М. Щербак, к сожалению, не всегда достаточно критично оценивает имеющиеся этимологии и порой примыкает к тем версиям, которые имеют больше сторонников, не рассматривая альтернативные возможности объяснения происхождения слов, что заметно на примере с послелогом *ūçūn* ~ *učūn* «для, ради, из-за» (с. 91—92). Автор считает наиболее вероятной версию, разделяемую рядом исследователей и возводящую послелог к *uč* «конец, цель» (?).

Это выглядит нелогичным в фонетическом аспекте. Во-первых, у слова *uč* тюркологами восстанавливается «первичная» долгота; у соответствующего же послелога повсеместно отмечается начальная краткий гласный. Во-вторых, судя по источникам, в более древних памятниках (как, впрочем, и в основной части современных тюркских языков) преобладает вариант с «мягкорядным» вокализмом (типа *ūçūn*), тогда как «твердорядный» вариант отмечен лишь в части «живых» языков. Поэтому у архетипа послелога логично было бы предположить именно переднерядный вокализм.

В связи с этим, думается, более обоснована версия О. Бётлингга, которая А. М. Щербаком только упоминается и согласна которой послелог своим происхождением связан с *ič* «внутренности, нутро». Эта версия может быть подтверждена со стороны семантики. С ней лучше согласуются и морфологические варианты послелога, характерные, в частности, для туркменских диалектов: *ūci*, *ūçini*, *ūçür*; *ūçri*, *ūçrin*, *ūçrūn* (см. [5, с. 643; 4, с. 496]), однако детализация этой этимологии выходит за рамки рецензии.

Хотя семантика слов, принадлежащих к рассматриваемым в работе А. М. Щербака разрядам, претерпела по сравнению с соотносительными с ними «представите-

лями» знаменательных частей речи заметные изменения, все же в тех случаях, где элементы лексических значений сохраняются, порой есть основание усомниться в реальности тех смысловых изменений, которые приписываются определенным словам. Так, семантически недостаточно убедительно выглядит трактовка союза *азу ~ азі* «или» как «слитного» дееричастия от *аз*-«заблуждаться» (с. 117), что исследователями отмечалось неоднократно. Этому препятствует, кажется, и наличие в тув. *ази* «или» фарингализованного гласного, которого нет в указанной глагольной основе.

Едва ли также можно согласиться со сближением послеголов типа *товура ~ дэвру* «прямо», связанного с глагольной основой (др.-тюрк.) *товур*-«идти напрямой», и тув. *дэра*, хакасск. *тобёр* «поперек» (с. 88) и им подобных (см. также [7, с. 250—251]). Последние, судя по всему, явно гомогенны с хакасск. (саг.) *товур*-«отстраняться, отходить в сторону», уйг. (диал.) *товра*-«ехать на животном, свесив ноги на одну сторону», и необходима мотивировка их родства с др.-тюрк. *тобур*.

В заключение нельзя не высказать сожаления по поводу длительности срока прохождения готовой рукописи к изданию: работа над ней была завершена примерно за восемь лет до выхода книги в свет, поэтому в ней могли быть учтены только научные публикации, появившиеся до 1980 г. (с. 5). Вместе с тем отметим

как несомненно отрядный факт завершения А. М. Щербаком работы над своим многотомным капитальным исследованием: в темплане 1991 г. отмечен предстоящий выход последнего, V тома сравнительной грамматики, под названием «Введение в сравнительное изучение тюркских языков», которого мы ждем с большим интересом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
2. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л., 1977.
3. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Л., 1984.
4. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988.
5. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные) М., 1974.
6. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
7. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М., 1980.

Татаримцев Е. И

Volek B. Emotive signs in language and semantic functioning of derived nouns in Russian. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins publishing company, 1987. 270 p.

Монография Б. Волек посвящена сложной и актуальной проблеме эмотивности языка. Литература по данной проблеме довольно обширна. Однако ни одна из работ не является обобщающей [1—2]. В этом плане появление книги Б. Волек следует не только приветствовать, но и высоко оценить, т. к. она содержит интересные и нередко новые наблюдения, выводы и аргументацию по кардинальным вопросам эмотивной семантики языка. Вплоть до недавнего времени эмотивность считали «несемантической» сферой языка, относили к маргинальным явлениям, якобы нарушающим систему и грамматические нормы. В лучшем случае эмотивность упоминалась в научной литературе лишь как стилистическая или фоно-стилистическая черта языка (ср. [3, 4]).

Напомним, что на материале разных языков делались определенные попытки

инвентаризации лексических, синтаксических и фонетических средств выражения эмоций и их классификаций по различным основаниям. Вплоть до 80-х годов в лингвистике не ставилась, однако, задача рассмотреть с позиций семантики, синтактики и прагматики эмотивное поле языка как некую семантическую по своей функции систему. Б. Волек сумела вывести давнюю и чрезвычайно перспективную проблему эмотивных знаков языка из узких рамок генеративной лингвистики в области антропологической (роль человеческого фактора в языке), прагматической (взаимоотношение языковых знаков с говорящими-слушающими в конкретных речевых ситуациях), социальной (зависимость средств выражения эмоций от национальной специфики языковых обществ) и когнитивной (эмоции и познание) лингвистик. Решение та-

кой задачи позволило Б. Волек внести определенный вклад в интегральное описание языка и вербального общения.

Представляется оригинальной сама структура работы: книга начинается с обзора теоретических взглядов на эмотивность; показывается ее соотношение с экспрессивностью, рассматривается типология эмотивных знаков различных уровней языка, анализируются высказывания с эмотивной доминантой (гл. I). Во второй главе обсуждается методология исследования и параметры эмотивного значения в русской словообразовательной системе (с. 35—53). Главы III, IV и V посвящены изучению русских диминутивов с точки зрения их структурной, контекстуальной и прагматической перспективы. В гл. VI Б. Волек сравнивает семантические структуры субстантивных эмотивных дериватов различных типов в русском языке. На базе добытых в процессе исследования и представленных в названных главах данных Б. Волек в гл. VII и VIII вновь возвращается к общим проблемам эмотивности в языке и ее семиотической типологии, тем самым завершая изложение своей концепции эмотивности языка.

В чем же суть этой концепции? Рассмотрим некоторые из ее положений, представленных в гл. I «Эмотивные знаки» (с. 5—34). Прежде всего Б. Волек пытается разграничить эмотивность и экспрессивность с семиотической точки зрения. Надо сказать, что попытки развести эти две взаимосвязанные категории предпринимаются в лингвистике давно и пока довольно безуспешно, поскольку прежде всего до сих пор остается невыясненным, что же собой представляет экспрессивность как лингвистический феномен [4]. Критически сопоставив четыре группы мнений о природе экспрессивности [экспрессивность как формальная сторона лингвистического знака в противоположность содержательной стороне (Соссюр, Ельмслев); экспрессивность как прямое выражение отношения говорящего к предмету речи (Бюлер, Матезиус, Якобсон, Вахек); экспрессивность как индексальная иконическая связь между знаком и эмоцией (Коржинец); экспрессивность как чисто психологический внешний признак высказывания (Фрей, Зима) или как «нарушение нормы» (Гавранек, Делакруа, Грельп)], Б. Волек нашла довольно убедительные аргументы против каждой из этих концепций (с. 7—9). По ее мнению, в науке возможно сосуществование двух пониманий экспрессивности: по одному из них, экспрессивность — это прямое и намеренное выражение эмоционального опыта человека с помощью специальных семиотических средств языка и символических индексов.

Такая экспрессивность наблюдается, на наш взгляд, при выражении эмоций в поэзии, что в книге Б. Волек, к сожалению, вообще не рассматривается. По другой концепции, экспрессивность — это ненамеренное самовыражение эмоций говорящего с помощью симптоматического использования соответствующих кодированных языковых средств. Свое дальнейшее исследование Б. Волек строит на первой концепции экспрессивности, подчеркивающей тесную взаимосвязь экспрессивности и эмотивности.

Отметив большой разбой во мнениях относительно толкования категории эмотивности, автор данной монографии предлагает отграничивать эмотивность, с одной стороны, от индивидуальных и социальных ассоциаций, а с другой — от коннотаций, которые, по мнению Б. Волек, могут быть и не эмотивными (с. 10—11), что подтверждается и нашими исследованиями.

Как кажется, Б. Волек довольно убедительно разграничивает эмотивность и «стилистичность» языковых знаков. Что же касается дифференциации эмотивности и модальности, то она сделана автором менее убедительно (с. 14). Не помогаю автору в этой аргументации и ссылки на В. В. Виноградова, Р. Мразека, Й. Мистрика и М. Докулила, которые тоже разграничивают эти две семантические категории, однако не утверждая столь категорично, как Б. Волек (с. 13), что «модальность не позволяет включения в нее эмотивного компонента». Тезисно автору можно было бы возразить следующим образом: модальность является видом оценки, эмоция — тоже вид оценки, поэтому утверждать, что модальность всегда логична — значит противоречить языковой действительности: эмотивность как языковой аспект эмоциональности является разновидностью модальности.

Другое возражение вызывает противопоставление автором монографии эмотивного и понятийного значений и предлагаемая на этом основании типология языковых лексических знаков и типология эмотивных знаков языка (с. 25—32). По нашему мнению, эта типология должна включать в себя знаки логико-предметной денотации (слова типа *стол*, *дерево*), эмотивной денотации (слова типа междометий, инвектив и т. п.) и слова коннотативные. Собственно эмотивными знаками являются знаки второй и третьей групп, которые и служат для реализации эмотивной функции языка.

Типология эмотивных знаков, которая дается Б. Волек в гл. VII, в отличие от типологии, приведенной в гл. I, основана на более или менее едином принципе — семиотической, т. е. на соотношении означающего с означаемым. С этой

позиции все эмотивные знаки Б. Волек делит на «чистые» и символические индексы. Первые выражают одновременно и эмотивность, и состояние говорящего через связь по смежности между ними и их референтами. Вторые — символические индексы — по мнению автора монографии, основаны на связи между фонетическим уровнем эмотивного знака (означающего) и самой эмоцией (т. е. означааемым). При этом, как утверждает Б. Волек, фонетический характер означающего зависит от фонетических норм и национальных привычек каждого данного языка (с. 220—221).

Вторая группа эмотивных символических знаков включает ономотонемизмы (с. 221), которые имеют чисто иконический характер, поскольку в них форма почти полностью сливается с содержанием: англ. *whistle*, русск. *свистеть*. К этой же группе эмотивных знаков Б. Волек относит и случаи лексемного звуко-символизма, поскольку, по мнению автора, «эмотивный компонент возникает в таких случаях благодаря прямому употреблению звуков для выражения эмотивных чаркированных идей» (с. 222).

Надо отметить, что автор книги особо подчеркивает фонетическую мотивацию эмотивных знаков (иконическую связь между обозначающим и обозначаемым). Отсюда и выделение на фонологическом уровне языка ономотонемических знаков и фонетической метафоры, на синтаксическом уровне — эмотивного повтора знаков. На лексическом уровне — мотивацией эмотивности выступает связь между оценочным компонентом семантики лексического значения слова и эмотивным компонентом оценочного характера (с. 225). Поскольку связь между ними ассоциативна, то, по мнению Б. Волек, и данные случаи эмотивных знаков маркированы «индексностью» (с. 225): имеют в виду метафорические и метонимические «двойные знаки» (т. е. переносные значения), включая и дериватную (аффиксальную) лексику, а также переносный характер некоторых грамматических значений (с. 226).

Наиболее действенными эмотивными средствами, используемыми авторами художественных произведений, являются контекстуальные метафоры и метонимии. К сожалению, автор останавливает свое внимание только на коллокации (с. 226) — явлении, давно и хорошо известном в стилистике. Нам представляется непонятным такой акцент автора. Ведь по контекстуальному признаку можно построить отдельную типологию эмотивных знаков. С точки зрения современных задач коммуникативной лингвистики и прагматической лингвистики такая типология представила бы наибольший интерес.

Но, видимо, это не входило в планы автора рецензируемой монографии и не может быть вменено ему в вину — это большая задача самостоятельного исследования.

Целью гл. VII «Типология эмотивных знаков» является обоснование концепции эмотивного знака и идентификация основных типов выражения и коммуникации эмотивности в речи говорящего. По мнению автора, большинство эмотивных знаков являются символическими индексами (с. 119—228), поскольку «они помимо своего понятийного содержания выражают еще и эмотивность без представления ее в обобщенном концепте» (с. 119). Символический характер эмотивных знаков Б. Волек объясняет тем, что выражаемая эмоция всегда принадлежит конкретному говорящему, а используемый им для этого эмотивный знак относится к этому говорящему как носителю данной эмоции. Это представляется нам тонким наблюдением, т. к. действительно говорящий при этом выступает вторичным десигнатом такого слова и экзистенциально относится к нему: говорящий и носитель эмоции выступают в этих символах как одно и то же лицо.

Выделив кодированную и дискурсивную эмотивности, Б. Волек в гл. VIII справедливо отмечает, что языковая эмотивная семантика полностью реализует себя и конкретизируется только в дискурсе (*actual performance*) (с. 231). Здесь в концепции Б. Волек наблюдается иная противоречивость: выделяя экспрессивную функцию у специфических языковых знаков — экспрессивных (с. 232—234), признавая специфический тип языковой семантики — эмотивный, автор указывает другую группе специфических языковых знаков — эмотивных — в соответствующей только им функции — эмотивной (с. 234). Если различать, с одной стороны, значение знака, а с другой, его функцию, в отличие от употребления, то становится вполне очевидным, что функция знака, его предназначенность предопределяется его содержанием. Одно дело, когда в специфических дискурсах некодированные эмотивностью знаки употребляются для выражения эмоций в несвойственной им функции. Совсем другое дело, когда это осуществляется с помощью специальных эмотивных знаков, единственной или превалирующей задачей, сутью которых является передача эмоций.

Приведу аргументы Б. Волек против выделения эмотивной функции: 1) знаки, выражающие эмотивное содержание, не имеют значения, сформированного признаками объекта эмоций (это, по мнению Б. Волек, есть скорее внутренняя форма на базе ассоциативных признаков, свя-

занных с выражаемым объектом), 2) поскольку эмотивность является субъективным качеством, она всегда характеризуется скорее отношением к чему-либо, чем что-либо выражаемое. Возражением против такого подхода является, например, тот факт, что денотатом (референтом) эмотивного знака может быть сама выражаемая им эмоция. Второй аргумент автора может быть опровергнут не так уж и редко распространенными случаями эмоционального самовыражения (здесь можно вспомнить Эллочку Людоедку из известного романа Ильфа и Петрова, которая достаточно коммуникативно выражала себя всего лишь тридцатью эмотивами). Разные семантические типы лексических знаков имеют различные предназначения, в том числе и эмотивное — такая точка зрения нам представляется более объективной. Естественно, что типология эмотивных знаков тесно связана с типологией «эмотивных значений».

По принципам качества и степени специфичности эмотивности языковых знаков среди различных типов «эмотивного значения» автор выделяет значение междометий и эмоциональных частиц как суть неспецифической эмотивности (с. 235); значение дериватов с аффиксами, детализирующих (специфицирующих) эмотивность; интенсификацию значений через аугментативы; повторы как часть специфической десигнации, т. е. как ономасиологическое, а не как синтаксическое средство; эмфатическое значение; оценочное значение (с. 235—240). Такая типология «эмотивных значений» представляется нам весьма спорной: она скорее является перечнем средств, способных употребляться для передачи эмотивной семантики. Тем более, что оценочный компонент вообще присущ всем эмотивам и всем типам эмотивного значения, что, кстати, признается несколько позже и самим автором монографии (с. 240). Представляется более логичным выделять среди типов эмотивной семантики собственно эмотивное значение, эмотивную коннотацию и эмотивный потенциал на двух уровнях — ингерентном и адгерентном.

Для выработки концепции эмотивных знаков языка Б. Волек в качестве практического материала избрала русские диминутивы, которые наиболее рельефно отражают всю специфику эмотивности как семантической категории языка. Монография содержит огромный фактический материал о деривативных эмотивных знаках русского языка.

В работе Б. Волек описывается семантический характер исходной базы деривата, диминутивного/аугментативного суффикса, различные типы порождаемых в результате их взаимодействия эмотивных дериватов и сама процедура формирова-

ния семантики деривата (с. 36—39) в тех случаях, когда эмотивность отсутствует в деривационной базе, а также случаев, когда эта последняя лишь модифицируется в деривационном процессе (с. 40—44). Здесь же рассматриваются факторы влияющие на конечную семантическую структуру эмотивного деривата, и устанавливается тип ономасиологической категории, к которой он принадлежит. На наш взгляд, это место гл. II является наиболее насыщенным теоретическими результатами.

В этой же главе Б. Волек исследует проблемы эмотивной потенции диминутивных суффиксов и факторы, ее определяющие, их полисемию и эпатиосемию (с. 49—52). В связи с этим нам показался недостаточно аргументированным следующий вывод автора: чем больше понятийная (концептуальная) неопределенность семантики суффикса и чем меньше «отношенческая полсемия» (attitudinal polysemy), тем выше эмотивная потенция этого суффикса (с. 52). Данный вывод никак не иллюстрируется на конкретных примерах и поэтому остается непонятным. Основная цель данной главы — показать гетерогенность и сложность влияния на эмотивный компонент суффиксов, независимость носителей эмотивной семантики — выполнена успешно. Интересна мысль автора о влиянии фонетического облика суффикса на его эмотивную интенсивность (с. 52—53); вывод автора о невозможности построения завершенной системы эмотивных суффиксов по принципу их эмотивной потенции (с. 53) естественно и логично вытекает из представленного в главе фактического материала.

В гл. III предлагаются новые выводы о структурных и семантических особенностях диминутивов, дается новая их градация на базе актуальной языковой оценки суффиксов, которые появляются в структурной оппозиции качественных и количественных диминутивов (с. 68); подчеркивается семантическое различие между мелиоративными и пейоративными диминутивами и примыкающими к ним амбивалентными диминутивами (с. 55), разрабатывается новая, отличная от традиционной теория асимметрии диминутивов: противопоставление амбивалентности / неамбивалентности (мелиоративности / пейоративности); приводится новая классификация четырех типов сочетаемости пейоративности / мелиоративности, амбивалентности производящих основ и эмотивных суффиксов (с. 81). Однако ряд выводов Б. Волек в этой главе требует критического осмысления. Например, трудно согласиться с ее выводами о невозможности установить семантическую «ценность» эмотивного суффикса в изоляции от контекста (с. 56).

Плодотворной мне представляется поправка, которую Б. Волек в гл. IV вносит в классификацию Э. Станкевича [1]. Разделившего все диминутивные суффиксы на простые — с количественным уровнем экспрессивной деривации и сложные — с качественным уровнем экспрессивной деривации. Б. Волек считает, что семантическая граница между суффиксами должна проводиться по иным критериям, а именно — по критерию функциональной оппозиции, по критерию продуктивности в системе и частотности в употреблении, а также по чисто семантическому критерию (с. 98). В данной главе Б. Волек подробно освещает проблему лексикализации диминутивов, проблему псевдодиминутивов (с. 123—133). Особый интерес (скорее всего критический) вызовет у сторонников лингвистики текста и коммуникативной лингвистики предложенная здесь типология контекстов реализации эмотивных дериватов: по частям речи (с. 134—137), эмотивный (с. 137—140), количественный (с. 139—140), сложный (с. 140—145).

В гл. V автор монографии приводит прагматический анализ диминутивов, дает типологию функциональных ситуаций диминутивов (кстати, далеко не полную) (с. 174—175), рассматривает связь между стимулом выражаемой эмоции и самой эмоцией, сопоставляет эмоциональное отношение говорящего и эмоциональный эффект на получателя (с. 149—174). Выводы по этой главе вносят определенный вклад в развитие теории эмотивности языка.

В гл. VI Б. Волек поднимает интересный и актуальный вопрос — является ли семантическое членение деривата на базу и эмотивный компонент параллельным в ономаσιологическом плане членению на стимул эмоционального отношения и само эмоциональное отношение? Второй вопрос, который обсуждается в этой главе, — довольно тривиальный: порождает ли диминутивный суффикс эмотивные дериваты из неэмотивных баз или он всего лишь модифицирует эмотивность семантики словообразовательной базы (мутативные vs. модификативные дериваты)? Этот вопрос давно получал освещение в многочисленных работах советских дериватологов и не представляет проблемы. Это скорее факт, достойный лишь упоминания в такой фундаментальной работе по

эмотивности, какой, несомненно, является рецензируемая монография Б. Волка.

Таким образом, автор признает факт существования языковой категории эмотивности и трактует ее как «определенные психофизические ощущения и отношения говорящего (не обязательно оценочные) которые он испытывает во время говорения и которые он выражает в речи без трансформирования их в понятийные знаки» (с. 12). Представляется, однако, что в такой трактовке речь идет не о языковой категории эмотивности, а о психической (психологической) категории эмоциональности, которая, только пройдя языковую «переработку», становится эмотивностью, т. е. языковой категорией.

При всех мелких издержках данная книга является значительным успехом автора, поскольку вносит фундаментальный вклад в обобщение достигнутого в лингвистике понимания эмотивности и в дальнейшую разработку этой чрезвычайно сложной и довольно запутанной многочисленными исследованиями, но оставшейся актуальной проблемы. Ее актуальность была специально подчеркнута на IV Международном конгрессе лингвистов в Берлине [5], который выделил это направление среди пяти наиболее приоритетных в современной лингвистике.

С уверенностью можно сказать, что многие положения Б. Волка являются перспективными для дальнейшего развития эмотологии (термин В. Г. Гака).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Stankiewicz E. Problems of emotive language // Approaches to semiotics / Ed. by Sebeok Th. London; The Hague, Paris, 1964.*
2. *Stevenson Ch. L. Meaning: Emotive and descriptive // Philosophical review. 1948 № 58.*
3. *Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.*
4. *Лукиянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики. Новосибирск, 1986.*
5. *Daneš F. Cognition and emotion in the discourse interaction: a preliminary survey of the field // Preprints of the Plenary session papers. XIV-th International Congress of linguistics. В., 1987.*

Шаховский В. И.

За последние три десятилетия картвельское языкознание достигло впечатляющих успехов. В этот очень короткий для истории науки период на современной методической базе были по-новому освещены многие важные стороны структуры и истории картвельских языков и намечены некоторые новые направления исследования. Между тем еще совсем недавно в работах даже некоторых известных кавказоведов проблемы картвельистики (как и прочем, и вопросы теоретического характера) трактовались весьма субъективно, что приводило к нередким недоумениям. Последние имели место в тех случаях, когда лингвисты осознанно или несознанно пренебрегали фактами, противоречившими их интуиции, а также когда строившиеся ими архаичные призывались реальными фактами. В подобной ситуации целый ряд ключевых проблем картвельистики, равно как и кавказского языкознания в целом, решался не столько исходя из конкретного языкового материала, сколько с ориентацией на предвосхищенную исследователем концепцию, которую и должна была оправдывать эмпирия. Естественно, что при таком подходе сам материал сплошь и рядом вступал в конфликт с концепцией.

Положение стало меняться в 50-е годы, которые были отмечены появлением в сравнительной грамматике картвельских языков нового поколения картвельистов, решительно отказавшихся от теории и практики авторов, по существу порвавших с принципами лингвистической компаративистики. К этому поколению принадлежит круг исследователей, возобновивших и продолживших направление работ, которое плодотворно развивалось в трудах таких выдающихся ученых, как А. Г. Шанидзе, Г. С. Ахведиани, В. Т. Тогурия.

Одним из наиболее ярких представителей этого поколения и является автор рецензируемой монографии, перу которого принадлежат и другие ценные публикации по актуальным проблемам картвельского языкознания. Среди них особенно упоминания заслуживает данная А. Т. Ониани в 1978 г. книга, посвященная сравнительно-историческому исследованию категорий лица, числа и инклюзива ~ эксклюзива картвельского глагола [1]. Как известно, этот труд внес значительный вклад в диахроническое изучение последнего. Не менее существенно для его оценки и то, что его автор зарекомендовал себя в нем как исследователь, глубоко владеющий как фактическим материалом, так и методи-

ческим аппаратом современной компаративистики. Наконец, необходимо подчеркнуть и неизменно принципиальные позиции А. Т. Ониани, которому не свойственны компромиссы в науке.

К основной тематике научных интересов ученого принадлежит и его работа 1989 г. В ее вводном разделе автор излагает методическую платформу своего исследования, особо останавливаясь на соотношении синхронного и диахронического изучения грамматического строя и отклоняя при этом некоторые по сей день встречающиеся в картвельистике ошибочные взгляды (в частности, по вопросам идентификации морфем). Наиболее обширная I глава монографии посвящена истории надежных форм в картвельских языках (с. 52—218). В краткой II главе рассматривается эволюция форм категории числа (с. 219—232). Проблема грамматической категории класса трактуется автором в III главе (с. 233—263). Книгу заключает IV глава, в которой на основании анализа материала, существенно выходящего за пределы данных сравнительной морфологии картвельских языков, решается вопрос об их историческом составе (с. 264—318).

Характеризуя книгу А. Т. Ониани в целом, следует прежде всего отметить, что она отражает передовые рубежи науки в разработке сравнительной грамматики картвельских языков. Об этом, в частности, свидетельствует методическая сторона работы, примающая в этом отношении к наиболее строгим картвельистическим исследованиям, а также ее контакт с вопросами лингвистической теории. Книга отличается, на наш взгляд, сбалансированным сочетанием традиционных положений картвельистики, выдержавших испытание временем, и совокупности новых наблюдений самого автора. Ее существенной особенностью является широкое использование сванских фактов, позволяющих предпринимать глубокие реконструкции. Достаточно очевидно, вместе с тем, отчетливая формальная направленность исследования на реконструкцию материала. Хотя по мере необходимости автор неоднократно затрагивает и функциональную сторону рассматриваемого им морфемного инвентаря, ясно, что она не составляет здесь самостоятельного предмета исследования (и естественно высказать надежду, что автор обратится к ней в планируемых им дальнейших работах этого цикла). Предлагаемые здесь конкретные решения еще раз подтверждают адекватность тезиса, согласно которому только при условии установления закономерных соответствий

между разноуровневыми лингвистическими единицами родственных языков можно рассчитывать на разработку сколько-нибудь удовлетворительной системы сравнительной грамматики картвельских языков, сравнимой в какой-то степени с системой сравнительной грамматики индоевропейских или семитических языков: ср. [2].

Построенные по единой схеме I и II главы открываются разделами, содержащими обзор соответствующего языкового материала в плане синхронии. Здесь бросается в глаза едва ли не исчерпывающая полнота выявленного автором алломорфического состава рассматриваемых морфем. Это достигается тем, что постоянно учитываются показания древнегрузинского материала, с одной стороны, и свидетельства конкретных диалектов картвельских языков (особенно — грузинского и сванского), с другой. В последующих диахронически ориентированных разделах обеих глав предпринимаются реконструкции общекартвельских архетипов падежных и числовых морфем. Как правило, А. Л. Ониани продвигается от процедуры внутренней реконструкции в рамках отдельных картвельских языков (где это возможно) к сравнительной. С пониманием следует отнестись к осторожности, проявляемой автором в случаях, если имеющаяся в его распоряжении нестрадая совокупность фактов не содержит решающих указаний на форму архетипа. В этих случаях вопрос о праформе А. Л. Ониани предпочитает оставить открытым.

В I главе для общекартвельского состояния реконструируется в целом весьма развитая падежная парадигма в составе именительного, повествовательного, дательного, родительного и обстоятельственного падежей при очень вероятном наличии и творительного (если на роль показателя повествовательного падежа здесь, по мнению автора, прежде всего претендует *-л*, то решение вопроса о признаке инструменталиса, как свидетельствует его обсуждение на с. 200—202, наталкивается на особенно серьезные трудности). В этом отношении можно заметить существенные точки соприкосновения между концепцией автора книги и решениями, предлагавшимися ранее обими ее рецензентами [3, 4]. Они дают о себе знать, например, в структурной квалификации падежных оппозиций в столь важном для реконструкции праязыковой падежной системы древнегрузинском состоянии (в частности, в признании на с. 79—81 неправомерности разграничения здесь им. падежа и так называемого неоформленного), в безоговорочном признании собственно картвельских истоков происхождения сванского показателя повествовательного падежа *-em*

(с. 118—146), в количественном составе падежной парадигмы, просцируемой в праязыковом состоянии. И вместе с тем мы находим здесь много нового: автор прослеживает различные ступени в развитии падежной системы по отдельным языкам, объясняет специфические черты звукоизменения алломорфического состава падежей в последних, критически рассматривает тезис о принципе двух основ в сванском склонении, подводит более прочную аргументацию под некоторые ранее выдвигаемые положения.

Во II главе автор склоняется к мысли, что при достаточно развитой падежной системе, которой характеризовалось общекартвельское состояние, в последнем, вероятно, имело место и противоположение числовых форм, хотя материально различные соответствующих грузинско-занских и сванских морфем не позволяет пока свести их к некоторому общему историческому знаменателю. Заметим, что в пользу решения автора свидетельствует и существование известной статистической (неполной) универсалии, связывающей обе грамматические категории отношением импликация.

В III главе А. Л. Ониани подводит своего рода итог имевшей место в науке длительной дискуссии о категории грамматического класса в картвельском имени. Как здесь убедительно демонстрирует автор, ни для прошлого в истории картвельских языков, ни для пракартвельского состояния эта категория не была характерна. Использовавшаяся ранее для обоснования противоположного тезиса аргументация исходила из выборочного учета фактов (в частности, при трактовке префиксального элемента *m-* в качестве исторического показателя класса человека игнорировалось множество противных случаев, где *m-* наблюдается в обозначениях вещей). Вместе с тем она характеризовалась пренебрежением к общепринятым принципам словообразовательного анализа. Если к тому же принять во внимание, что эта аргументация не учитывала принципа закономерных звукоответствий между родственными языками, то нетрудно будет понять, что такая методика не могла не привести к произвольному историческому членению лексем (ср. встречающийся в практике ряда авторов трехэлементный анализ картвельских субстантивов, в соответствии с которым усилия исследователя направлялись на поиск в их морфологической структуре классного префикса, корня и суффикса-детерминанта основы).

Типичный случай подобного подхода с выделением «классного префикса» детализируется автором на с. 255 на примере картвельских обозначений медведя (груз. *datv-*, мерг. *tunt-*, лазск. *tu-*

и- и сван. *dāsdw-*), восходящих к арехтингу **daŋw-*, в котором абсолютно ничто не говорит о возможности его исторического членения (естественно, что не располагает исследователя к каким-либо выводам в этом плане и минимальная группа других субстантивов, в которых в прошлом усматривалось аналогичное членение).

В дополнение к совокупности возражений автора в адрес подобной практики рецензенты могли бы привести и целый ряд случаев, когда объектами сегментации в специальной литературе оказывались даже иносязычные заимствования уже исторической эпохи: например, в лазск *viži-* «грудь (женская)», восходящем к греч *βῆς*, вычленялся «окаменелый классный префикс» *b-*, а в западногруз. *baŋana-* «ребенок» (< тур. *bağana* «ягненок») и груз. *nerb-* «самка овцы» (< греч *νεβρός* «оленок») усматривались *соот* ветственно классные экспоненты *ba-* и *ne-*.

Автор несомненно прав, приходя на с. 257--263 к выводу, что в картвельских именах нет ни одного бесспорного случая сохранения реинтерпретированного или окаменелого классного показателя и что сами упорные поиски следов категории класса диктовались здесь не объективными данными, а стремлением выявить максимум структурных параллелизм между картвельскими и северокавказскими языками с тем, чтобы подкрепить едва ли доказуемую гипотезу их генетического единства хотя бы типологическими аналогиями.

В свете выводов, вытекающих как из предшествующих глав работы, так и из его книги 1978 г., в IV главе автор возвращается к неоднократно дискутировавшейся в специальной литературе проблеме исторического состава картвельской языковой семьи. Прочно придерживаясь принципов сравнительно-исторического языкознания, А. Л. Оняни рассматривает картвельские языки как конечные продукты процесса филиации гипотетического общекартвельского состояния, которые переживали свою длительную индивидуальную историю. Естественно, что он вступает здесь в полемику с, по-видимому, все еще встречающимся в картвельской литературе, согласно которому не все из представителей этой языковой семьи восходят к общему для них прасостоянию. Как известно, истоки такого мнения коренятся еще в воззрениях Н. Я. Марра на сванский язык как своеобразный результат взаимодействия как картвельских, так и абхазско-адыгского генетических компонентов (ср. [5]). Если учесть, однако, что, согласно Н. Я. Марру, все языки мира в той или иной степени являются смешанными, то негрудно

увидеть, что позднейшая точка зрения на сванский язык как смешанный в отличие от остальных — собственно картвельских — представляет собой труднообъяснимый, но достаточно очевидный шаг назад. На преодоление этого мнения, по сей день вводящего в заблуждение некоторых представителей смежных наук, и направлена приводимая на с. 279—318 аргументация автора, обращающего внимание на слабость фактической базы гипотезы о древнейшем абхазско-адыгском субстрате на территории Западной Грузии, основанной главным образом на преувеличении объема абхазско-адыгского материала в сванском (и, в частности, на иллюзии о проникновении в сванский язык целой совокупности абхазско-адыгских грамматических элементов). Действительно, констатируя многолетнюю популярность этой гипотезы у определенной части картвельцев, нельзя не заметить парадоксального отсутствия сколько-нибудь значительных исследований, посвященных ее разработке, а также того обстоятельства, что сомнения в ее корректности были высказаны Г. И. Мачапариаши еще в середине 60-х годов [6].

Необходимо упомянуть в этом контексте и о том, что эта гипотеза вступает в определенный конфликт с другой, столь же давней точкой зрения о значительно более широком распространении в прошлом в Западной Грузии сванской речи, подтверждаемой не только лингвистическими (в частности — яркими топонимическими) данными, но и прямыми свидетельствами античной и несколько более поздней традиции, знавшей сванов еще на берегах Фазиса, т. е. Рюна (ср. [7]). В последней связи целесообразно обратить внимание на возможность проведения некоторой содержательной аналогии между такими двумя этнонимами античных источников, как «кельтиберы» и «сваноколы»; если под первыми, как это установлено, понимались кельты, жившие в Ибернии, т. е. на Пиренейском п-ове, то под вторыми следует иметь в виду не смешение сванов с колхами, как это представлялось в свое время Н. Я. Марру, а часть сванов, обитавшую в Чолхиде.

Характерным отражением очевидного преувеличения результатов контактного взаимодействия картвельских языков является высказывавшаяся А. С. Чикобава мнение, согласно которому один из западногрузинских диалектов — гурийский — также имеет смешанную природу. Мнение основывалось на каких-нибудь нескольких десятках слов, которые проникли сюда из мегрельского или лазского языков, и ряде топонимов, чего оказалось достаточно для того, чтобы квалифицировать гурийский диалект как «слож

ную амальгаму из грузинского и мегрельского». Между тем такое закалочение не согласуется с данными грузинской диалектологии, включающей тушинский по совокупности определенных изоглоссов в группу западногрузинских диалектов, характеризующихся в большей или меньшей степени занским лексическими отклонениями (включая топонимию). Не трудно увидеть, что переоценка фактора заимствования привела бы к тому, что прежде всего поставила бы под сомнение генетически гомогенный характер мегрельского языка, в котором зафиксированы сотни грузинизмов и других заимствований, а может быть, и исключодящие турквизмами лаското, что никогда не мешало рассматривать их в качестве равноправных членов картвельской языковой семьи.

Подобно каждому содержательному исследованию, работа А. М. Онциани убеждает ее читателей к целому ряду дальнейших размышлений по затрагиваемым в ней вопросам. Так, на с. 85-90 автор присоединяет свои доводы к ранее уже высказывавшимся сомнениям в корректности традиционной для картвельстики гипотезы происхождения признака им. падежа *i* в грузинском из местименной основы *igi*. Совокупность других случаев появления в грузинском этого вокалического элемента (как правило, первоначально не функциональной, а фонетической природы), в частности, в составе аорисных и имперфектных глагольных словоформ типа *mokkalt* «вы убили то» < *mokkalt* и *adidebdt* «вы воздали хвалу» < **adidebdt*, а также в качестве так называемого эмфатического элемента в формах генитива в инструменталисе, ставит вопрос о возможной первоначально нефункциональной природе и *i* номинатива.

Думается, что последняя глава рецензируемой книги послужит очередным стимулом к активизации топонимических штудий в Грузии. Несмотря на известные усилия отдельных исследователей (ср. прежде всего работы А. А. Глойти), эта проблематика все еще не пользуется достаточной популярностью у картвеллистов. Между тем она очевидным образом сопрягается со столь актуальными для современного картвельского и, шире, — кавказского языкознания направлениями работ, каковым являются лингвоархеологические исследования. Изучение такого фрагмента топонимии, как гидронимия, способно пролить свет и на некоторые вопросы экстралингвистической истории картвелов.

В некоторых разделах I главы, связанных с синхронной презентацией материала, возникает проблема выбора оптимальной модели описания. Так, на с. 109

автор усматривает в неизменяемой форме мегрельского препозитивного определения-прилагательного, — например, в составе атрибутивного комплекса *skvami cira* (Nom.) «красивая девушка», *skvami cira k* (Narr.), *skvami cira-k* (Dat.) и т. д. — нулевые алломорфы соответственно номинатива, нарратива, датива и т. д., что подводит к несколько неожиданному выводу, что в этих случаях имеет место надежное согласование определения с определяемым. С аналогичным решением встречаемся и на с. 153 при обсуждении вопроса о квалификации форм грузинских субстантивов с согласным исходом основы с послегодом *-tan* (например, формы *sarl tan* «у дома»). Проявляя после довательность, автор и в этом случае находит нулевую алломорфу дат. падежа, исходя из того, что этот послегод присоединяется именно к форме датива субстантивов с гласным исходом основы (ср. *tama-s-tan* «у отца»).

Неясно, чем обусловлена позиция автора, трактующего на с. 202 фонологическую корреспонденцию груз.-занск. *i* ~ сван. *šd* (> *št*) как результат различной рефлексии пракартвельского сочетания **s₁t*, в то время как еще в 1983 г. И. Г. Меликишвили предложила как буд то более удачное ее объяснение [8].

Завершая анализ книги А. Л. Онциани, следует подчеркнуть, что она всецело отражает качественно новый этап развития картвельского языкознания. Из преимущественно синхронно представленного материала автор извлекает едва ли не максимум возможной диахронической информации и, не скрывая трудностей, встающих на пути реконструкции ряда архетипов, оставляет соответствующие вопросы в известке дня дальнейшего исследования. Нетрудно убедиться в том, что заметный полемический компонент монографии не является самоцелью и всегда оказывается подчиненным задачам позитивного решения сформулированных в ней проблем. Необходимо вместе с тем отметить еще одно ее ценное качество — она воплощает в себе столь существенное в практике современной науки совмещение жанров строго научного исследования, с одной стороны, и вузовского пособия, с другой. Последняя сторона работы достаточно отчетливым образом обозначена не только ее продуманной композицией, но и исным, лапидарным стилем изложения материала.

В целом рецензируемая монография, на наш взгляд, вносит существенный вклад в разработку сравнительно-исторической грамматики картвельских языков. И хотя ее автор не претендует на исчерпывающую и безошибочную трактовку рассматриваемого в ней языкового материала, ее с большой пользой прочтет

каждый интересующийся картвельским языкознанием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ошани А. Л.* Вопросы исторической морфологии картвельских языков. Главольное лицо, число, инклюзив ~ эксклюзив. Тбилиси, 1978 (на груз. яз.).
2. *Гамкрелидзе Т. В.* Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки (1) // ВЛ. 1971. № 2 С. 25—26.
3. *Сарджеладзе З. А.* Вопросы истории грузинского литературного языка Тбилиси, 1975. С. 357—382 (на груз. яз.).
4. *Климов Г. А.* Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте. М., 1962.
5. *Март Н. Я.* Из поездок в Сванию // Христианский Восток. Т. II. Вып. 1 1914. С. 16.
6. *Мачавариани Г. И.* К вопросу о субстрате в западнокартвельском (занско-сванском) лингвистическом ареале // ИГЯ. 1966. XV.
7. *Меликишвили Г. А.* К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1965 С. 63—68 (на груз. яз.).
8. *Меликишвили Г. А.* К объяснению двух изолированных звукосоответствий в сванском (груз. *t*: сван. *ʃd* и груз. *a*: сван. *e*) // Вопросы современного общего языкознания. VI. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).

Климов Г. А. Сарджеладзе З. А.

Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / Erarbeitet von einem Autorenkollektiv des Zentralinstituts für Sprachwissenschaft unter der Leitung von Pfeifer W. Berlin. Akademie Verlag, 1989. I: A—G. S. XXXIV + 662; II: H—P. S. 623—1345; III: Q—Z. S. 1346—2093.

Серия немецких этимологических словарей пополнилась еще одним важным лексикографическим трудом. Немецкая Академия наук (бывшая ГДР) выпустила фундаментальный трехтомный этимологический словарь немецкого языка. Словарь составлен коллективом авторов — сотрудников Центрального Института языкознания в Берлине под общим руководством В. Пфайфера. Среди авторов словаря — В. Браун, Г. Глншель, Г. Хаген, А. Хубер, К. Мюллер, Г. Петерман, Г. Пфайфер, Д. Шрётер, У. Шрётер. Он предназначен, как сказано в предисловии, для широкого круга читателей и имеет сугубо практические цели. Авторы стремились к максимально полному охвату немецкой лексики. При этимологизации немецких слов они исходили не только из известных звуковых законов, но и из признанных (или постулируемых) в специальной литературе сематических универсалий (универсальных мотиваций), на основании которых и делается реконструкция и сопоставление с соответствующими индоевропейскими корнями. Слово в к рецензируемого словаря включает 8054 самостоятельных и.-е. корней, встречаемых в современном немецком литературном языке, а вместе с суффиксальными и префиксальными образованиями — 21 600 словарных единиц (для сравнения укажем, что в известном Этимологическом словаре немецкого языка Ф. Клюге [1] содержится 8500 единиц,

в этимологическом словаре Дудена [2] — 7500, а в этимологическом словаре немецкого языка Вассершюера и Бетца [3] — 9000). Диалектные и областные слова в рецензируемом словаре специально не рассматриваются, но большое внимание уделяется заимствованиям Дериваты, слово-восхождения (композицы), префиксальные и суффиксальные образования только в том случае даются в виде самостоятельной словарной статьи, если они в результате своего исторического развития, усложнений заимствования, специфики словообразования, особенностей звуковой, семантической или терминологической эволюции оформились в качестве самостоятельных слов. В пределах отдельных словарных статей, содержащихся в рецензируемом словаре, приводятся наиболее ранняя форма рассматриваемого слова в немецком с указанием ее источника и даты ее первой фиксации в древнеренесансном, средневерхненемецком или в нововенесансном (для средневерхненемецкого указание такой хронологии во многом затрудняется отсутствием всеобъемлющих лексикографических пособий (за исключением словаря Лексера, на основе которого в рецензируемом словаре и строятся все данные по средневерхненемецкому языку)). В словарной статье обычно учитываются основные родственные слова в различных германских языках, хотя сравнения в рамках германского и не отличаются полнотой (не да

ются, например, древнефризские, древне-нижнефранкские, среднеанглийские, фарерские и другие соответствия). Приводятся и соответствия из целого ряда и.-е. языков, в результате чего авторы реконструируют тот или иной и.-е. архетип соответствующего слова. В отдельных словарных статьях авторы пытаются строить этимологические гнезда тех или иных корней в рамках современного немецкого языка (ср. нем. *Leim, Lehm, Schleim, Schleihe, Schlick* < *(e)lei-, причём в ряде случаев учитываются и подвижные формативы (в частности, *s-mobile*). Все построения авторов делаются на основе и.-е. этимологических словарей Вальде — Покорного и Покорного (к сожалению, примеры из некоторых языков — например, тохарского и древнеперсидского — не приводятся). Спорные и.-е. корни не обсуждаются в рецензируемом словаре, а данные ларингальной теории не учитываются, поскольку, по мнению авторов, это могло бы представить трудности для читателей. Бросятся в глаза большая протяжённость отдельных словарных статей (они нередко занимают целую колонку, а иногда и несколько колонок) в отличие, скажем, от весьма кратких словарных статей словаря Кляге. Авторы подчеркивают, что этимологический словарь не является словарём изменений значений (*Bedeutungswörterbuch*). Однако линии семантического развития отдельных слов обычно рассматриваются в каждой словарной статье, причём в ряде случаев приводятся не только данные соответствующих словарей, но и собственные разработки авторов. Стремление проследить траекторию семасиологических изменений отдельных слов (в ряде случаев не только на основе лингвистических, но и социокультурных данных) является новшеством для немецких этимологических словарей. В работе использованы многочисленные этимологические словари отдельных и.-е. языков, а также специальные исследования по лексикологии и семантике, список которых прилагается. К сожалению, в рецензируемом словаре отсутствуют ссылки на ряд важных лексикографических пособий, появившихся в последнее время, например, на «Сравнительный словарь индоевропейских языков» С. Манна [4] и «Этимологический словарь хеттского языка» Я. Пухвела [5]. Хотя рецензируемый словарь и более подробен, чем его предшественники, в нём как и в этимологических словарях немецкого языка, вышедших ранее, отсутствует этимология целого ряда немецких слов, относящихся к основному словарному фонду. При этом совершенно не учитывается мифопоэтическая символика, которая имеет решаю-

щее значение для понимания семасиологических преобразований [6-10]. Рассмотрим некоторые из этих слов.

Немецкое слово *Ader* «вена» является одним из многочисленных компонентов обширного этимологического гнезда и.-е. слов, относящихся к отравлению сакрального культа. Исходное значение — «резать, гнуть»; ср. др.-англ. *adesa* «Axt, Beil», **uedh-* «schneiden, stoßen. schla gen» (др.-инд. *vadhati* «бить, толкать», *vadhri* «кастрированный», литов. *vadegù* «топор»), англ. диал. *aid*, *ade* «сточная канавка», др.-ирл. *ad* «Gesetz», (pl) *ada* «feierlicher Brauch» (ср. got. *wiþō* «закон», но *gauridan* «связывать»), др.-англ. *ād* «клятва», др.-инд. *vidatham* «жесткая пирушка». Возможно, сюда же и.-е. **dhes-* «andächtig, fromm, heilig» (ср. др.-инд. *dhisnya-* «fromm», лат. *fis*). С этими значениями тесно связано др.-англ. *witan* «fortgehen, abreisen, sterben» (ср. др.-англ. *wita* «Straf, Pein, Elend, Leid») др.-англ. *wandrian* «wandern, umherstreifen; sich verändern, irren», др.-англ. *id* «deed», швед. *id* «effort» (сакральные действия > колдовство); *wandian* «zögern, ablassen; fürchten, sorgen»; др.-англ. *ent* «великан»; ср. и.-е. **andh-* «слепой» (лишившийся чувств в результате религиозного экстаза); др.-англ. *wædran* «sich zurückziehen, abnehmen, aufhören»; др.-англ. *eonde* «Art» (ср. этимологически *nehmen* «двигать, поворачивать», но нем. диал. *Lank* «Art und Weise»), арм. *und* «поле» (место сакрального действия). С другой стороны ср. и.-е. **ed-* «ест, питаться» > «coire» (как сакральное действие: ср. нем. *Hoden* «testicles» русск. *ядро*, чеш. *jadra* «Hoden»), др.-инд. *andam* «Hoden», русск. *ядерный* «крепкий»), др.-фрл. *eddre* «Ader», (pl) «Eingeweide», греч. *ἦτορ* «Herz», «Bauch»; др.-ирл. *in athar* «Eingeweide»; **and-* «hervorstechen sprießen, blühen» (греч. *ἄνθος* «цветок» ср. *ἄθος* «Kot»), хет. *addin* «I gave» (жертвоприношение), хет. *handa(fu)* «establish, set in order, prepare: found a family», нем. диал. *Etter* «кол, забор из кольев», др.-русс. *одръ* «кол»; **uedh-* «heiraten» ср. еще: и.-е. **adhor-* «coarse grain» (типологически ср. **ker-* «schneiden, schlagen», но нем. *ver-zehren*, русск. *зрнo*) хет. *urd-* «строить» (букв. «сплести дом и веток»); ср. лат. *cer-ebrium* «brain» («head-structures»), англ. диал. *addle* («забавывать, сбивать, экономить», др.-сев. *odal* «имущество»), др.-англ. *eador* «забор, огороженное место», греч. *ἄνθραξ* «Glutkohle», «уголь», «чаг» и «голь» как неотъемлемая принадлежность сакрального культа), яб. *vead* «место» (> «рай») ср. укр. *vatpa* «огонь», а также швед. *рд* «злой», англ. *water* «вода», русск. *водро*, авест. *adu-* «поток воды» (сакральное возлияние), а также нем. *ader* «дру-

гой» < «жечь»: ср. др.-англ. *ād* «Feuer» (типологически ср. лтш. *kaitēt* «гореть», др.-сев. *heitr* «горячий», но литов. *kitas* «другой»; и.-е. **dhem-* «гореть», но хет. *damais* «другой»; лат. *alios* «другой», но др.-англ. *ǣlan* «гореть»; др.-англ. *dryge* «сухой», но русск. *дрогой*). Ср. далее: др.-англ. *ǣadig* «glücklich»; **edhros* «suitable, proper, right, ready» (ср. англ. *weather* «погода», русск. *ведро*), но также хет. *idalu* «плохой, больной»; др.-англ. *ātol* «schrecklich, abstossend, unkeusch». Интересно сопоставить брет. *allen*, др.-корн. *aidden* «ель» (поклонение столбам и деревьям), а также др.-англ. *eac* «стадо, толпа»; и.-е. **ond-* «камень» («заствывший, окаменевший в экстазе»), англ. *wonder*, нем. *Wunder* «чудо», англ. *wound*, нем. *Wund* «рана» (жрецы наносили себе в участниках сакрального акта увечья). Ср. также тох. А *āñān*, алб. *endë* «pleasure», др.-в.-нем. *anto* «zeal», лтш. *atrs* «быстрый», др.-сев. *ond. an-lar* «breath, life, soul». Ср. переход значений «надеться, предувствовать» < «вкладывать в тело новый (не испорченный) внутренний орган»: нем. диал. *anden* «предувствовать, надеяться» (ср. осет. *odd*, *udd* «душа»), но ср.-нем. *ader* «Eingeweide», греч. *ἦζο* «Herz»; ср. **ad-* «festsetzen». Ср. далее арм. *rand* «неукротимое желание», *zind* «радость», англ. *hunt* «охота», нем. *hüten*, англ. *heed* «беречь», обращать внимание». Наконец, рассматриваемый корень представлен англ. *hand*, нем. *Hand* «рука» (рука, сгибание рук в процессе культа имели большую символическую нагрузку), а также следующими лексемами: **uendh-* «Haar» (волосы как символ силы), др.-инд. *andh-* «blind», литов. *aidas* «эх», лтш. *oda* «кожа», греч. *αἰδων* «penis».

Нем. *Welt* «мир, вселенная» представляет собой парное слово, части которого отражают соответственно 1) др.-англ. *swir* «столб» (ср. др.-инд. *vrksa-*, авест. *varəša* «дерево») и 2) др.-ирл. *slat*, валл. *llath* «год, pole» (языческое поклонение столбам; типологически ср. литов. *giras* «лес», прусск. *garian* «дерево», но русск. *игра*, т. е. культовое действие); ср. также мифопоэтический образ мирового дерева, ствол и корни которого олицетворяли соответственно «нижний» и «подземный» миры, а кроны — «верхний мир»; в этой связи с др.-ирл. *slat*, валл. *llath*, возможно, следует сопоставить англ. *rat*, нем. *Ratte* «крыса как хтоническое животное, хранитель подземных богатств» (ср. др.-англ. *wætt* «драгоценность»). Типологически ср. др.-инд. *vangah* «дерево», но др.-англ. *wang* «вселенная»; гот. *fairhous* «мир», но англ. *fir* «ель». Дерево, столб гора отождествлялись с центром мира, в связи с чем ср.: **uer-* > **suer-* «столб» (ср. **uer-* «schneiden»), но русск.

середина; типологически ср.: др.-сев. *vidr* «дерево», ирл. *fid* «дерево»; но литов. *vidus* «половина»; гот. *midjum gards* «мир, вселенная», первая часть которого соотносится с литов. *medis* «дерево», др.-сев. *meitr* «дерево» (ср. англ. *middle*, нем. *Mittel* «середина»), а вторая — с прусск. *garian* «дерево», русск. *гора*; ср. также: русск. *середина*, но др.-англ. *ceart* «лес»; валл. *coed* «дерево», но лат. *centrum* «центр» Немецкое *Welt* можно, однако, соотносить с тох. А *war* «вода» + **le(n)dh-* «наб» (мифопоэтический образ мировой реки) или с лат. *vir* (гот. *waír*) «человек» + др.-сев. *lyodr* «Volk». Передко вселенная (в частности, рай) представлялась как поле, поляна (ср. в этой связи хет. *wellu* (< **uel-*, **uer-*) «meadow» + др.-сев. *stelta* «field, plain»¹). Ср. еще: нем. *Acker*, лат. *ager* «поле», но **ag-* «быстро двигаться, совершая сакральное действие» (ср. **tag-* «поклониться богу»), авест. *arju* «world», и.-е. **ag-* «дуб». Интересно, что тело человека представлялось как микромир и в этом отношении уподоблялось макромиру: ср. гот. *leik* (нем. *Leich*) «тело», но др.-инд. *loka-* «мир»; англ. *body* «тело», но брет. *bed*, валл. *byd* «мир, вселенная»; русск. *meao*, но лат. *tellus* (ср. лат. *stella* «звезда») «земля». Вселенная соотносилась также с яйцом («мировое яйцо»), с кругом: ср. англ. *world*, нем. *Welt* «мир», но др.-инд. *varṭula-*, *vrt-* «круглый» (ср. *vrt-* «круглый» + др.-англ. *rund* «круглый» (ср. др.-сев. *lund* «лес») < **rendh-*, **le(n)dh-* «вода»). Ср. далее: др.-инд. *loka-* «мир, вселенная», но нем. *Ring* «круг», русск. *круг*, *круглый*; др.-инд. *mandala-* «круг», но лат. *mundus* «мир, вселенная»; русск. *мир*. Но ирл. *mell* «круг»; авест. *arju* «вселенная», но англ. *egg* «яйцо». Вместе с тем вселенная связывалась с рождением, с вечным обновлением (ср. смену времен года): ср. англ. *world*, но тох. А *wir* «новый, молодой»; типологически ср. авест. *korā* «юный», но греч. *κόρυμβος* «world»; русск. *мир* < **mer-*, **mel-*, но русск. *молодой*. Ср. с другой стороны, нем. *rund* «круглый», но русск. *родить*; др.-инд. *loka-* «вселенная», но греч. *λαχέω* «сорег», нем. *Ge-schlecht* «род»; лат. *mundus* «вселенная», но **moud-* «Hoden» (ср. **moud-s-to*; русск. *мысль*: голова в древности считалась детородным органом), осет. *udd* «душа» (> «мир, вселенная»), но русск. диал. *уд* «пенис»; ирл. *domun* «вселенная», но др.-инд. *damah* «Gentilien». Возможно, что др.-в.-нем. *weorolt* «вселенная» восходят к **uer-* (ср. литов.

¹ Типологически ср. др.-инд. *loka-* «world», но лат. *lucus* «grove»; лат. *ager* «field», но авест. *anghu-* «world», др.-англ. *wang* «meadow» и «world», др.-англ. *weorold*; ирл. *erw* «field» + и *e* (**(p)eld* «field»

veřs «kalb») + корень, представленный др.-англ. *hrider, hreder*, «Vieh» (ср. с этим последним др.-англ. *rodor* «Himmel; Athert»). С другой стороны, др.-в.-нем. *weorolt* можно сопоставить с сочетанием **ger-* «Feuer» + **eldh-* (ср. швед. *eld*) «Feuer» или с др.-англ. *wærlan* «идти, двигаться» + корень, представленный гот. *ga-leiþan* «идти, двигаться».

При этимологической интерпретации нем *Tür*, англ. *door* «дверь», нем. *Tor* «ворота» следует иметь в виду мифопоэтическую символику двери и окна — врата потустороннего мира, а также наименее защищенные места здания, открывающие доступ к внешнему (праздничному) миру, создающие опасность (в древности храмы строились без окон) [11]. В соответствии с этим нем. *Tür*, англ. *door* следует соотносить с русск. *дурной* «плохой», и.-е. **dhyer-* «schädigen» [ср. **duo* «два» (двойка как символ «нижнего мира», всего брешного, переходящего, плохого)]. Ср. с другой стороны, **dhorezo* «join, fit», **ahorezo* «hold, keep», **duros* «hard, lasting, firm». Типологически ср. также англ. *wicket* «калитка», но англ. *weak* «слабый», *wicked* «злой»; русск. *калитка*, но хет. *kallar* «bad», нем. *kahl* «лысый, открытый»; лат. *porta* «дверь», но русск. *портить*. Символика окна аналогична символике двери: ср. 1) лат. *fenestra* «окно» (обычно возводится к этрусскому) < **dau-* «brennen» > «schädigen» (ср. др.-англ. *leona* «Schaden», др.-сакс. *liona* «Böses, Unrecht») + корень, представленный англ. *odd* (< **osdh-*) «лишний» > «плохой», алб. *athë* «терпкий», русск. *острый* или тох. А *namsi* «diffamation, médisance» [ср. русск. *ненастный* (форма с отрицанием из соображений табу), англ. *nasty* (англ. диал. *nasky*). Возможна, однако, метатеза в лат. слове *nefastus*; 2) русск. *окно*, но др.-англ. *egle* «sorrow», *painful, hateful*, гот. *agle* «sorrow», др.-инд. *aghalā* «evil», др.-валл. *oer* (< (**og-*) «dire, cruel»), ср. *ak^h* «schädigen», др.-англ. *wōð* «irritum, Verkehrtheit, Unrecht» др.-сев. *vā* (< (**uok-*) «Schade, Unglück» — **nau-* «quālen, töten, zwingen»²; 3) англ. *window* «окно». Но англ. диал. *wēn* «взъян»; гот. *winnō, winna* «Leiden» (ср. др.-инд. *vadhā* «tötend», чеш. *vada* «defect», др.-сев. *vandr* «bad») + **dau-* «schädigen», ср. **dhghh-* «idle, useless, good-for-nothing», тох. А *tan-³gēner*, *empêcher*, а также нем. *Tücke*

«Bösartigkeit»; 4) литов. *laigas*, лтш. *luogs* «окно» соотносятся с греч. θέλυο «околдовать». тох. А *talke* «жертва», др.-англ. *lieg*. др.-сакс. *loga* «огонь, пламя» > «ворча» (ср. англ. *lack*)³

Нем. *klug* «умный» соотносится с корнем, представленным русск. *лука*, литов. *liugas* «слякоть, трясина», кимр. *luga* «болото», алб. *legatë* «лука, болото». Типологически ср. литов. диал. *umas* «feucht, naß», лат. *ūmeo*, но русск. *ум*, *умный*; др.-сев. *safi* «сок», но *sefi* «ум» (лат. *sapere* «быть умным», но *sapa* «соки»); др.-сев. *frōdr* «умный», гот. *frāfan* «поминать», но осет. *frud*, *frōd* «река», др.-сев. *frōd* «пена, слюна»; ср. еще: англ. диал. *mig* «моросящий дождь», но др.-англ. *mēagal* «понимать»; **ay(e)-* «мочь», но **au-* «понимать»; русск. *мокры*, но русск. диал. *mekat* «понимать»; др.-сев. *vit* «мокрый», но др.-инд. *arivatahi* «понимать» (ср. представление о плохих в хороших соках в организме).

Немецкое слово *Ast* «сук» (< **mes-* «biegen, drehen»: ср. норв. *vase* «Laubbundel») соотносится с хет. *assus* «хороший», русск. *истинный*, осет. *istæn* «истинный», а с другой стороны — с др.-иран. **isti* «имущество, богатство», др.-инд. *īse* «имеет, владеет», далее — с др.-англ. *oest* «род» < **est-*, др.-евр. *est* «род», русск. *уство* «stesticulus» (типологически ср. ц.-слав. *племя* «сперма, семя» с дальнейшим развитием значения «род, поколение»), др.-русск. *истба* «дом» (место, огороженное ветками). Ср. последовательные значения: «род, родовой» (< «рожать» < «гореть, очаг»: ср. **as-* «гореть») > «того же рода» > «такой же, соответствующий» > «истинный, настоящий». Типологически ср. швед. *gren* «ветка», но литов. *grynas* «истинный»; др.-англ. *hruna* «Baumstamm» (нем. диал. *Ron*), но нем. *rein* «чистый»; лтш. *stars* «ветка», но тох. В *āstār* «чистый»; **ker-* «куст»; но тох. А *karme* «правдивый, правда»; англ. *branch* «ветка» (**reg-*), но нем. *recht* «правильный»; русск. *ветка, ветвь*, но русск. *при-вет, со-вет, от-вет* (ср. лтш. *vieta* «место»); др.-англ. *hris* «Zweig», но др.-русск. *рестной* «истинный». С другой стороны, слова со значением «ветка, палка, жердь, дерево» могут иметь сакральное значение: ср. гот. *ans* «жердь, столб»; но др.-сев. *ass* «бор»; гот. *bagms* «дерево», но русск. *бог*; англ. *stalk* «стебель», но тох. А *talke* «жертва» (ср. англ. *talk* «говорить», букв. «обращаться к богу»); нем. диал. *Heizen* «сброс», но гот. *hunsl* «алтарь», русск. *самоу*; др.-англ. *gād* «Stachel», но англ. *god* «бог»; др.-англ.

² Следует отметить, что лат. *fenestra* «окно» можно соотнести с нем. заимствованным *finster* «темный» и с др.-англ. *bāna* «гибель, смерть» + **ster-* «пространство» (> «хаос»); русск. *ог-чи* можно соотнести с норв. диал. *ugg* «страх» + **nau-* «смерть».

³ Ср. литов. *dilgti* «жечь», др.-ирл. *dlongid* «ращеплять», но др.-англ. *log* «вода», прусск. *dlug-* «озеро».

swir «фейл», по лат. *servare* «помогать»; русск. *жертв.*, но русск. *жертва*. Нем. *Ast* соотносится еще с русск. *звезда* и *звезд* (согласно преданию, звезды к небу прибиты гвоздями); ср. русск. *звездануть* «ударить».

Нем. *Stein* «камень» соотносится с др.-англ. *dān* «feucht». Типологически ср.: **ol-* «feucht», но литов. *uola* «Stein»; авест. *adu-* «поток воды», но др.-инд. *ādri* «камень»; лат. *marga* «камень», но лтш. *merguoti* «моросить» (о дожде); русск. *моросить*, *морозга*; греч. *πέτρα* «камень», но исп. *spretir* «последняя капля молока в вымени», осет. *ford*, *ford* «река», тох. В *praççīye* «ливень»; нем. *Fels* «камень», но литов. *pilė* «капля», лтш. *pelce* «лужа», греч. *παλάσσω* «мочить»; гот. *hallus* «камень», но польск. *kaj* «лужа, тина», тох. А *kāzīs* «стекать (о воде)».

Немецкое слово *Feder* «перо» соотносится с греч. *πέτρα* «камень» (камень в древности был основным оружием, которое бросали во врага: камень л е т е л во врага: ср. **pet-* «liegen»); ср. типологически **pel-* «быстро двигаться, лететь», русск. *перо* (<**per-*), но нем. *Fels* «камень»; **ak-men* «камень», но **ag-* «быстро двигаться, лететь» (ср. лат. *ala* <**aksla-* «крыло»); **uel-* «быстро двигаться», но литов. *uola* «камень».

Нем. *frisch* «свежий» соотносится с **reg-* «гореть, огонь» > «очищенный огнем» [ср. лат. *rogus* «огонь»: **reg-* > (**pregel*). Типологически ср. русск. *свежий*, но др.-нем. *swehon* «beheppen», др.-англ. *swegle* «hell, glänzend, leuchtend» [<**reg-* «гнуть-ся, изгибаться» (об огне)].

Нем. *Arbeit* «работа» следует сопоставить с кельт. **reb-* «игра» (букв. «культурная игра, сакральный акт»), англ. сленг *rib* «шутка», ср. кельт. *krab* «Religion, Frömmigkeit» < (**ker-* *b*, (**kar-* *b* «совершать религиозный акт»; ср. лат. *carbo* «Kohle» (ср. арм. *v-arem* «cultivate, practice», *ainem* «do», лат. *p-are*, *p-are* «do, make, prepare»), **rep-* «Pfahl, Balken» (почитание столбов); **rabh-* «von Ungestüm, Wut ergriffen sein», ирл. *aibh* «flock», сюда же лат. *labor* «труд» (> «сакральное действие»), тох. А *rape* «музыка» (в религиозном смысле), др.-англ. *hrapan* «кричать», лат. *liber* «книга» [букв. «религиозное таинство, совершенное религиозное таинство»: ср. **arb-*, **reib-*, **labh-* «гнуть, прятать» (ср. англ. *rib* «ребро») > «брат», **ar-* «соединять, связывать», **labos* «good»; **labhos* «lipar, stupid, heavy», русск. *слабый* (религиозный экстаз), **albh-* «бодный», др.-англ. *éarp* «bunt» (переход «гнуть» > «краска»). Ср. далее: лтш. *riebt* «console, charm away», русск. *требовать*; швед. *ropa sig* «recover, take heart»; и.-е. **roth-* «strong, strength», литов. *riebūs* «fat» > («semen virile»); **reibhos* «rich, abundant» (ср. др.-англ.

rūpe «волос» — символ силы), нем. *leben* «жить», англ. диал. *lib* «кастрировать». Гот. *lubja* «яд; лечебная трава; колдовство» (ср. также др.-в.-нем. *ruoba*, русск. *pena*), литов. *liepsnā* «пламя», лат. *lip* «beheppen». Сакральное значение рассматриваемого корня тесно связано с его фаллическим значением: ср. др.-в.-нем. *riba* «Hure», лат. *tribus* «род»; русск. *m-reb-ya* «Gedärme» > «Bauch» > «Genitalien» > «coitus» (ср. русск. *y-m-ropa*), греч. *τρέφο* «кормить»; **terp-* «gedeihen» Ср. др.-англ. *ār* «руда» (фаллическая символика металла), лтш. *elra* «дыхание» (легкие в древности считались детородными органами); типологически ср. лат. *grīb* «дышать», но *parib* «рожать»; русск. *дух*, *дышать*, но др.-инд. *tuk-* «по томство», осет. *lug* «кровь» > «семя»⁴, лтш. *elpe* «фураж» («ест, кормить» > «coitus»). К тому же корню относятся и русск. *рыба* и *гриб* как фаллические термины (ср. др.-англ. *hrif* «Bauch, Unterleib»); *рыба* понималась также как символ спасения (жизнелюб воды): **uer-* *b* > **reb* «пац»; типологически ср. осет. *don* «вода», но лат. *bonus* «хороший»; ирл. *dobron* «вода», но русск. *добрый*. Ср. еще: др.-англ. *gorp* «кишка»; **leubh-* «egern haben, begehren», нем. диал. *Raup*, *Riep* «Vieh» (корова как вебожитель), русск. *травный*, др.-сев. *hrari* «дерево». В связи с мифом о том, что души умерших переправлялись в загробный мир по воде (по реке, по морю), следует принять во внимание следующие сопоставления: с одной стороны, нем. *Tropfen* «капля, жидкость», а с другой — русск. *труп*, *тропа*, *торопиться* (ср. русск. диал. *тропать* «бить»). Ср. также следующие слова, относящиеся к сакральному (гесп. сексуальному) акту: нем. *werfen* «бросать», др.-англ. *hrepian* «berühren, angreifen», русск. *рыбой* [ср. русск. *рубить*]; типологически ср.: нем. *spalten* «reißen», но литов. *spalva* «краска»; **mel-* «молот» > «краска» (нем. *malen*); др.-англ. *hiew* «краска», но англ. *hew* «рубить»; др.-англ. *déag* «краска», но гот. *deigan* «бить, месить»; др.-сев. *litir* «краска», но др.-англ. *lidian* «schneiden»].

Нем. *Affe* «обезьяна» соотносится с **ār* «вода»: считалось, что вид обезьяны приносит радость (типологически ср. лтш. *ērms* «обезьяна», но **rem-* «пац, feucht»). С другой стороны, обезьяна была символом сексуальности, сладострастия: ср. др.-инд. *yabhati* «to copulate», др.-англ. *wepen* «penis»; др.-сев. *oefr* «vehement», англ. диал. *open* («of a sow, a heifer») unsprayed; *aber* «eager anxious», *yap* «quick, ready, desirous, hungry»; **ap*

⁴ Ср. также лтш. *elpt* «дышать», но др.-инд. *petab* «Geschlechtsteile».

«streben»; *ap- «mild, gentle», литов. *opūs* «sensitive, tender», др.-инд. *āruam* «friendship» (типологически ср. русск. обезьяна, но *eu'-, osus «gut» + иран. *bauz- «доставлять удовольствие, услаждать, улагодворять», осет. *būs* «нежный», арм. *bis-an-em* «я кормлю»). Ср. также: др.-англ. *afol* «strong» (типологически ср. англ. *monkey* «обезьяна», но тох. А *nuk-prouvoigz*), тох. А *orpaçci* «geschickt»), тох. А *orpaçk* «Verstand» (мозг в древности считался детородным органом; типологически ср. *moud- «Hoden», но *moud-s-lo: русск. *мысль*).

Значение «мокрый» вполне закономерно соотносится со значением «coire», а оба эти значения соотносятся со значением «бить, мять, мочить, превращать в жидкую массу»: ср. (с преформантом) **šep-* «schlagen, werfen» (типологически ср.: нем. диал. *heijen* «бить, кидать», лат. *ciō*, но др.-англ. *hlwian* «heiraten»: нем. диал. *serien* «schlagen, werfen», но др.-англ. *serdan* «coire»); ср. также **šep-* «schlafen, beschlafen». С другой стороны, значение «обезьяна» часто выражалось метафорой со значением «с тупым носом»: ср. **er-an* «lat» (типологически ср. лат. *simis* «обезьяна» < греч. *σιμός* «куриносый»). Ср. также: англ. диал. *uor* «the nape of the neck»; осет. *āfcæg* «partie sail-lante du corps, nuque» (типологически ср. др.-англ. Wrt. Voc. II, 131, 29: *sprınca. circorpythicos*, но др.-англ. *spranca* «Spross, Zweig», ср. лат. *springa* «Affenart»). Существовало поверье, что обезьяна является покровителем восхода и захода солнца, в связи с чем ср. осет. *afon* «срок, пора», которое соотносится с др.-англ. *efen*, нем. *A bend* «вечер» (кстати, это последнее слово в рецензируемом словаре не имеет никакой этимологии).

Нем. *Drüse* «железа», как показал О. Н. Трубачев [12], можно соотносить с лат. *ferrum* «железо» (< **fersom* < **dher-s-om*, ср. нем. *Druse* «руда в виде комка», русск. *древца* «комкообразный вид минеральной породы»). Ср. типологически русск. *железо*, но русск. *желез* (общее значение «комко»: речь идет о культуре болотного железа и его комковатой земляной породе).

Нем. *Blut* «кровь» соотносится с др.-англ. *lūtan* «гнуть», др.-англ. *lūdian* «schneiden» (ср. русск. «ломать») > «совершать ритуальное действие, почитать божество» [ср. гот. *blōtan* «vohrehren, orfērn», русск. *блуд* «беспорядочное движение» (при ритуале): англ. диал. *blute* «action», русск. *со-блюдают*]; ср. также гот. *flodius*, др.-инд. *pluidh* «über-schwennt» (культовое возлияние); ср. далее: др.-англ. *bled* «Getreide, Spelt, Weizen» (в христианской религии хлеб рассматривался как тело Христа). Значение «резать» (ср. др.-англ. *lūdian* «schneiden»)

может переходить в значение «краска» (ср. англ. *blot*, др.-сев. *littr*); ср. далее: русск. *платный, улатывать, платный*. русск. диал. *людеть* «затвердеть», *лютыи* «густой» (о лесе), тох. А *pruth-* «bagger» Ср. еще: англ. диал. *plot* «to burn, to scorch, make hot»; литов. *blodis* «шорча пограва».

Нем. *Buch* «книга» первоначально имело культурный характер: по своему корню это слово непосредственно соотносится с русск. *бок* (букв. «нечто изогнутое, ребра»). Значение же «гнуть» могло переходить в значение «чудо, загадка, нечто непонятное» (типологически ср. англ. *sid* «бок», но др.-сев. *seid* «колдовство»). Ср. еще: англ. диал. *bohen* «to bend; to offer» Ср. также ср.-в.-нем. *bohen* «Zeichen, Zauberszeichen». Подобным же образом др.-инд. *puṣṭā* «книга» связано с нем. *Faust* «сжатые пальцы», и.-е. **puṣtos* «выгнутый» [ср. с этим последним русск. *пусть* (выгнутый снаружи и пустой внутри); типологически ср. **emtiō* «взятие» (сжимание пальцы) и англ. *empty* «пустой»]. Ср. также и.-е. **bhok* «flam men, brennen», англ. диал. *spunk* «a spark of fire; semen virile», но нем. *Bock* «козел» (жертвенное животное), ср. франц. арг. *bucher* «travailler»; литов. *būkis* «сеть, шлетенка» [следует иметь в виду, что значение «огонь», как и значение «вода» (ср. **bhog-* «fließendes Wasser»), соотносится со значением «гнуть»]. Ср. еще: англ. диал. *boogie* «scarecrow, hobgoblin», англ. *spook*, нем. *Spuk* «привидение», русск. *бог*, англ. диал. *bouk* «to offer»; *spoke* «a bewilderment, an enchantment»; русск. *пугать*; согд. *pōkh* «law, duty, rite», англ. диал. *to bock* «to shy (of a horse)»; ср. гот. *bugjan* «kaufen; verkau fen»; *bhēgjo* «quarrel, fight»; **bhōgju-* «hand»; литов. *būkis* «blunt» («находящийся в религиозном экстазе»); тох. А *poke* «hand», англ. диал. *buck* «a smart blow on the head»; инд.-ар. **bhokka-* «to pierce, to stab», англ. сленг *buck* «парень» (букв. «служитель культа», ср. типологически нем. *Knecht*, др.-англ. *cnith*, но русск. *книга*); осет. *buz* «благодарность», иран. **bauz-* «доставлять удовольствие, услаждать, улагодворять», осет. *būs*, *bōs* «нежный, лелеемый, дорогой». **bhug-* «pleasure, eating» (ср., однако, др.-ирл. *bocht* «проог»: сакральное действие могло не только принести спасение, но и навлечь беду), инд.-ар. **bukka* «a handful; hand with fingers extended to hold grain; to eat by throwing handfuls into the mouth»; арм. *buz* «food»; др.-англ. *būs* «Bauch, Magen» (> «essen») > «coire» > «religious verehren»; **bheg* «outside; to oust, thwart» (≈ «изгонять духов, нечистую силу»), англ. *pink* «розовый» (жрецы раскрашивали себе лицо для спасения от злых сил); тох.

А *puk* «строга а, avoig confiance» (ср. др. англ. *būc* «живот»: вера понималась как «вкладывание» в организм «нового» органа взамен старого, «испорченного»); арм. *p'uk* «Hauch» (<**puk* «blow, swell, inflate, breathe»); согласно повериям древних, как голова, так и легкие являются детородными органами [типологически ср. и.-е. **pel-/per-*; др.-инд. *pelab* «Geschlechtsteile», но лтш. *elpa* «breath»; лат. *spērō* «hoffen», лат. *pariō* «рожать», нем. *spielen* «играть, проводить культурную игру», англ. *pore (over)* «обдумывать», англ. диал. *piering* «форель» (рыба как фаллический символ); ср. также англ. *breath* «дыхание», но *breed* «рожать»]. Ср. еще: англ. диал. *spug* «а spragow» (птица как предзнаменование, типологически ср. лат. *omen* «предзнаменование» < **am-*, **am-is* «птица» + суф. *-men*); лтш. *spėks* «сила».

Нем. *sprechen* «говорить» соотносится с нем. *brechen* «ломать». Типологически ср.: лат. *bil-* «резать», но литов. *biloti* «говорить»; **ter-* «резать», но литов. *taryti* «говорить».

Нем. *alt* «старый» соотносится со значением «жечь» (в древности трупы обычно сжигали), ср. др.-англ. *ǣlan* «brengen» (типологически ср. греч. *τερω* «старый», но и.-е. **ker-* «жечь»; греч. *καλαός* «старый», но и.-е. **pel-* «жечь»; русск. *старый*, но инд.-ар. *tal* «жечь»; лат. *vetus* «старый», но др.-англ. *sweodol* «жар»; лат. *senex* «старый», но осет. *zugin* «гореть» (<**zeng-*), ср. нем. *sengen*.

Рецензируемый словарь дает в руки широкого круга читателей исчерпывающую информацию по истории большей части современного немецкого лексикона. В этом отношении он выгодно отличается от предшествующих этимологических словарей немецкого языка. Однако расширение объема информации не всегда влечет за собой увеличение глупости и этимологического исследования. Именно на глубину исследования

(т. е. не только на привлечение данных максимального числа новых и древних и.-е. языков, но и данных мифологии, этнографии, археологии, истории культуры), как нам кажется, следовало обратить внимание при издании академического словаря. Думается, что такое исследование не только не помешало бы общедоступности изложения (а в этом состоит основная методологическая направленность рецензируемого словаря), а наоборот, во многом повысило бы интерес читателей к словарю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. В., 1975.
2. Duden. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache / Bearb. von Drosowski G., Grebe P. Mannheim, 1963.
3. Wasserzieher E. Kleines etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache; Bearb. von Betz W. Bonn, 1966.
4. Mann S. An Indo-European comparative dictionary. Hamburg, 1989.
5. Puhvel J. Hittite etymological dictionary. 1—2. The Hague, 1989.
6. Mallory J. P. In search of Indo-European language. archeology and myth. L.: N. Y., 1989.
7. Renfrew C. Archaeology and language. The puzzle of Indo-European origins. L., 1987.
8. Waal Maleijt A. Religion and culture. An introduction to anthropology of religion. L., 1969.
9. Eliade M. History of religious ideas Chicago; London, 1978.
10. Haudry J. Les trois cieux // Etudes indo-européennes. 1982. 1.
11. Тоняров В. Н. К символическому окну в мифологическую традицию // Балто-славянские исследования. 1983. М., 1984.
12. Трубаева О. Н. Языкознание и этногенез славян. VI // ВЯ, 1985, № 5.

Маковский М. М.

Wotjakischer Wortschatz / Aufgezeichnet von Wichmann Y. Bearb. von Uotila T. E. und Korhonen M. Hrg. von Korhonen M. Suomalais-ugrilainen seura. Helsinki, 1987. I—XXIII+421 S. (Lexica Societatis Fenno-ugricae. XXI).

«Словарь удмуртского языка» представляет собой наиболее полный источник информации по удмуртской лексике. Отличительными особенностями этого словаря являются высокий уровень лексикографической обработки материала, богатство словаря и языковых иллюстраций. Всесторонне и подробно рассмотреть словарь — задача непосильная для крат-

кой рецензии, поэтому мы ограничимся лишь разбором отдельных вопросов, которые привлекли наше внимание.

«Словарь удмуртского языка» содержит краткое предисловие (с. VII—XIX), список сокращений (с. XX—XXIII), корпус лексикона (с. 1—334), регистр немецких слов (с. 335—424).

В предисловии говорится об истории

создания словаря, его источниках, излагаются принципы отбора слов и построения словарных статей, объясняется транскрипция.

Прежде чем увидеть свет, данный словарь прошел долгий путь. Начал его собирать известный финский ученый финно-угровед Юрё Вихман, продолжил Тойво Эмаль Уотила и завершил Микко Корхонен.

В 1891 г. Ю. Вихман отправляется к удмуртам, чтобы на месте изучить язык. Во время годичного пребывания среди удмуртов он изучил несколько диалектов удмуртского языка, собрал лексический и фольклорный материал, приобрел у местных священников и учителей рукописные словари. В целях проверки материала Ю. Вихман в 1894 г. предпринял вторую полуторамесячную поездку.

Собранный материал Ю. Вихман оформил в виде карточек размером 87 × 168 мм, куда заносил весь диалектный материал. Кроме основного слова, приводились и производные от него. У производных слов часто отсутствовал перевод. Значения слов, как правило, давались по-русски и по-фински, иногда по-немецки и по-шведски. Карточка Ю. Вихмана общей сложностью содержала шесть тысяч карточек, расположенных по алфавиту. Большую часть карточки охватывают записи из глазовского, елабужского, малмыжско-уржумского и уфимского диалектов. Относительно много слов из бесермянского, сарапульского и малмыжского диалектов. Что касается слободского диалекта, то он представлен всего несколькими словами. Из изданных в России и Финляндии сборников текстов, хрестоматий и произведений народной словесности Ю. Вихман выписал 2191 словоформу, к каждой из которых приведены точные справки: том, страница, строка.

В 1932 г. Ю. Вихман скончался, и работу над удмуртским словарем продолжил его ученик Т. Э. Уотила. Он приступил к этой работе только после издания «Словаря коми-зырянского языка» [1]. Основная задача Т. Э. Уотила состояла в том, чтобы присоединить свой собственный материал по удмуртскому языку к материалам Ю. Вихмана. Т. Э. Уотила замечал, что в картотеке Ю. Вихмана очень мало иллюстративного материала (фразеологизмов, отдельных выражений, предложений и т. п.). Весь материал Т. Э. Уотила окончательно оформил согласно принципам и схеме изданного им «Словаря коми-зырянского языка» и нанес на отдельные карточки размером 110 × 180 мм. К сожалению, он успел составить только половину словаря до буквы л', когда в 1947 г. скоропостижно скончался.

После 13-летнего перерыва к завершению словаря приступил М. Корхонен. Он продолжил работу над картотечкой согласно схеме, разработанной Т. Э. Уотила. Некоторое время потребовалось для проверки, упорядочения и шлифовки всего словаря. Работа над рукописью словаря была полностью завершена в 1975 г. и еще 12 лет потребовалось для его печатания. Таким образом, начатый Ю. Вихманом в 1892 г. «Словарь удмуртского языка» увидел свет 95 лет спустя.

Объем словаря нигде не указан. По нашим приблизительным подсчетам, общее количество vocabul приближается к 10 тысячам, и, таким образом, по лексическому богатству данный труд можно сравнить со «Словарем удмуртского языка» венгерского ученого Берната Мунакчи [2]. Словарь Б. Мунакчи являлся самым большим для дореволюционного времени и сыграл значительную роль в развитии удмуртского языка. Однако финскими учеными лексические материалы его не были использованы. Таким образом, эти два словаря, отражающие в основном дореволюционный удмуртский язык, дополняют друг друга. Слова в лексические словосочетания, отсутствующие в словаре Вихмана—Уотила—Корхонена, мы находим в словаре Б. Мунакчи. Материалы «Словаря удмуртского языка» финского издания, естественно, не вошли в изданный в 1983 г. большой «Удмуртско-русский словарь» [3], в то время как лексическое богатство «Словаря удмуртского языка» Б. Мунакчи получило в нем отражение. Следовательно, «Словарь удмуртского языка», подготовленный финскими учеными, дополняет изданный в СССР большой «Удмуртско-русский словарь», и эти словари должны использоваться параллельно.

Как уже отмечалось, «Словарь удмуртского языка» является диалектным. В нем представлены, правда, далеко не равномерно, материалы 14 диалектов и говоров удмуртского языка. В словарь не вошли материалы верхнечепецких, среднечепецких говоров и тыловайского диалекта северного наречия; ворхлевских и увинско-ваожских говоров, бавлийского, ташкичянского, красноуфимского диалектов. Данный факт объясняется тем, что диалекты и говоры удмуртского языка изучены далеко не равномерно и не полностью. Однако термин «диалектный» применительно к этому словарю не следует понимать буквально: диалектолог не найдет в нем полных сведений о степени распространённости заглавных слов по всем удмуртским диалектам и говорам, что характерно, например, для строго диалектного типа научных словарей. Из-за

ограниченности лингвогеографического материала в словаре во многих случаях указан лишь один диалект или говор, где зафиксировано то или иное слово. Тем не менее некоторые слова имеют очень широкое распространение. Например, *birkit* «беркут» (с. 24) отмечено только в маймыжско-уржумском диалекте. В действительности же данное слово встречается на широкой территории южного наречия и средних говоров удмуртского языка.

На основе накопленных наукой к началу составления словаря материалов можно было создать своего рода свод всех сведений об удмуртской лексике. Однако составители стремились охватить преимущественно ее основной фонд. Поэтому в словаре найдла отражение главным образом бытовая лексика, связанная с прежней крестьянской жизнью удмуртов, в том числе с такими ее сферами, как охота, пчеловодство, рыболовство, сельское хозяйство, подсечное земледелие. В меньшем объеме представлены удмуртские антропонимы, названия племенных и родовых «воршудных» объединений, некоторые гидронимы и топонимы.

При отборе слов составители отдавали предпочтение преимущественно самобытным словам. Заимствования в словаре даны выборочно. Приведены только те заимствования из русского, татарского, чувашского языков, которые широко употребляются в бытовой речи и уже прочно вошли в язык.

В некоторых случаях к удмуртским словам даются этимологические параллели из близкородственного коми языка. Многие из них являются диалектизмами, но приведены они без соответствующих помет. Встречаются и неудачные параллели. Так, на с. 254 к удм. *šutni* «заквашить» приведена коми параллель *šuzini* «бродить, выбродить». Более правильно было бы удмуртское слово сравнить с коми *šutni* «заквашить, заквашивать». В транскрипции некоторых удмуртских слов встречаются неточности, например, не полностью отражена палатализация: *pond'etnik* «Montag» (с. 204), надо *pond'el'n'ik*. Не отмечена ассимиляция в слове *bakkes* «заяк» (с. 14), надо *bakkes*.

В целом лексикографическая обработка материала и его подача в словаре имеет квалифицированный характер. Словарные статьи занимают основное место, и они расположены в две колонки на странице. Заглавные слова распола-

гаются по латинскому алфавиту без объединения их в гнезда. За заглавным словом следует сокращенное название диалекта. В некоторых случаях приводятся диалектные варианты слова. Во многих словарных статьях даются сложные слова и выражения, компонентом которых выступает данное заглавное слово. Затем следует иллюстративный материал (отдельные выражения и предложения, извлеченные из произведений народной словесности, хрестоматий и сборников текстов). Перевод сделан на немецкий язык, иногда также на русский и финский. В написаниях русских слов встречаются опечатки. Для заимствованной лексики указывается источник заимствования: русский, татарский, чувашский. Все удмуртские слова даны в финно-угорской транскрипции. В качестве иллюстрации приводим образец одной словарной статьи:

kal'len G M J M U тихо, медленно (G), тихонько (M U), *hitaasti* (MU), (Adv.) *langsam*, (G M J U auch) *leise*. *tavarvaiš k. žine veram s'igi J* (II 110) der Fuhrmann sagte ihm ganz leise. [<Tschuw].

В заключение отметим, что «Словарь удмуртского языка», несмотря на некоторые недостатки, является весьма информативным лексикографическим трудом, актуальность и надежность которого не вызывает никаких сомнений. Он содержит много новых лексических фактов по удмуртским диалектам и вместе с тем обобщает и в системном виде вводит в научный оборот уже известный, но для многих труднодоступный материал. Изданием этого «Словаря удмуртского языка» финские ученые продолжили добрые традиции по научной инвентаризации лексики уральских языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre / Aufgezeichnet von Wichmann Y. Bearb. und hrsg. von Uotila T. E. Helsinki, 1942 (Lexica Societatis Fennougricae. VII).
2. Lexicon linguae votiacorum. A votják nyelv szótára. A Magyar Tudományos Akadémia megbízásából szerkesztette Dr. Munkácsi B. Bp., 1896.
3. Удмуртско-русский словарь / Под ред. Вахрушева В. М. М., 1983.

Туркин А. И.

Прошло уже более полувека с тех пор, как в нашей стране впервые в мире была осознана необходимость сотрудничества акустиков и инженеров связи с лингвистами. Это было в 1928 г., когда Л. В. Щербой и его учениками была проведена работа по выяснению характера искажений, происходящих при радиопередаче. Сотрудничество это длилось недолго. Подлинное содружество связистов с языковедами-фонетиками, продолжающееся и сейчас, началось в 1940 г. Поводом для него послужило создание лингвистически апробированных слоговых и словесных таблиц (так называемых «артикуляционных таблиц») для испытания телефонной аппаратуры и линий связи [1].

За истекшее с тех пор время проблема совершенствования технических средств связи переросла сначала в проблему автоматического распознавания речи, а затем, уже в наши дни — в проблему создания «искусственного интеллекта», частным вопросом которой является «общение» с роботом и производство «думающих роботов». Хотя мы еще очень далеки от реализации этой программы, народно-хозяйственное значение и важность научно-технической задачи конструирования подобных машин совершенно очевидны, а этим определяется и актуальность рецензируемой книги Р. К. Потаповой.

Автор прямо не пишет, на кого рассчитана ее книга и какие задачи она перед собой ставила, но по содержанию и характеру изложения представляется, что она стремилась, в первую очередь, сделать понятными лингвистические аспекты управления роботом для представителей технических наук; не случайно книга выпущена издательством «Радио и связь». Вместе с тем эта книга будет интересна и читателям-языковедам, которых она знакомит с теорией и практикой управления роботами. Это заставляет лингвиста не только задуматься над практическим применением лингвистических знаний, но и помогает ему увидеть такие стороны функционирования языка, которые могут остаться незамеченными при изучении процесса общения между людьми.

Книга Р. К. Потаповой состоит из Введения, двух глав, заключения и четырех приложений

Во Введении в максимально краткой форме даны в основном определения важнейших лингвистических понятий, широко распространенных в современной фонологической литературе. При этом удивляет отсутствие даже упоминания такого понятия, как фон; определяются только фонема и аллофон, являющиеся

абстрактными единицами. Между тем именно фон — единица материальная — непосредственно поступает в восприятие устройство робота, как и в слуховой аппарат человека, ибо только фон обладает акустическими и артикуляторными характеристиками, являясь звуком в прямом смысле слова.

Гл. I посвящена основным проблемам управления робототехническими системами, значению их разработки для научно-технического прогресса. Р. К. Потапова охарактеризовала в этой главе современное роботостроение за рубежом. Функции, выполняемые роботами, и дала их классификацию. Специальное внимание она уделила проблеме искусственного интеллекта, требующего создания особо сложных машин, имитирующих общение между людьми. Далее она определяет понятия, используемые в роботостроении, и перечисляет типы языков программирования действий роботов. Относительно подробно описываются современные робототехнические системы, управляемые с голоса.

В гл. II рассматриваются методы автоматического распознавания изолированных слов в современных устройствах. В первом разделе этой главы говорится о двух методах обработки речевого материала: методе декодирования звукового сигнала, позволяющем представить его в фонетической транскрипции, и методе, обеспечивающем понимание смысла, содержащегося в высказывании. Мне кажется, что, может быть, правильнее было бы говорить не о двух методах, а о двух этапах или аспектах.

В остальных трех разделах описываются методы автоматического распознавания изолированных слов, подвергаются анализу трудности, возникающие при этом. Для иллюстрации проводившихся экспериментов даются схемы и таблицы, например: общая схема системы распознавания речи, схема классификации согласных, схема устройства распознавания изолированных слов. Заключается глава описанием экспериментов по распознаванию искаженной речи, выполненных самим автором или при его участии. Под искаженной речью подразумевается речь, зашумленная тем или иным способом перед входом в передающее устройство.

Постановка таких экспериментов, безусловно, уместна. Смысл их заключается в том, что они показывают, по каким параметрам элемент звуковой стороны языка, всякий раз по-разному «искаженный», опознается говорящими. Мы знаем здесь дело с «фонетическим несовершенством речи», о котором Л. В. Щербой писал еще в 1915 г. [2] Ведь каждый фон

даже и прослушавши одного и того же говорящего, отличается от «аталона» специфическими чертами. Тем не менее каждый носитель данного языка благодаря накопленному опыту умеет опознать, какую именно фонему реализует данный конкретный фон с звуковым обликом какого слова связана услышанная цепочка фонем. Суметь научить этому робота — задача, неразрешимая без лингвиста.

В гл. III Р. К. Потапова обращается к более сложным, чем слово, объектам распознавания, а именно к изучению автоматического распознавания слитной речи.

В первом разделе этой главы автор анализирует акустико-фонетическую сегментацию речевого потока; сложность этой задачи она характеризует следующим образом: «...распознавание слитной речи намного сложнее распознавания отдельно произнесенных слов прежде всего вследствие неясных границ между словами. В результате трудно определить начало и конец соответствия между фонемной цепочкой слова из словаря и распознаваемой фонемной цепочкой» (с. 76). Особо подчеркивается важность использования данных восприятия (с. 77). Хотелось бы отметить, что опора на восприятие полностью соответствует весьма важному для современного этапа развития языковедения положению о том, что языковые значения могут иметь только такие явления речи, которые доступны для восприятия носителей данного языка. В завершение первого раздела показана роль фонокатегорических правил в сегментации речевой цепи, т. е. в сегментации структуры слога, особенно открытого.

Второй раздел гл. III посвящен описанию лингвистических характеристик сегментных единиц речи, используемых при членении и распознавании в автоматизированных системах. К таким единицам относятся: фонетические слова, их позиции в синтагме и фразе, типы слогов и т. п. Напоминая о том, как происходит распознавание речи человеком, Р. К. Потапова пишет: «При членении слитной речи на семантически значимые сегменты человеком используется информация различных языковых ярусов — от фонетического до семантического» (с. 97).

Третий раздел посвящен описанию использования просодической информации для автоматического распознавания и понимания речи. В нем в основном излагаются некоторые результаты совместных исследований автора с Л. П. Блохиной. Эти результаты представлены в целом ряде таблиц. Основными рассмотренными просодическими характеристиками являются: ударение, огибая

шал высказывания по основной частоте, ритм, паузация, изменения энергетической конфигурации и временные соотношения сегментов в предстыковой и застыковой позициях на границах предложений и синтагм (с. 104). Заслуживает безусловного одобрения использование в экспериментах слухового анализа, только таким способом может быть включен смысловой критерий оценки воспринятого, имеющий, разумеется, первостепенное значение.

Специально лингвистическому аспекту посвящен четвертый раздел, в котором рассматриваются способы активизации автоматического распознавания слитной речи с привлечением информации высших лингвистических ярусов. Стержень этого раздела составляет поиск оптимальных путей, ведущих к раскрытию смысла распознанного текста, что требует обращения к его синтаксической и семантической структуре. Р. К. Потапова описывает некоторые автоматические системы, «...способные обеспечивать семантическую связь в процессе распознавания» (с. 120). Все такие системы опираются на лингвистическую картину речевой деятельности человека, которая является самым совершенным кодом мысли и которая должна обязательно учитываться при создании искусственного интеллекта.

Глава заканчивается очень кратким изложением теории Фреймов, которая, по мнению Р. К. Потаповой, является перспективной «... при распознавании слитной речи и ее понимании» (с. 128). К сожалению, текст довольно труден, особенно, для читателя-нелингвиста (а только такого читателя мог иметь в виду автор в данном случае). Надо было писать проще, использовать более простым языком и обязательно показывать все на примерах.

В отличие от второй и третьей глав, глава четвертая, посвященная не анализирующим, а синтезирующим устройствам, наименее лингвистична. В ней идет речь о принципах синтеза речи, описываются различные системы синтеза и обсуждаются некоторые частные вопросы, связанные с этой проблемой; даются характеристики некоторых зарубежных синтезаторов, использующих различные методы синтеза. В первой части этой главы говорится о зарубежных устройствах, во второй — о советских.

Весьма важное место в книге Р. К. Потаповой занимает самая большая по объему — пятая глава, центральной темой которой является так называемое общение человека с машиной. В этой главе имеется много схем: «Алгоритм диалога в системе KEAL» (с. 174), «Ярусы понимания в системе KEAL»

(с. 178; здесь представлены анализаторы фонетический, лексический, синтаксический, прагматика и семантики), «Структурная схема устройства яруса понимания системы KEAL» (с. 179) и т. п. Сходные схемы даны и по другим системам. Все это должно быть интересным не только для лингвиста-прикладника.

В Заключении, занимающем всего две страницы, Р. К. Потапова как бы напоминает техникам о необходимости привлечения лингвистов к решению робототехнических задач. В этой связи хочется привести следующую цитату: «В связи с вышесказанным для успешного развития робототехнических систем, управляемых с помощью речи, особое значение приобретает решение таких задач, как изучение специфики обмена информацией между людьми...» (с. 226). В четырех приложениях представлено большое число типов зарубежных систем синтезаторов речи, систем распознавания речи и устройств речевого ответа. Для каждой системы указывается максимальный объем словаря, контролируемые параметры (громкость, высота тона, тембр, темп и др.), возможность воспроизведения слов и т. п. Список литературы насчитывает 83 единицы; большинство — на русском языке; лингвистические работы представлены очень мало.

Все сказанное свидетельствует, как уже говорилось выше, о том, что рецензируемая книга, содержащая богатую информацию для техников, связанных с роботостроением, представляет интерес и для лингвистов, поскольку знакомит их с возможностями роботов и с перспективой их совершенствования.

К частным замечаниям, сделанным попутно, хотелось бы добавить некоторые общие соображения. Первое, что хотелось бы отметить, это то, что из авторского текста читатель не получает ясного представления о концептуальной стороне проблемы роботов. Смутно угадываются лишь надежды Р. К. Потаповой на реализацию идеи не только робота, дублирующего человека как деятеля, но и человека мыслящего. Против этого не могу не высказаться.

Мне представляется, что такие выражения, как «искусственный интеллект», «имитирующий робот», «диалог человек — машина» и т. п., можно употреблять только метафорически, а в книгах, подобных рецензируемой, без оговорок употреблять вовсе нельзя. Машина сама ни на что не способна и не будет способна никогда. Она может только то, что заложил в ее устройство человек, который не только своей интеллектуальной деятельностью, но и своими руками построил ее. Машина не более, чем молоток, является инструментом, средством действия человека. Без человека и мо-

лоток, и самая совершенная машина превращаются в ничто. Машина отличается от молотка тем, что человеком заложена в нее возможность выполнять более сложные, многоступенчатые действия.

Второе, о чем хотелось бы сказать, связано с упомянутым выше «фонетическим несовершенством речи». Акустики и техники связи, как и вообще все носители языка, не считая языковедов, не замечают того, что в спонтанной речи многие сегменты речи произнесенных слов оказываются искаженными до неузнаваемости. Полностью скрыты для них и далеко идущая вариативность отдельных звуковых единиц языка — фонем, а также фонетическое разнообразие аллофонов одной и той же фонемы и уже упоминавшиеся выше несопадение артикуляторно-акустических признаков фона, наблюдающееся от произнесения к произнесению даже у одного и того же лица. Большую трудность для автоматического распознавания связной речи представляют сложные синтаксические и интонационные средства, передающие тонкие оттенки мысли. Может быть, следовало бы создать серию стандартных речевых команд, которые при помощи специальных устройств вызвали бы соответствующие действия машины.

Поддерживая трудности, стоящие на пути создания автоматизированных систем восприятия речи, я могу сослаться на то, что если вначале представители точных наук, может быть, думали, что достижение цели не так уж далеко, то впоследствии они убедились в противоположном. Я вспоминаю, что в семидесятых годах создатель акустической теории речеобразования — Г. Фант заметил, что он уверен в том, что автоматическое распознавание речи не будет достигнуто в XX в., но не уверен в том, что это свершится и в XXI в.

Таковы мои замечания по существу содержания рецензируемой книги. Что же касается того, как она написана, то хотелось бы, чтобы яснее была выражена позиция автора по затрагиваемым ею вопросам. Кроме того, описание робототехнических систем, желательно было бы сделать более доступным для языковедов, для которых знакомство с ней, как мне представляется, будет полезным и интересным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зиндер Л. Р. Об одном опыте сотрудничества фонетистов с инженерами связи // ВЯ. 1957. № 5.
2. Щерба Л. В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов // Щерба Л. В. Избр. работы по русскому языку. М., 1957.

Зиндер Л. Р.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

29 июля — 4 августа 1990 г. в г. Гамберге (ФРГ) на базе Отто-Фридрих ун-та состоялся Международный диалектологический конгресс. Он был организован Международным оргкомитетом, руководимым известным немецким диалектологом Вольфгангом Фиреком.

Проблематика конгресса отражает интерес лингвистов к изучению универсального свойства вариативности (под диалектом понимается продукт изменения языка в пространстве, времени, а также в зависимости от социально-культурной принадлежности говорящих и ситуации общения). Цель данной заметки — привлечь внимание к тем теоретическим и практическим вопросам, которые обсуждались и решались зарубежными коллегами, поскольку их исследование меньше известны читателям журнала, чем работы советских участников конгресса (см. [1—3]).

Представленные на секции «Историческая диалектология и лингвистическая вариативность» исследования подтверждают, что мертвые языки имеют долгую жизнь. Рассмотрены вариативность староанглийского языка, происхождение и развитие с XIV в. шотландских диалектов, реконструкция английского языка США XIX в. (по результатам Вопросника, заполненного в 1915—1922 гг. ветеранами гражданской войны 1861—1865 гг.) и славянских диалектов в Германии, вариативность гласных в швейцарском немецком, синтаксические особенности диалекта пенсильванских немцев. Обсуждались вопросы единства романского языка, диалектной вариативности на юге Италии и на востоке Нидерландов XVII в., развитие одного из городских койне Норвегии XVII в., проблемы дифтонгизации в среднидерландском языке и современных нидерландских диалектах, распределение табето-бирманских языков на востоке Непала, а также исторический, социальный и географический аспекты чередования согласных в бразильском варианте португальского языка. Использовались раз-

ные методы исследования, в том числе и математико-статистические.

В докладах, сделанных на секции «Лингвистические атласы и словари», отражена известная корреляция задач лингвогеографии и уровня диалектологического исследования отдельных языков. Шла речь о работе над такими лингвистическими атласами (далее ЛА), как канадский ЛА Британской Колумбии, Новый нидерландский ЛА, новый ЛА Корсики, фонетический атлас ФРГ, Баварский ЛА, ЛА немецкоязычной Швейцарии, новые румынские ЛА, диалектологический и диастратический ЛА Уругвая, ЛА финно-угорских языков побережья Балтийского моря и Финского залива. Подчеркивалось, что компьютерные базы данных предоставляют для изучения вариативности больше возможностей, чем традиционные коллекции языковых фактов. Так, Институт нидерландской лексики при создании ЛА среднеидерландского языка XIII в. оценивает возможные диалектные границы путем обработки данных методом кластерного анализа. Обращено внимание на трудности и вместе с тем на необходимость создания синтаксических ЛА. Было сказано о сложностях работы над словарями нестандартных языковых вариантов, в том числе Новым польским диалектным словарем, о лексикографических проблемах программы «Обзор английских диалектов», о начале публикации «Словаря американских диалектов английского языка».

На конференции продемонстрированы возможности применения ЭВМ в собственно диалектологии и лексикографии, в том числе визуализация в форме карт базы данных ЛА Востока Канады.

Материалы секции «Диалектная структура и классификация диалектов» также свидетельствуют о возрастающей роли обработки данных на ЭВМ с применением математико-статистических методов. Такими методами анализировались данные для II тома ЛА Эльзаса, а также данные из ЛА Приморских провинций Канады для выявления степени схождения/раз-

чия исследуемых ареалов, данные о вариативности английского языка Канады. С целью объективизации разделения географического пространства на ареалы был предложен формализованный для ЭВМ так называемый сетевой метод исследования. Шла речь о диалектном членении немецкого языкового ареала, критиковались имеющиеся классификации диалектологических карт.

На секции «Обработка информации на ЭВМ» рассмотрены основы компьютерной диалектографии, представлены созданный на основе автоматической франко-английский базы данных канадский спортивный глоссарий, прототип электронной диалектного атласа с программным обеспечением на ЭВМ, а также учитывающее социально-территориальную вариативность «Введение в английский язык США» с интерактивным аудиовизуальным компьютерным сопровождением. Обсуждены проблемы недостающих данных при компьютерном картографировании северных и центральных штатов США, использование параметрических методов применительно к данным для ЛА этих регионов и к данным, полученным при повторном обследовании городской речи Чикаго. Интересна работа университета штата Огайо по созданию диалектологической информационной системы языка идиш в рамках проекта создания лингвогеографии языка идиш. Проблема состоит в чрезвычайной обширности историко-языкового и культурного ареала идиша, в связи с чем ЛА должен быть географически обширен, многоязычен, международен (как Европейский лингвистический атлас) и одновременно очень детален (как диалектный атлас одного языка внутри географически компактного ареала).

Доклады секции «Вариативность региональных диалектов, разговорная речь и стандартные языки» были посвящены результатам лингвистического исследования (в рамках проекта «Урбанизация и языковые изменения») Техаса, жителей которого называют «сельским населением динамичной городской цивилизации», а также проблемам «народной речи» реликтового горного ареала Аппалачей, реконструкции экспортированного в Бразилию после 1867 г. южноамериканского варианта английского языка участников гражданской войны в США (на основе сопоставления языка их потомков и языка штатов Алабамы и Техас). Были рассмотрены фонетические и лексические аспекты арабских диалектов Алжира в рамках создания ЛА региона, проблемы польской диалектологии (такие, как украинско-польская интерференция, методы описания польских диалектов за пределами Польши), галисийского язы-

ка, баварского и других южнонемецких диалектов, обиходно-разговорной речи Тюрингии и швейцарского немецкого. Речь шла о зоне каталано-окситаанских контактов, о результатах «англизации» острова Джерси за счет нестандартных вариантов английского языка, о регионально ограниченных словах в английском как мировом языке. Обсуждались проблемы языка города в отношении шение городской и деревенской «народной речи» в Бразилии, влияние обиходно-разговорной речи Берлина и больших саксонских городов; были представлены результаты исследований, проведенных в рамках проекта «Лингвогеография городской обиходно-разговорной речи г. Гессена» Лингвисты канадской Академии с помощью математико-статистических методов выявили ареалы распространения типологических особенностей лексики рыбаков.

На секции «Социолингвистическая вариативность» отмечалась ограниченность социолингвистической парадигмы школы У. Лабова и предлагалась пути преодоления этой ограниченности, в том числе с помощью обработки методами математической статистики большого числа временных. Обсуждались разнообразные вопросы: почему при овладении другим национальным вариантом языка лексические особенности усваиваются быстрее, чем фонетические, но остаются устойчивыми; действительно ли расовая принадлежность говорящего определяема по его речи; различаются ли языковые варианты в невербальном аспекте; разделен ли язык американских негров в соответствии с региональными и социальными факторами; почему мало изучена региональная вариативность языка «элиты» Рассмотрены языковые ландшафты французского острова Нуармуты и одного из кварталов Берна. Показано (на материале английского языка США), что женщины используют больше стандартных языковых форм, чем мужчины. Был поставлен вопрос о выборе адекватной теории социальной стратификации, поскольку при неодинаковой социальной стратификации мужчин и женщин современные теории опираются лишь на стратификацию мужчин. Обращено внимание на необходимость изучать дискурс на основе нестандартных языковых вариантов.

В рамках секции «Двуязычие, многоязычие, языковые контакты, сопоставление языков» говорилось о роли диалектов дунайско-карпатского региона в образовании так называемого вторичного карпатского изоморфизма, о лингвогеографических аспектах сопоставления языков немецкого и идиш, о языковой вариативности при сбалансированном двуязычии, о польско-украинском двуязычии,

ции в районе Люблина. Рассмотрены также итальянское влияние в швейцарском немецком XVI—XVII вв., изменения в карельском синтаксисе под влиянием русско-карельских языковых контактов, а также проблемы «языковой провинции» Ла-Манш, процесс овладения диалектом как вторым языком носителями официального нидерландского языка, особенности такой «языковой лаборатории», как «островной» пенсильванский немецкий язык США. Привлекла внимание взаимосвязанность на территории США финского и других языков, обусловленная отсутствием постоянной новой иммиграции, социальной и географической дезинтеграцией этнических общностей.

В докладах, представленных на секции «Использование языковых вариантов и оценка языковой вариативности», речь шла об измерении уровней языковой региональности, о когнитивных аспектах языковой компетенции у владеющих двумя языковыми вариантами. Отмечалось, что в языковую компетенцию входит знание о субъективной оценке вариативности: должны быть результаты классификационного исследования представления японцев и англичан о вариативности родного языка. Интересен анализ отношения говорящих к вариативности в условиях не дву- или многоязычной общности, а одноязычной, немецкоговорящей близ г. Гейдельберга. На фламандском материале исследовались корреляции между языковой вариативностью и полом говорящего.

На пленарных заседаниях было сообщено о результатах изучения лингвистической вариативности (Р. Батерс, США), о проблемах и методах диалектометрии, перспективах геолингвистики (Г. Гэбл, Австрия), перспективах «коммуникативной» диалектологии (Ж. Кис, Венгрия), основных тенденциях геолингвистики (М.-Р. Сямоня-Орамбу, Франция). Результаты своих исследований представи-

ли Н. Бошмен (Канада), С. Рот (Венгрия), В. Вайт (ФРГ), К. Райн (ФРГ), М. Лии (США), Г. Протце (ФРГ), Р. Хильдебрандт (ФРГ), Я. Физшак (Польша), Р. Д. Клемент (Англия) и другие известные лингвисты. Среди советских участников конгресса — А. В. Десницкая, А. И. Домашнев.

Конгресс еще раз показал, что за рубежом успешно решается задача автоматизации лингвистических исследований, задача создания автоматизированных систем сбора, обработки необходимой информации и издания результатов. В свете работы конгресса представляется особенно справедливым утверждение о том, что «успешное развитие прикладных направлений... невозможно без комплексной автоматизации научных исследований в языкознании вообще, что автоматизация исследований является необходимым условием для использования результатов фундаментальных направлений в прикладных разработках и что достижение современного уровня лингвистических знаний и лингвистической практики неразрывно связано с существенным обновлением национальных лингвистических фондов» [4].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. International Congress of dialectologists Bamberg, 29.7.—4.8.1990; Vorgesehene Vorträge / Ed. by Viereck W. Bamberg, 1990.
2. Вариативность как свойство языковой системы: Тез. докл. Ч. 1. 2. М., 1982.
3. Всесоюзная конференция «Проблемы вариативности в германских языках»: Тез. докл. М., 1988.
4. Караулов Ю. Н., Андрющенко В. М. Автоматизация лингвистических работ и создание машинного фонда русского языка // ИАН СЛЯ. 1988. № 1. С. 11.

Голубева-Моцаткина Н. И. (Москва)

18—20 октября 1989 г. в Звенигороде (Московская обл.) состоялась Всесоюзная конференция по историческому словообразованию русского языка, организованная Научным советом «Русский язык: его современное состояние и история» АН СССР и Отделом истории русского языка Института русского языка АН СССР. В работе конференции приняло участие около 70 специалистов: научных сотрудников АН СССР, республиканских АН и преподавателей высших учебных заведений страны.

Открывая конференцию, председатель ее оргкомитета И. С. Улуханов подчеркнул необходимость создания полного описания исторического словообразования русского языка. В своем докладе, посвященном состоянию и перспективам исторического словообразования, он перечислил стоящие перед учеными задачи; это — создание системы единиц и терминов исторического словообразования, уточнение понятий «мотивированность» и «производность», создание теории степеней синхронной мотивированности, изучение истории возникновения способов словообразования и др. Была также отмечена необходимость объяснительного (а не констатирующего) изучения истории языка.

Г. А. Николаев (Казань) основным фактором развития словообразовательной системы русского языка назвал динамику словообразовательных процессов и отношений, суть которой, по мнению автора, — в изменении словообразовательных отношений и последующем установлении соответствия между вновь возникшими связями и словообразовательными процессами.

Э. П. Кадьалова (Саратов), рассмотрев диахронический аспект словообразовательной синонимии, выявила в развитии словообразовательной системы языка следующие факторы: тенденцию к коннотативному согласованию словообразующих элементов, семантико-грамматическую аналогию, ее нейтрализацию, активные процессы в ЛСГ и словообразовательных гнездах, коммуникативную целесообразность словообразовательной модели и др.

И. Г. Милославский (Москва) отметил культурологическую ценность исторического словообразования и показал перспективность изучения вопросов исторической лексикологии и этимологии для общественной практики.

Словообразовательные процессы и историческая лексикография стали темой доклада Г. А. Богатовой (Москва). Рассмотрев традиции гнездовой и алфавитной лексикографии в России, автор сделала вывод о том, что гнездовое рас-

положение слов в Словаре Академии Российской с установкой на лучшее эвтимологическое освещение корня было наиболее рациональным способом показать связь истории языка и его современного состояния.

Подчеркнув принципиальное различие синхронии и диахронии в словообразовании, О. П. Ермакова (Калуга) и Е. А. Земская (Москва) исследовали различные семантические отношения между словами, связанными по форме. Особо рассматривались случаи, когда семантические связи производного и производящего носят сложный характер, обусловленный несовпадением формальной и семантической мотиваций. Б. И. Бартков (Владивосток), проанализировав аффиксальные модели существительных, образованных от аббревиатур, показал, как диахроническая продуктивность влияет на синхронное словообразование. Различные аспекты словообразовательной мотивации (ее направление, множественность) рассматривались в докладах М. П. Егоревой (Кустанай), Е. И. Кориковцевой (Грозный), Т. В. Стрелцовой (Оренбург) и др.

О развитии значений аффиксов говорилось в докладе Е. С. Кубряковой (Москва). Ею были выделены основные факторы, мотивирующие и разъясняющие развитие каждого аффикса в истории его существования: круг основ, с которыми аффикс первично вступает в связь, и парадигматические или другие системные связи, характеризующие все производные с этим аффиксом. В докладе Э. А. Балалыкиной исследована история взаимодействия аффиктивных аффиксов *-ьмь / -ьмь* (*-inos-, *-injs-) в русском языке. Для доказательства выдвинутой автором гипотезы о характере осложнения исконого *-ino древнейшим *-jъ (*-jъs) привлекаются сопоставительные данные балтийских и славянских языков. На эволюцию аффиктивных словообразовательных формантов, по мнению Н. П. Зверковой (Москва), повлияла перестройка склонения существительных по родам, вследствие чего сформировались суф. *-vъ / -vam-, -ovum-*. В докладе В. Г. Демьянова (Москва) речь шла о роли иноязычных формантов в формировании словообразовательных средств русского языка.

Различные аспекты словообразования освещались на материале топонимической лексики. Вопросы происхождения топонимических суффиксов и их хронологии их формирования затронул В. А. Горпичик (Кировград). Л. Я. Костючук (Псков) исследовала названия лиц по месту жи-

тельности и по национальности в народном языке XVII в. Влияние изменений в определенных группах лексики на развитие словообразовательных средств на материале пермских говоров показала Е. Н. Полякова (Пермь).

Ряд докладов был посвящен связи словообразования с другими уровнями языка. В. Б. Сирина (Москва) указала на необходимость изучения тех словообразовательных процессов, которые связаны с потребностями развития грамматической системы. Вопросы динамики словообразовательной структуры производных слов освещались в докладе М. В. Черепанова (Саратов). Взаимодействие лексических и словообразовательных процессов показал Ю. Г. Кадькалов (Саратов), рассмотрев историю отвлеченных существительных с суф. *-ш-*, *-г-*. Прагматический аспект образования нового слова освещен в докладе В. И. Заботкиной (Калининград).

Несколько докладов касалось способов словообразования. Месту аффиксального словообразования среди других способов номинации был посвящен доклад акад. Д. Н. Шмелёва (Москва). На примере семантических дериватов, составных наименований, сложных слов, аббревиатур и заимствований был показан характер взаимодействия способов словообразования в разные периоды истории языка. В. Н. Немченко (Горький) предложил критерия разграничения синхронных и диахронических способов словообразования. Причины возникновения новых способов глагольного словообразования анализировались в докладе С. П. Лопушанской (Волгоград). Способам номинации в истории языка посвятил доклад В. М. Никитевич (Гродно).

На обсуждение были представлены результаты семантических исследований отдельных групп производных слов. В докладе Ю. С. Азарх (Москва) показана эволюция словообразовательной семантики и структуры у первичных суффиксальных универбатов. Актуальные тенденции в развитии семантики мотивированных личных существительных в XIX—XX вв. были названы в докладе В. М. Грязновой (Ставрополь).

На конференции были рассмотрены проблемы взаимодействия слово- и фор-

мообразования. В докладе О. Ф. Жолобова (Казань) исследовался генетический синкретизм формо- и словообразовательных форм имени, а также синкретическая мотивированность их в синхронии. Словообразовательной роли флексии в древне- и старорусской письменности посвятила доклад М. Н. Махонина (Москва).

Особое внимание было уделено истории словообразовательных гнезд (СГ). Рассмотрев СГ с корневыми морфемами *-вед-*, *-вез-*, *-вещ-*, Н. А. Кипяни (Тбилиси) пришла к выводу, что основная причина изменений в СГ — семантическое словообразование и специализация значений производных слов. Л. М. Устюгова (Ужгород) исследовала причины и время образования пяти СГ, ведущих к праславянскому корню **terb*.

В серии докладов уточнялись различные понятия словообразования. Об аналогии как тенденции к поддержке отношений мотивации говорила Ж. Ж. Варбот (Москва). Такой подход, по мнению автора, позволяет считать процессами аналогического типа такие нефолетические изменения, как переразложение, усложнение и народную этимологию. В докладе И. В. Дьячук (Рига) освещались разные точки зрения на феномен транспозиции и предлагалось не отождествлять явления транспозиции и словообразования.

Состоялись дискуссии по актуальным теоретическим проблемам. Чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачев (Москва) в частности, высказал мнение, что словообразование едино и по преимуществу исторично; он также отметил необходимость интегрирования методов (генетическая реконструкция и типология) и перспективность изучения семантической деривации. Е. А. Земская (Москва), говоря о неоднородном употреблении терминов, предложила составить словарь терминов словообразования, разграничив их использование в синхронии и диахронии и указав представителей лингвистических направлений, придерживающихся определенного употребления терминов.

На заключительном заседании были подведены итоги работы конференции и высказано предложение сделать подобные встречи регулярными.

Пичугина В. П. (Москва)

24—26 апреля 1990 г. в Риге на базе Латвийского университета состоялась Всесоюзная научная конференция «Закономерности языковой эволюции», организованная Латвийским университетом, Институтом языка и литературы им. А. Упита АН Латвийской ССР, Научным советом АН СССР «Русский язык: его история и современное состояние» и Институтом русского языка АН СССР. В конференции приняли участие более 100 лингвистов из десяти союзных и двух автономных республик, представлявших вузы и академические институты 32 городов, а также слависты из Болгарии, Норвегии, Польши. Участники конференции обсудили актуальные вопросы развития лексической, грамматической, фонетико-фонологической систем славянских и балтийских языков, проблемы балто-славянских языковых отношений.

На двух пленарных заседаниях было заслушано девять докладов. Первые два выступления были посвящены анализу новых фактов, позволяющих реинтерпретировать некоторые традиционные положения компаративистики. Л. А. Са ра д ж е в а (Ереван) на материале лексико-семантической группы «Физический мир» показала возможность рассмотрения балтийского, славянского и армянского как самостоятельных и в то же время близких друг другу индоевропейских диалектов; С. Ка р а л ю н а с (Вильнюс) доказал архаичность двух латышских диалектных лексем, считавшихся новообразованиями либо заимствованиями из славянского (*guls* и *gasts*). В докладе В. И. То ма ш п о л ь с к о г о (Свердловск) был обобщен обширный материал, касающийся происхождения лично-глагольных показателей в балтийских и славянских языках. Основной пафос доклада В. В. Ко л е с о в а (Ленинград) был направлен на необходимость учета акцентологических данных для восстановления истории живого языка. И. С. У л у х а н о в (Москва) указал на новые перспективные, открывающиеся перед исторической русистикой в связи с выходом первых томов «Словаря древнерусского языка (XI—XIV вв.)». В докладе последнего дня конференции заметное место занимали проблемы межславянских языковых отношений. А. Ба р т о ш е в и ч (Варшава) рассмотрел некоторые общие эволюционные процессы в русском и польском словообразовании. В выступлении П. Е. Г р и ц е н к о (Киев) диалектные факты украинского языка были проанализированы с учетом данных лингвогеографии. Доклад О. А. Че р е п а н о в о й (Ленинград) был посвящен проблеме историко-культурной интерпрета-

ции лексики. Г. А. Ха б у р г а е в (Москва), обратившись к вопросу реконструкции праславянской системы претеритов, предположил, что истоки различий претеритных систем славянского Севера и Юга восходят к диалектным различиям праславянской эпохи.

24—25 апреля участники конференции работали в пяти секциях.

Доклады, представленные на трех заседаниях секции «Балто-славянские языковые отношения», концентрировались вокруг трех основных проблем. Вопросы генетических и типологических взаимоотношений между балтийскими и славянскими языками затрагивались в выступлениях Э. А. Бала л ы к и н о й (Казань), М. М. Са х о к и я (Тбилиси), С. Д. Па в и д и с (Рига), С. Ю. Те м ч и н а (Вильнюс), А. Н. Ни ко н ч у к а (Киев). Влияние балтийских языков на славянские, прежде всего на диалектном уровне, рассматривалось в докладах Н. В. Бо л ь ш а к о в о й (Псков), В. Д. Бо н да л е т о в а (Пенза), М. И. К р у п о в е с (Вильнюс), С. М. П р о х о р о в о й (Минск), Г. П. С мо л и ц к о й (Москва). Обратное явление — влияние славянских языков на балтийские — анализировалось М. Ко н д р а т ю к о м (Варшава), А. Вей с б е р г с о м, Р. К в а ш и т е (Рига), М. Ра мо н е н е, А. Рей п е н е (Вильнюс). И. Д р у в и т е (Рига) рассказала о переписке чешского лингвиста П. Зубатого с латышскими языковедами.

На трех заседаниях секции «Грамматика» были заслушаны как доклады общеграмматического содержания [в частности, Л. А. Г л и н к и н а (Челябинск) говорила о статусе грамматических вариантов и дублетов в истории русского языка, а А. К. Ко не в е ц к и й (Вильнюс) — о развитии категории определенности-неопределенности], так и сообщения по конкретным вопросам становления грамматического строя славянских языков, в первую очередь русского. Доклады О. Ф. Жо л о б о в а (Казань) и М. В. Ш у л ь г и (Москва) были посвящены развитию грамматических категорий имени существительного, С. И. И о р д а н и д н (Москва) сообщила о принципах описания существительного в «Древнерусской грамматике», работа над которой ведется в отделе истории языка ИРЯ АН СССР, выступление Н. Д. С и д о р е н с к о й (Псков) и Л. Г. Ча па е в о й (Москва) касались истории местоимений, а Н. В. Ч у р м а е в а (Москва) анализировала связь лексического и грамматического значений сравнительной степени. Четыре доклада были посвящены глаголу: Л. А. Би р ю л и н и В. С. Х р а-

ковский (Ленинград) еще раз обратился к вопросу о развитии особых форм со значением двойственности типа *пойдем!*, Ю. С. Кудрявцев (Тарту) высказал гипотезу о возникновении праславянского имперфекта из сгматического нового аориста, В. Б. Силяина (Москва) рассмотрела некоторые аспекты развития видо-временной системы, Л. А. Шарфуллина (Казань) описала формы прошедшего времени от глаголов на *-нуть* в памятниках XIV—XVI вв. В докладах Л. Р. Абдулхаковой, Л. С. Андреевой (Казань), О. Г. Гецовой (Москва) исследовалась история причастных и деепричастных форм. Доклады, прочитанные на последнем заседании, были посвящены различным проявлениям вариативности на синтаксическом уровне: А. Граннес (Берген) проанализировал варьирование предикативных форм прилагательного при повелительном наклонении, А. М. Кузнецов (Даугавпилс) сообщил об употреблении кратких и полных форм прилагательных при подлежащем в Изборнике 1076 г., А. А. Примене (Шяуляй) рассматривала взаимодействие церковнославянских норм с особенностями живой восточнославянской речи в «Апостоле» Ф. Скорнины, Н. Г. Железняк (Киев) охарактеризовал восточнолеско-закарпатские грамматические изоглоссы, И. Б. Кузьмина (Москва) исследовала синтаксические различия в русских говорах, В. Б. Крысько (Рига) — развитие объектных форм в истории русского языка.

Секция «Лексикология и лексикография» работала на двух секционных и трех подсекционных заседаниях. Проблематика первого секционного заседания была связана с историей различных лексико-семантических групп в русском языке: А. Д. Васильев (Красноярск) и Т. А. Чернякова (Рига) рассматривали различные аспекты истории эмоционально окрашенной лексики, В. Н. Попов (Москва) — историю бытовых глаголов, Л. П. Рупосова (Москва) — развитие музыкальной терминологии, Л. М. Устюгова (Ужгород) — семантическую историю слов с корнями *-треб-* / *-терб-*; в двух докладах затрагивалась проблема заимствований: Е. Н. Борисова (Смоленск) анализировала балтизмы в смоленском диалекте, а В. Г. Демьянов (Москва) — полонизмы в русском языке XVII в. На втором секционном заседании был представлен ряд докладов по этимологии и истории слов: Р. В. Алимпиной (Калининград), Л. Ю. Астахиной (Москва), А. Ф. Журавлева (Москва), М. И. Черныше-

вой (Москва), В. Г. Пужулиса (Рига), О. И. Смирновой (Москва), а также доклады А. Н. Булько (Минск) о роли изданий Ф. Скорнины в формировании словарного состава белорусского языка и С. С. Ваулиной (Калининград) о развитии модальной лексики в русском языке. В подсекции А были заслушаны доклады С. А. Аверинной (Ленинград), С. И. Баженовой-Рагриной, Н. А. Нечунаевой (Таллинн), И. С. Кошкина (Рига), Т. М. Николаевой (Казань), Н. В. Убыйовой (Тирасполь), посвященные исторической стилистике. Тематика докладов, прочитанных в подсекциях Б и В, более разнообразна: диалектная лексикология [О. Е. Кармакова, Е. А. Нефедова (Москва)], активные процессы в лексике современных славянских языков [Д. Благова (Русе), В. М. Грязнова (Ставрополь), Е. П. Пацубина (Москва), С. И. Алаторцева (Ленинград)], развитие лексики на ранних этапах формирования национальных литературных языков [Т. А. Лисицина (Кривой Рог), Е. Н. Муссурова (Тирасполь), Э. Я. Икере (Даугавпилс), А. М. Поповский (Днепрпетровск)], антропонимика [С. Н. Пахомова (Ужгород)], использование психолингвистических методов при синхронно-диахроническом анализе синонимов [И. Г. Овчинникова (Пермь)].

На двух заседаниях секции «Словообразование» были представлены доклады, посвященные общим вопросам: стилистическим проблемам исторического словообразования [Г. А. Николаев (Казань)], соотношению лексического, грамматического и прагматического в семантике производного слова [В. А. Кудрявцева (Усть-Каменогорск) и Л. А. Шеляховская (Алма-Ата)], а также исторической характеристике отдельных словообразовательных типов и способов словообразования [Ц. Досева (София), В. Н. Виноградова (Москва), Л. Я. Костючук (Псков), К. А. Максимович (Москва), Ц. Иванова (Русе), И. И. Макеева (Москва), М. Н. Махонина (Москва), Н. Ю. Авина (Вильнюс), Е. И. Коряковцева (Грозный), В. П. Пичугина (Москва), М. В. Черепанов (Саратов)].

На заседании секции «Фонетика и фонология» были заслушаны три доклада по исторической акцентологии русского [А. Д. Кривоносков, Е. А. Лехно (Ленинград)] и литовского [Б. Ступдзя (Вильнюс)] языков, доклад В. Г. Руделева (Тамбов), содержащий новую интерпретацию прасла-

вских палатализаций, а также доклады Л. Э. Калынин, Л. Л. Касаткина, Р. Ф. Касаткиной, С. В. Клязева (Москва), освещающие ряд малозученных проблем исторической фонетики русского языка с позиций диалектологии и лингвогеографии.

В ходе общей дискуссии на втором пленарном заседании было единодушно поддержано предложение и впредь регулярно проводить всесоюзные конференции по истории языка и диалектологии. Представляется весьма желательным и в дальнейшем привлекать к участию в подобных совещаниях зарубежных ученых. Признано необходимым перевести на русский язык труды крупнейшего

американского индоевропеиста М Гиббаса. Было также высказано пожелание, чтобы какой-либо из вузов страны взял на себя издание сборника или даже серии сборников, посвященных языковедному варьированию.

В целом конференция показала, что языковеды активно занимаются важнейшими проблемами диахронической лингвистики; это позволяет перейти от фактографии к установлению причинно-следственных отношений и связей в истории языковых групп и национальных языков.

Крыжко В. Б. (Рязь)

МОНОГРАФИИ И СБОРНИКИ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ

СПИСОК ПУБЛИКУЕТСЯ ДЛЯ ВОЗМОЖНОГО РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ ПОСТУПИВШИХ КНИГ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»
ПРИСЛАННЫЕ КНИГИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ
КНИГА ОСТАЕТСЯ У РЕЦЕНЗЕНТА

Карлинский А. Е. Основы теории взаимодействия языков. Алма-Ата 1990 181 с.

Britain 400—600. Language and history / Ed. by Bammesberger and Wollmann A Heidelberg. 1990. 475 p.

BudaLEX '88 Proceedings. Papers from the EURALEX Third International Congress. Budapest. 1990. 550 p.

De Lambertine Ch. Les adjectifs grecs en v ξ : Sémantique et comparaison I—II Louvain-La-Neuve 1990

Fält E. Compounds in contact. A study in compound words with special reference to the Old Slavonic translation of Flavius Josephus' Περὶ τοῦ Ἰουδαίου πολέμου Uppsala. 1990. 168 p.

Guentcheva Zl. Temps et aspect: l'exemple du bulgare contemporain Paris 1990 250 p.

Horn G. Lexical-functional grammar Berlin; New York; Amsterdam 1983 394 p

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ
 ПЕРИОДИЧЕСКИХ И ПРОДОЛЖАЮЩИХСЯ ИЗДАНИЙ, ПРИНЯТЫХ
 В ЖУРНАЛЕ «ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

- БЕ -- Български език
 ВДИ -- Вестник древней истории
 ВИ -- Вопросы истории
 ВСЯ -- Вопросы славянского языкознания
 ВФ -- Вопросы философии
 ВЯ -- Вопросы языкознания
 ЕИКЯ -- Ежегодник иберийско-кавказского языкознания
 ЖМНП -- Журнал Министерства народного просвещения
 ЗВО РАО -- Записки Восточного отделения Русского археологического общества
 ИАН СЛЯ -- Известия АН СССР. Серия литературы и языка
 ИКЯ -- Иберийско-кавказское языкознание
 ИОРЯС -- Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук (Росс. АН), АН СССР
 ИЯШ -- Иностранные языки в школе
 РЯШ -- Русский язык в нач. школе
 РЯШ -- Русский язык в школе
 СБНУ -- Сборник за народни умотворения
 СТ -- Советская тюркология
 ФН -- Доклады высшей школы. Филологические науки
 ADAW -- Abhandl. der Deutschen (Berliner) Akad. der Wissenschaften Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst
 AfsIph -- Archiv für slavische Philologie
 AGL -- Archivio glottologico Italiano
 AKGW -- Abhandl. der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen
 AL -- Acta linguistica
 AmA -- American anthropologist
 ANF -- Arkiv för nordisk filologi
 AO -- Archiv orientální
 APAW -- Abhandl. der Preussischen Akad. der Wissenschaften. Philosoph.-hist. Klasse
 BCLC -- Bulletin du Cercle Linguistique de Copenhague
 BPTJ -- Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego
 BSLP -- Bulletin de la Société de linguistique de Paris
 BSOS -- Bulletin of the School of Oriental Studies
 BzNf -- Beiträge zur Namenforschung
 CAJ -- Central Asiatic Journal
 CFS -- Cahiers. F. Saussure
 CJ -- The classical journal
 FPhon -- Folia phoniatrica
 FuF -- Finnisch-ugrische Forschungen
 GL -- General linguistics
 HR -- Hispanic review

IF — Indogermanische Forschungen
 IJ — Indo-Iranian journal
 IJAL — International journal of American linguistics
 JA — Journal asiatique
 JASA — Journal of the Acoustical society of America
 JEGPh — Journal of English and Germanic philology
 JL — Journal of linguistics
 JP — Język polski
 JRAS — Journal of the Royal Asiatic society
 JSFOu — Journal de la Société finno-ougrienne
 JФ — Јужнословенски филолог
 KZ — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen
 LaPh — Linguistics and Philosophy
 Lg — Language
 LIn — Linguistic Inquiry
 LM — Les langues modernes
 MM — Maal og minne
 MSFOu — Mémoires de la Société finno-ougrienne
 MSLP — Mémoires de la Société de linguistique de Paris
 MSOS — Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin
 NSS — Nysvenska studier
 NTS — Norsk tidsskrift for sprogvidenskap
 PBB — Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur
 PMLA — Publications of the Modern Language Association of America
 ReS — The Review of English studies
 RÉG — Revue des études grecques
 RÉSI — Revue des études slaves
 RF — Romanische Forschungen
 RKJL — Rozprawy Komisji językowej Łódź. t-wa naukowego
 BRJW — Rozprawy Komisji językowej Wrocławsk. t-wa naukiwego
 BLIn — Russian linguistics
 RLR — Revue de linguistique romane
 RO — Rocznik orientalistyczny
 RS — Rocznik slawistyczny
 SaS — Slovo a slovesnost
 SDAW — Sitzungsberichte der Deutschen Akad. der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst
 SL — Studia linguistica
 SMS — Sbornik matice slovenskej pre jazykozpyt, národopis a literárnu históriu
 SPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akad. der Wissenschaften
 StO — Studia orientalia
 SWAW — Sitzungsberichte der Wiener Akad. der Wissenschaften
 TA — Traduction automatique
 TLC — Travaux du Cercle linguistique de Copenhague
 TCLP — Travaux du Cercle linguistique de Prague
 TIL — Travaux de l'Institut de linguistique
 TPhS — Transactions of the Philological society
 UAJB — Ural-Altäische Jahrbücher
 UJB — Ungarische Jahrbücher
 VR — Vox Romanica
 WW — Wirkendes Wort
 ZAS — Zentralasiatische Studien

ZCPH -- Zeitschrift fur celtische Philologie
ZDA -- Zeitschrift fur deutsches Altertum
ZDMG -- Zeitschrift der Deutschen morgenlandischen Gessellschaft
ZDPH -- Zeitschrift fur deutsche Philologie
ZMaF -- Zeitschrift fur Mundartforschung
ZNS -- Zeitschrift fur neuere Sprachen
ZPhon -- Zeitschrift fur Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft
ZRPB -- Zeitschrift fur roma ische Philologie
ZSL -- Zeitschrift fur Slavistik
ZSLPh -- Zeitschrift fur slavistische Philologie

Технический редактор *Беляева Н. Н.*

Сдано в набор 27.02.91	Подписано к печати 29.04.91	Формат бумаги 70×100 ^{1/2} / ₁₆		
Офсетная печать	Усл. печ. л. 13,0	Усл. кр.-отт. 51,2 тыс.	Уч.-изд. л. 15,4	Бум. л. 5,0
	Тираж 3987 экз.	Заказ 1143	Цена 2 р. 30 к.	

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волконка, 18/2. Институт русского языка.
телефон 203-00-78

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6